

ТРУДЫ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУИБЫШЕВА

Том 137

Серия юридическая

ПЯТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА,
посвященная 350-летию города Томска
СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск—1957

ТРУДЫ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 137

Серия юридическая

ПЯТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА,
посвященная 350-летию города Томска

СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск—1957

Отв. редактор проф. А. П. Бунтин.

Редактор тома доцент А. И. Ким

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Проф. А. П. Бунтин (председатель, ректор университета), проф. В. А. Пегель (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя) проф. Б. Г. Иоганзен (ученый секретарь), доц. Н. Ф. Бабушкин, проф. Г. Г. Григор. доц. Н. А. Гуляев, директор издательства М. С. Змазнев, проф. В. Н. Кессених, доц. А. И. Ким, член-корр. АН СССР В. Д. Кузнецов, проф. П. П. Куфарев, проф. М. М. Окунцов, доц. Т. Н. Петрова, ст. н. с. Н. В. Прикладов, проф. Н. С. Прилежаева, проф. И. М. Разгон, доц. В. В. Серебrenников, доц. П. И. Скороспелова, проф. М. В. Тронов, секретарь парткома Л. С. Фирюлина, проф. В. А. Хахлов, проф. К. П. Ярошевский.

ОТ РЕДАКТОРА

В 1954 году исполнилось триста пятьдесят лет со дня основания города Томска — одного из больших экономических и культурных центров Сибири.

К этой дате была приурочена пятая научная конференция Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева, которая состоялась в период с 27 ноября по 4 декабря 1954 г.

Конференция привлекла внимание значительного круга научных работников Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В работах конференции также приняли участие руководящие работники партийных и советских органов г. Томска и области, а также представители промышленного и сельскохозяйственного производства.

Конференция работала в составе 12 секций и 11 подсекций, имела два пленарных и свыше 90 секционных заседаний.

В числе секций юбилейной (V) научной конференции Томского государственного университета также работала секция юридических наук.

На заседаниях секции юридических наук были заслушаны доклады по различным проблемам советской науки о государстве и праве — советского государственного права, советского гражданского права, колхозного права, уголовного права, советского судебного права, государственного права стран народной демократии и международного публичного права.

В качестве докладчиков выступали научные работники юридического факультета Томского государственного университета, работники исполнительного комитета Томского областного Совета депутатов трудящихся, органов суда и прокуратуры гор. Томска и Томской области.

Доклады, заслушанные на секции, подверглись оживленному обсуждению участников конференции. Доклады и выступления по ним показали, что коллектив преподавателей самого молодого в Томском университете юридического факультета с каждым годом интенсивнее ведет научно-исследовательскую работу. Конференция одобрила направления научно-исследовательской работы кафедр юридического факультета университета, рекомендовала им сосредоточить усилия научных работников факультета на исследовании актуальных проблем государственного права СССР и стран народной демократии, советского гражданского, уголовного и судебного права. Конференция отметила укрепление связи научно-исследовательской работы юридического факультета с практикой советских органов, органов суда и прокуратуры, рекомендовала факультету усилить работу в этом направлении, дальше укреплять содружество науки и практики.

В настоящем томе трудов Томского государственного университета представлена часть докладов, заслушанных на секции юридических наук и одобренных ею. Доклады были представлены в редколлегиям

университета в декабре 1954 года. Однако по издательским причинам они не были опубликованы своевременно. В настоящем томе доклады публикуются с небольшими изменениями.

Во втором разделе тома публикуется сообщение О. А. Жидкова о Верховном Суде США в эпоху империализма. Оно было представлено в редколлегию в более позднее время.

А. И. КИМ

ПЕРВАЯ КОНСТИТУЦИЯ СССР И СОВЕТСКОЕ ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ¹⁾

Первая Конституция СССР была принята в январе 1924 года II Всесоюзным съездом Советов. Она была принята в обстановке, когда советская страна, покончив с навязанной ей войной против внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции, развернула борьбу за претворение в жизнь ленинского плана построения в СССР социалистического общества. Необходимо было на основе новой экономической политики восстановить промышленность и сельское хозяйство, осуществить социалистическую индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, ликвидировать остатки капиталистических форм хозяйства и эксплуататорских классов. При этом Коммунистическая партия обращала особое внимание на развитие тяжелой промышленности, имея в виду, что без тяжелой промышленности самостоятельное существование Советского государства во враждебном капиталистическом окружении было бы немислимо. Поэтому XIV съезд партии, отметив укрепление позиций социализма как внутри страны, так и на международной арене, поставил задачу — «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования»²⁾.

В осуществлении задач строительства социализма в СССР главная роль принадлежала советскому социалистическому государству, которое обладало необходимой политической и экономической силой для того, чтобы обеспечить подавление свергнутых классов и построение в СССР социалистического общества. Это и нашло свое отражение в Конституции СССР 1924 года и в конституциях союзных республик, принятых в первой главной фазе развития Советского государства.

Советское государство является главным орудием построения в СССР социалистического общества. Поэтому Коммунистическая партия

¹⁾ Два предыдущих наших очерка по советскому избирательному праву были посвящены исследованию процесса возникновения и развития принципа всеобщих выборов для трудящихся в советском избирательном праве до принятия первой Конституции СССР, его соответствии экономическому строю переходного периода от капитализма к социализму, обусловленности этого принципа избирательного права особым соотношением классовых сил в Советском государстве в первой фазе его развития, его значения в выполнении Советским государством особой роли в истории (см. «Ученые записки» Томского государственного университета, вып. 23, 1954 г. и «Труды Томского государственного университета», том 127, 1956 г.). Настоящий очерк посвящается нами развитию принципа всеобщих выборов для трудящихся в период действия первой Конституции СССР.

²⁾ «КПСС в резолюциях...», 1954 г., ч. II, стр. 196—197.

постоянно проявляла заботу об укреплении Советского государства, совершенствовании его аппарата, повышении его организаторской роли в хозяйственно-политической и культурной жизни страны, строжайшем соблюдении социалистической законности, усилении руководящей роли Коммунистической партии в деятельности Советского государства. При этом первостепенное значение всегда придавалось массовому привлечению трудящихся к решающему участию в делах государства, имея в виду, что в отличие от государств эксплуататорского типа социалистическое государство сильно поддержкой масс, их сознательным отношением к своему гражданскому долгу³⁾.

В период военного коммунизма, в силу военной обстановки, советский государственный аппарат действовал без должной связи с массами, его работа, как об этом говорилось в постановлении ВЦИК от 8 февраля 1921 года о перевыборах Советов, «сосредоточилась в узких коллегиях исполнительных органов Советов и съездов Советов, а главным образом в Президиумах исполнительных комитетов и в Революционных комитетах⁴⁾. Прекращение военных действий на фронтах страны и наступившая полоса мирного строительства с новыми хозяйственными и политическими задачами повелительно диктовали резкое изменение форм и методов работы периода военного коммунизма и перенесение центра тяжести работы государственного аппарата от узких коллегий на массы трудящихся, на широкое вовлечение их в работу Советов, на развитие пролетарского демократизма, на усиление принципа коллективности в работе органов Советского государства в центре и на местах. В соответствии с этим ВЦИК 8 февраля и 10 марта 1921 года в постановлении и циркулярном письме обращал внимание Советов на «вовлечение широких трудящихся масс в созидательную работу, активное участие в которой лежит в основе Конституции РСФСР⁵⁾».

Важным рычагом вовлечения трудящихся в государственное управление всегда являлось и является советское избирательное право, поскольку «выборы в Советы являются важнейшей школой политического воспитания трудящихся масс и основной формой привлечения рабочих и крестьян к делу советского строительства⁶⁾. Поэтому еще VIII Всероссийский съезд Советов (декабрь 1920 г.) постановил производить регулярные перевыборы Советов, а также регулярно, в установленные сроки, созывать съезды Советов⁷⁾».

Основными юридическими источниками, регулировавшими производство выборов в Советы в период до объединения независимых республик в СССР, были конституции этих республик, принятые в 1918—1922 годах⁸⁾ и изданные на их основе избирательные законы⁹⁾. Эти источники советского избирательного права отражали требования перехода общества от капитализма к социализму и служили интересам победы социалистического базиса в СССР.

³⁾ См. В. И. Ленин, соч., т. 26, стр. 224.

⁴⁾ С. У. 1921 г., № 11, ст. 72.

⁵⁾ С. У. 1921 г., № 11, ст. 72. См. также С. У. 1921 г., № 30 ст. 163.

⁶⁾ С. З. 1925 г., № 35, ст. 247.

⁷⁾ См. С. У. 1921 г., № 1, ст. 1.

⁸⁾ См. Первая конституция СССР (Конституция СССР 1924 г.). Сб. документов под ред. и с предисловием акад. А. Я. Вышинского. М., 1948 г., стр. 173, 177, 232, 259, 274, 293.

⁹⁾ Так, в РСФСР после принятия конституции в 1918 году были приняты избирательные законы: «О порядке перевыборов волостных и сельских советов» (С. У. 1921 г., № 86, ст. 901); «Инструкция о перевыборах городских и сельских Советов» (С. У. 1922 г., № 56, ст. 706). Вопросы избирательного права также затрагивались в положениях о местных органах власти (С. У. 1922 г., № 72—73, ст. 907; С. У. 1922 г., № 10, ст. 90; С. У. 1922 г., № 10, ст. 91; С. У. 1922 г., № 10, ст. 92; С. У. 1922 г., № 10, ст. 93).

Образование СССР и принятие затем Конституции СССР в 1924 году не внесли каких-либо существенных изменений в советское избирательное право и, в частности, в вопрос о субъектах советского избирательного права, который и является предметом нашего исследования. Более того, можно утверждать, что Конституция СССР 1924 года не имела задачи правового регулирования выборов вообще, о чем свидетельствует отсутствие в ней главы о советской избирательной системе; она ограничилась лишь установлением порядка и норм представительства союзных республик на съездах Советов¹⁰).

**

Конституции и законы о выборах Советов, которыми в союзных республиках регулировались вопросы производства выборов до принятия Конституции СССР и союзного избирательного законодательства, давали ответы на основные вопросы практики выборов в Советы. Однако в них имелись пробелы, ввиду чего в практике советского строительства иногда давались разноречивые ответы на ряд существенных вопросов избирательного права, в частности — на вопрос о субъектах избирательного права.

Между тем на рельсах новой экономической политики явно наметился общий хозяйственный подъем, значительно возросла политическая активность трудящихся, укрепился союз рабочего класса и крестьянства. Об этом свидетельствовали результаты выборов 1923 года, когда явилось на выборы в городах 38,5% избирателей вместо 36,5% в 1922 году, в деревнях — 37,2% вместо 22,3% в 1922 году.

Вместе с тем, выборы 1923 года показали, что в целях дальнейшего развития советского демократизма, поднятия политической и трудовой активности масс необходимо выработать новые избирательные законы, которые бы полнее отразили политику партии в условиях НЭП'а и классовые сдвиги, наметившиеся на новом этапе развития Советского государства, обобщили в законодательном порядке богатую практику привлечения через выборы Советов трудящихся к делу государственного управления и изоляции капиталистических элементов.

Первые шаги в этом направлении были предприняты центральными исполнительными комитетами союзных республик в 1924 году, когда они издали новые избирательные инструкции¹¹). В полном соответствии с принципом всеобщих выборов для трудящихся, закрепленным в конституциях союзных республик, новые избирательные законы предусматривали избирательную правоспособность лиц, которые занимались общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность по отношению к Советской власти. Соответственно этому при определении круга избирателей новые избирательные законы дали дальнейшую детализацию ст. 64 Конституции РСФСР и соответствующих статей конституций других республик, учтя при этом данные избирательной практики. Так, инструкция о перевыборах Советов РСФСР закрепила, что не служат препятствиями для избирательной правоспособности: занятие сельским хозяйством с применением наемного труда, если при этом соблюдены требования ст. ст. 39—41 Земельного Кодекса РСФСР (прим. 1, ст. 15); получение процентов с вкладов в трудовых сберегательных кассах и

¹⁰) Однако принципы этой конституции в целом и принципы производства выборов делегатов на Всесоюзные съезды Советов, отражавшие программные требования Коммунистической партии; имели руководящее значение для развития советского избирательного права в течение всего периода действия первой Конституции СССР.

¹¹) См. С. У. РСФСР 1924 г., № 74, ст. 695, Инструкцию о производстве выборов в сельские Советы, на участковые, уездные и городские съезды Советов АзССР, 1924 г., г. Баку и др.

с облигаций государственных и коммунальных займов (прим. 2, ст. 15); прошлое низших чиновников и деятелей как царского, так и контрреволюционных правительств, если они доказали своей службой или деятельностью лояльность по отношению к Советской власти (прим. к ст. 17).

Впервые в советском избирательном законодательстве и в соответствии с практикой выборов в Советы инструкции о перевыборах Советов 1924 г. дали такое толкование ст. ст. 23 и 65 Конституции РСФСР и соответствующих статей конституций других республик, которое закрепило их обратную силу. Это соответствовало политике Советской власти и духу конституций. Так, инструкция о перевыборах Советов РСФСР подчеркнула в ст. 14, что санкция по пп. «а», «б» и «в» ст. 65 Конституции распространяется на лиц, относящихся к этим категориям граждан либо по прошлому образу жизни, либо по классовому положению в момент выборов. Ст. 16 этой инструкции дала толкование п. «г» ст. 65 Конституции РСФСР, указав распространение санкции этой статьи на монахов, духовных служителей и служителей церквей и религиозных культов всех вероисповеданий и толков (ст. 16). Наконец, следует отметить ст. 17 инструкции, которая дала толкование п. «д» ст. 65 Конституции, указав, что санкция этой статьи распространяется на лиц «...прямо или косвенно руководивших деятельностью полиции, жандармерии и карательных отрядов как при царском строе, так и равно на территории, занимавшейся контрреволюционными правительствами (Колчака, Деникина и др.)».

Вместе с тем, руководствуясь принципом лишения избирательных прав только действительных врагов народа и восстановления в правах тех из них, кто прекратил борьбу против Советской власти, как это предусмотрено программой Коммунистической партии¹²⁾, избирательный закон РСФСР 1924 г. впервые в истории советского законодательства предусматривал условия восстановления в избирательных правах лиц, лишавшихся этих прав на основании пп. «а», «б» и «в» ст. 65 Конституции РСФСР. В этом ярко выразился последовательный характер советского демократизма, который, в отличие от буржуазной демократии, не знает лиц, пожизненно лишенных избирательного права.

Таким образом, избирательные законы союзных республик 1924 года сделали значительный шаг вперед как в отражении соответствующей соотношению классовых сил политики большевистской партии и Советского государства, так и в обобщении и закреплении избирательной практики Советов. Этим самым советское всеобщее избирательное право для трудящихся стало более отточенным оружием диктатуры рабочего класса в борьбе против врагов революции и в организации строительства социализма в СССР.

На основании новых избирательных законов в 1924 г. были проведены выборы в Советы. Эти выборы ярко отразили растущую политическую активность трудящихся города: в выборах 1924 г. в городах участвовало до 40,5% избирателей против 38,5% в 1923 г.

Вместе с тем, эти выборы выявили и серьезные недостатки в развертывании советского демократизма в деревне, в силу чего в выборах сельских Советов в 1924 г. участвовало избирателей меньше (28,9%), чем в 1923 г. (37,2%). В целом по стране в выборах 1924 г. приняло участие меньше избирателей (33,2%), чем в 1923 г. (37,85%)¹³⁾.

Недостатки в работе в деревне состояли в том, что в ряде случаев советские работники на местах не изменили методов и форм работы периода военного коммунизма, нередко нарушали принципы социалисти-

¹²⁾ См. «КПСС в резолюциях и решениях...», М., 1954, ч. I, стр. 414.

¹³⁾ См. Советское государственное право. Под редакцией А. Я. Вышинского. М., 1938 г., стр. 605.

ческого демократизма и революционную законность, не всегда считались с нуждами, интересами и волей крестьянства, а нередко даже игнорировали их. В результате этого такие работники оторвались от крестьянских масс, от избирателей, чувствовали зависимость лишь сверху, но не снизу, а отсюда — бесконтрольность, самоуправство, произвол правителей, с одной стороны, недовольство и ропот в деревне — с другой. Сами выборы в Советы в этих условиях представляли собой пустую канцелярскую процедуру протаскивания в депутаты людей, не пользующихся доверием крестьянских масс. Это привело к уклонению в 1924 г. значительной части крестьянских избирателей от участия в выборах Советов, к ослаблению политического влияния рабочего класса на массы крестьянства, отходу некоторой части среднего крестьянства к кулаку.

Этим пытались воспользоваться враги Советской власти и их агентура в нашей партии — троцкистско-зиновьевские бандиты. Эти презренные враги народа требовали лишения середняков избирательного права и изгнания их из «нижних этажей» Советской власти, клеветали на Советскую власть, обвиняли ее в перерождении, в «непролетарском характере» Советского государства и т. д. Однако эти враги своевременно были разоблачены Коммунистической партией и разгромлены¹⁴⁾. Партия наметила и провела меры перестройки работы Советов, изоляции классовых врагов, завоевания вновь повсеместно середняка, укрепления союза рабочего класса с крестьянством, повышения руководящей роли первого по отношению ко второму. Руководящим началом в этих мероприятиях партии явился курс на оживление работы Советов, выдвинутый октябрьским Пленумом ЦК партии в 1924 году¹⁵⁾, одобренный и развитый в решениях апрельского Пленума ЦК партии, XIV партконференции, XIV съезда партии и июльского объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 года¹⁶⁾.

Так, XIV партийная конференция (апрель 1925 г.) указала, что при создавшихся условиях необходимо обратить серьезное внимание на укрепление союза рабочего класса и крестьянства и что в области политики основная директива партии состоит в оживлении Советов и улучшении пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти со смелым и решительным переходом на линию революционной законности и искоренении остатков военного коммунизма в административно-политической работе¹⁷⁾. Октябрьский Пленум ЦК РКП(б) (1925 г.) указал, что при проведении политики оживления Советов, вовлечения в их работу широких масс бедняков и середняков партия должна особое внимание уделить на то, чтобы при этом сплотить вокруг себя бедноту и вести за собой среднее крестьянство¹⁸⁾. XIV съезд РКП(б), состоявшийся в декабре 1925 г., еще раз указал на необходимость неуклонного проведения политики оживления работы Советов в городе и в деревне и повышения политической активности трудящихся¹⁹⁾.

Для осуществления задач по оживлению Советов, намеченных Коммунистической партией, ЦК РКП(б) и Советское правительство провели ряд важных организационных мер. Для непосредственного руководства всей работой партии по оживлению работы Советов при ЦК РКП(б) была образована специальная комиссия под руководством секретаря ЦК РКП(б) тов. В. М. Молотова. По линии Советов 9 декабря

¹⁴⁾ См., например, резолюцию о выступлении Троцкого, принятую Пленумом ЦК РКП(б) и ЦКК 17 января 1925 г. («КПСС в резолюциях...», 1954 г., ч. II, стр. 107—115).

¹⁵⁾ См. «КПСС в резолюциях...», 1954 г., ч. II, стр. 102.

¹⁶⁾ См. там же, стр. 116—117, 136, 200 и 270.

¹⁷⁾ См. «КПСС в решениях и резолюциях...», 1954 г., ч. II, стр. 131—132.

¹⁸⁾ См. там же, стр. 182.

¹⁹⁾ См. там же, стр. 200.

1924 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о созыве Всесоюзного совещания по вопросам советского строительства и улучшения работы Советов. Это Совещание имело две сессии и главным образом занималось вопросами избирательного права. Это объяснялось целым рядом обстоятельств, имевших принципиальное значение.

Прежде всего, правильному проведению выборов в Советы принадлежала ведущая роль в осуществлении указаний партии по оживлению работы Советов, по массовому вовлечению трудящихся в государственное управление. Сообразно с этим необходимо было привести советское избирательное законодательство в соответствие с политикой Коммунистической партии. Во-вторых, по указанию партии Президиум ЦИК СССР 29 декабря 1924 года принял постановление о проведении повторных выборов Советов в тех местностях, где при проведении последних выборов были допущены нарушения избирательных законов и явка избирателей на перевыборные собрания составляла ниже 35 %²⁰⁾. Эти повторные выборы необходимо было провести на основе нового избирательного закона. И, наконец, в-третьих, избирательная практика Советов по Советскому Союзу показала, что для правильного проведения политики большевистской партии и союзного правительства и обеспечения единообразия избирательного законодательства и унификации практики проведения выборов в Советы по всему Союзу необходимо было установление общих основ избирательного законодательства органами высшей государственной власти СССР.

Январская сессия Совещания была посвящена исключительно выработке первой всесоюзной избирательной инструкции, которая затем была утверждена Президиумом ЦИК СССР 16 января 1925 года²¹⁾. Несмотря на недостатки, которые имелись в этой инструкции и о которых речь будет ниже, эта инструкция дала ответы на ряд вопросов, выдвинутых избирательной практикой Советов на местах, и впервые унифицировала избирательное законодательство по всему Союзу.

Прежде всего, исходя из трудового принципа советского всеобщего избирательного права для трудящихся, эта инструкция закрепила правоспособность всех трудящихся и, в частности, тех, кто был указан в примечаниях 1 и 2 ст. 15, рассмотренной нами выше избирательной инструкции РСФСР 1924 года. Она дала толкование п. «г» ст. 65 Конституции РСФСР и соответствующим статьям конституций других союзных республик, впервые установив, что санкция этой статьи не распространяется на тех из монахов и духовных служителей, для которых эта работа не является профессией (ст. 21). Далее, исходя из духа ст. 64 Конституции РСФСР и соответствующих статей конституций других республик и обобщая избирательную практику, инструкция СССР 1925 г. закрепила избирательную правоспособность кустарей, ремесленников, извозчиков и др. и территориальный принцип выборов для так называемого неорганизованного населения в городах (ст. 25). Это было очень важно, ибо эти слои трудящихся, как об этом говорил Л. М. Каганович в своем докладе на Совещании, «...раньше фактически в целом ряде случаев не участвовали в выборах, так как выборы происходили по предпочтениям, по объединениям...»²²⁾.

В определении круга лиц, лишенных избирательного права, инструкция СССР 1925 г. содержала нормы, которые частично уже предвосхищала инструкция РСФСР 1924 года. Она закрепила лишение избирательного права лишь тех монахов и духовных служителей, для которых эта

²⁰⁾ С. З. 1925 г., № 6, ст. 3.

²¹⁾ С. З. 1925 г., № 6, ст. 55.

²²⁾ Совещание по вопросам советского строительства, 1925 г., январь. Изд. ЦИК СССР. М., 1925 г., стр. 120.

работа является профессией (ст. 21), а также порядок и условия восстановления в избирательных правах лиц, лишенных их по пп. «а», «б» и «в» ст. 65 Конституции РСФСР и соответствующим статьям конституций других республик, воспроизводя в основном текстуально ст. 15 инструкции РСФСР 1924 г. (ст. 20).

Такова была первая избирательная инструкция СССР. На основании этой инструкции были изданы новые избирательные инструкции в союзных республиках²³), и в том же 1925 году были проведены новые выборы в Советы. Во время выборов партийные организации на местах возглавляли политический и трудовой подъем трудящихся, направляли его на разрешение задач восстановления народного хозяйства и борьбы с классовыми врагами. Так, например, Московский Комитет РКП(б) в связи с очередными выборами в Советы организовал разъяснение трудящимся Москвы успехов советского народа в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, трудностей на этом пути. Он обратился с особым призывом к трудящимся Москвы приумножить усилия по восстановлению промышленности, по улучшению материального положения населения, по дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства. МК РКП(б) призывал трудящихся Москвы к активному участию в работе Советов через выборы, неуклонному выполнению «Завета Владимира Ильича, что каждая кухарка должна научиться управлять государством, что Советы должны быть величайшей школой социалистического строительства для трудящихся масс»²⁴). Под руководством партийных организаций повсеместно велась решительная борьба с нарушениями законов при выборах, с неправильными действиями и упущениями со стороны избирательных комиссий, широко была использована повесточная система оповещения избирателей и т. д. Благодаря этому в 1925 году в выборах Советов приняло участие вдвое больше избирателей, чем в 1924 г.²⁵). Выборы показали, что минимальный процент участия избирателей, установленный для правомочия избирательных собраний (35%), оставлен далеко позади, и активность избирателей в целом составляла 45—50%²⁶). Особо следует отметить возрастание политической активности той части трудящихся, которая не была объединена профсоюзами (ремесленники, кустари, домашние хозяйки, извозчики и др.). Для них, как говорилось выше, избирательная инструкция СССР 1925 г. узаконила установленную практикой выборов в Советы организацию территориальных избирательных собраний.

Таким образом, союзная избирательная инструкция 1925 года уже сыграла заметную роль в массовом вовлечении трудящихся в Советы, в оживлении работы последних.

Однако, как это отмечал позже объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль 1926 г.), эта инструкция, как и другие инструкции и разъяснения центральных и местных органов, допустила некоторые от-

²³) «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» (Утв. ВЦИК 13/Х—1925 г. С. У. 1925 г., № 79, ст. 603); «Об избирательных правах граждан и порядке производства выборов» (пост. ВУЦИКа и СНК УССР от 18/ХІ—1925 г., г. Харьков, 1925 г.); Инструкция о выборах в Советы (утв. Президиумом ВУЦИКа 1/ХІІ—1925 г., Харьков, 1925 г.); Инструкция о выборах в Советы (утв. ЦИК Гр. ССР 19/Х—1925 г., Тифлис, 1926 г.) и др.

²⁴) Листовки Московской организации большевиков, 1914—1925 гг., М., 1954 г., стр. 387.

²⁵) См. Пост. III съезда Советов СССР по вопросам советского строительства (С. З., 1925 г., № 35, ст. 247).

²⁶) Совещание по вопросам советского строительства, 1925 г., апрель. Изд. ЦИК СССР. М., 1925 г., стр. 5. Вот некоторые сравнительные данные по губерниям: в Полтавской — от 26,4% в 1924 г. до 42,6% в 1925 г., в Иркутской — соответственно 26% и 46%, в Нижегородской — 19% и 44%, в Московской — 30% и 57% и т. д. (см. там же).

ступления от партийной линии в смысле ограничительного толкования закона о лишении капиталистических элементов избирательных прав. Это нашло, в частности, выражение в том, что для восстановления лишенных в избирательных правах она предусматривала недостаточно выдержанные в политическом отношении требования, а порядок восстановления их в избирательных правах, установленный этой инструкцией, был необоснованно облегченным и упрощенным (ст. 20). Благодаря такому ограничительному толкованию закона о лишении буржуазии избирательных прав советский избирательный корпус оказался засоренным враждебными классовыми элементами. Поэтому Пленум признал необходимым исправить избирательные инструкции для приведения их в строгое соответствие с Советской Конституцией и общей линией партии.

* * *

Важное значение в развитии советского избирательного права имел пересмотр конституций союзных республик, вытекавший из ст. 5 Конституции СССР 1924 г., и принятие конституций в республиках, ставших союзными после образования СССР в 1922 г.

В РСФСР конституция была пересмотрена и утверждена XII съездом Советов в мае 1925 года²⁷⁾. В соответствии с союзным законодательством и изменившимся соотношением классовых сил в стране раздел IV конституции (об избирательной системе) подвергся значительному пересмотру, хотя основные принципы советского избирательного права оставались неизменными. «Мы не вносим,— говорил Народный Комиссар Юстиции РСФСР Д. И. Курский, выступавший на съезде с докладом по данному вопросу,— каких-либо коренных изменений в наше избирательное право. По-прежнему мы строим наше избирательное право на трудовых принципах, исходя из недопустимости эксплуатации человека человеком»²⁸⁾.

К числу новых положений, записанных в конституции, следует отнести следующие моменты. При закреплении в ст. 68 нового текста конституции круга избирателей съезд исходил из того, что сама жизнь, привлекая все новые и новые слои избирателей (кустарей, безработных, некоторых слоев из бывших лишенцев и т. д.), расширяет социальную базу Советов; что перечень категорий избирателей, имевшийся в п. «а» ст. 64 Конституции РСФСР 1918 года, не был исчерпывающим, и в силу этого в практике выборов на местах нередко расширяли толковали его; наконец, избирательная инструкция Союза 1925 г. законодательно закрепила расширительное толкование этого перечня, предусмотрев организацию особых избирательных собраний для домашних хозяек, кустарей и т. д. Исходя из этого, съезд исключил из конституции перечень категорий избирателей. Съезд также исключил примечание к ст. 64, как не находившее, за редкими исключениями, применения в избирательной практике Советов. В нормах конституции, закреплявших определение круга лиц, лишенных избирательного права (ст. 69), нашли свое воплощение принципы ст. ст. 21 и 22 избирательной инструкции СССР 1925 года (пп. «г» и «д», ст. 69).

Ст. ст. 68 и 69 нового текста конституции РСФСР (1925 г.) отразили изменения в соотношении классовых сил в пользу социализма, происшедшие в результате осуществления НЭПа, и данные избирательной практики, нашедшие свое закрепление в избирательном законодательстве Союза и союзных республик в предыдущие годы.

²⁷⁾ С. У. 1925 г., № 30, ст. 218.

²⁸⁾ Д. И. Курский. Избранные статьи и речи, 1948 г. М., стр. 130.

В других союзных республиках пересмотр текстов конституций, а также утверждение конституций в новых союзных республиках произошли несколько позже, чем в РСФСР, но все это было сделано на тех же принципах, что и в РСФСР. При этом следует отметить, что в измененных текстах конституций союзных республик и в конституциях новых союзных республик особенности союзных республик нашли свое отражение и в разделах об избирательном праве. Так, например, в п. «д» ст. 84 Конституции Узбекской ССР и в п. «д» ст. 65 Конституции Туркменской ССР говорилось о том, что лишаются избирательного права бывшие бухарский эмир и хивинский хан и все их близкие родственники, а также полицейские и жандармские чиновники эмирата и ханства; в п. «д» ст. 96 Конституции Грузинской ССР говорилось о лишении избирательного права полицейских и жандармских чинов при меньшевистском правительстве Грузии, в п. «д» ст. 85 Конституции Армянской ССР — хмбапетов и т. д.

**

Избирательная инструкция ЦИК СССР 1925 года и соответствующие разделы конституций союзных республик были юридической базой для текущего избирательного законодательства в союзных республиках. Руководствуясь ими, центральные исполнительные комитеты союзных республик в течение 1925 г. издали новые избирательные инструкции, отразившие соотношение классовых сил в стране в условиях новой экономической политики и осуществление политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов²⁹⁾. Так, по ст. 18 инструкции о выборах РСФСР и ст. 1 Положения об избирательных правах граждан УССР не подлежали лишению избирательного права те из земледельцев, кулачей и ремесленников, которые вели свое хозяйство в пределах трудового с применением наемного труда, как подсобную силу. В п. «д» ст. 18 инструкции о выборах РСФСР впервые в советском избирательном законодательстве было закреплено правовое положение членов семей лишенцев: правоспособными были признаны члены семей лиц, лишенных избирательных прав на основании пп. «а», «б», «в» и «г» ст. 69 Конституции РСФСР 1925 года, если они материально не зависели от лишенцев и имели самостоятельные источники существования. Положение об избирательных правах граждан УССР закрепило новый момент, обусловленный образованием единого союзного государства с единым союзным гражданством и повсеместно признанный избирательной практикой — избирательную правоспособность граждан других республик на территории УССР³⁰⁾.

В определении круга лиц, лишенных избирательного права, избирательные инструкции союзных республик ограничились воспроизведением соответствующих статей инструкции о выборах Советов ЦИК СССР 1925 г. Отчасти это объяснялось тем, что ЦИК СССР своим циркулярным письмом от 6 апреля 1925 г.³¹⁾ предложил ЦИКам союзных респу-

²⁹⁾ Инструкция о пере выборах Советов (утв. ЦИК БССР 2/III—1925 г.), изд. ЦИК, БССР, 1925 г., г. Минск. Инструкция о выборах Советов и созыве съездов Советов РСФСР (утв. ВЦИК 13/X—1925 г., С. У. 1925 г., № 79, ст. 603). Положение об избирательных правах граждан и порядке производства выборов (пост. ВУЦИК и СНК от 18/XI—1925 г.), г. Харьков, 1925 г. Инструкция о выборах в Советы (утв. Президиумом ВУЦИК 1/XII—1925 г.), г. Харьков, 1925 г. Инструкция о выборах в Советы (утв. ЦИК Гр. ССР 29/XI—1925 г.). Инструкция о производстве выборов в городские и сельские Советы, на дайра и уездные съезды Советов АзССР. Баку, 1926 г.

³⁰⁾ В Конституции РСФСР 1925 г. имелось аналогичное положение (ст. 11), однако оно не нашло отражения в инструкции о выборах Советов РСФСР 1925 г.

³¹⁾ См. Саратовский областной архив. Фонд 521 (Сарат. губ. ИК), о. 731, в. 2, д. 201.

для обеспечить строгое соблюдение как конституций союзных республик, так и главы IV инструкции ЦИК СССР 1925 г. (о лицах, лишенных избирательного права) и не допускать их расширительного толкования. Этим объясняется, что избирательные инструкции союзных республик особо подчеркивали, что перечень групп лишенцев является исчерпывающим, и расширительному толкованию он не подлежит.

Надо сказать, что такое предостережение имело большое значение для тех работников на местах, которые несерьезно и необоснованно относились к лишению граждан избирательных прав. Вместе с тем, оно полностью соответствовало указаниям XIV конференции ВКП(б)³²⁾, а также постановлению III Всесоюзного съезда Советов (май 1925 г.), обратившего «...внимание всех органов Советской власти на необходимость крайне осторожного подхода к составлению списков лиц, лишенных избирательных прав, и решительно устранять случаи неправильного лишения избирательных прав трудовых старательных крестьян»³³⁾.

Следует отметить, что, выполняя указание Коммунистической партии и Советского правительства, на местах была проделана большая работа по пересмотру списков лишенцев, в результате которой та часть трудового населения, которая незаконно была лишена избирательного права, была восстановлена в избирательных правах³⁴⁾.

**

Очередные выборы в Советы состоялись в 1926 г. К этому времени рабочий класс и трудовое крестьянство, руководимые Коммунистической партией, достигли значительных успехов на путях новой экономической политики. Сельское хозяйство приближалось к довоенным размерам (87%); медленно, но неуклонно развивалась сельскохозяйственная кооперация, охватившая 33% всех крестьянских хозяйств. Крупная промышленность, основа всего народного хозяйства СССР, давала к этому времени уже около трех четвертей довоенной промышленной продукции. Были завоеваны серьезные успехи в борьбе с частным капиталом в промышленности и торговле. Укреплялись командные позиции социализма во всех отраслях народного хозяйства.

Улучшение хозяйственного положения страны привело к улучшению материального благосостояния трудящихся города и деревни, росту политической активности масс, укреплению диктатуры пролетариата, росту авторитета и влияния Коммунистической партии. В этой обстановке и были проведены выборы в Советы в 1926 году.

Выборы в Советы 1926 года, как отметил это июльский объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (1926 г.), были «...первой после окончания гражданской войны и упрочения пролетарской диктатуры широкой и открытой избирательной кампанией... данные перевыборы Советов происходили в условиях все растущей активности трудящихся масс»³⁵⁾. На первом месте по своей активности стоял, естественно, рабочий класс (57% вместо 52% в 1924—1925 гг.). Значительную активность проявили трудящиеся, не организованные в профсоюзы (37% против 24% в 1924—1925 гг.); перевыборная кампания в деревне отразила улучшение политической обстановки в деревне: по одной только Россий-

³²⁾ См. «КПСС в резолюциях и решениях...», М., 1954 г., ч. II, стр. 154.

³³⁾ С. 3. 1925 г., № 35, ст. 247.

³⁴⁾ Так, например, в Базерно-Карабулакской волости Вольского уезда (Саратовская губ.) при пересмотре списков лишенцев из 1101 чел. лишенцев было восстановлено в избирательных правах 777 чел. (См. Саратовский облархив, ф. 521, о. 731, в. 2, д. 20/1).

³⁵⁾ «КПСС в резолюциях и решениях...», М., 1954 г., ч. II, стр. 268—269.

ской федерации в выборах приняло участие до 47% крестьянских избирателей против 41% в прошлые выборы. Наибольшей активностью отличались середняки, которые в ходе выборов нередко смыкались с беднотой. В целом по стране число избирателей, принявших участие в выборах, составляло 49,6% против 42,8% в 1925 г.³⁶⁾ Выборы показали прочность союза рабочего класса и крестьянства и сплоченность трудящихся вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. Они показали правильность взятой партией линии на оживление Советов, способствовали улучшению состава Советов и поднятию их боеспособности.

Однако, как говорилось нами выше, объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле 1926 года, заслушав доклад В. М. Молотова об итогах перевыборов Советов и подводя первые итоги проделанной работы по оживлению работы Советов, указал на существенные недостатки в законодательстве о выборах, в силу которых, несмотря на некоторый рост в стране буржуазных элементов, сократилось число лиц, лишенных избирательных прав. Как указывал В. М. Молотов в своем докладе на Пленуме, в стране кулачество составляло по крайней мере 3—4% населения, однако, лишенцы составляли только 1%, хотя было бы закономерным, если лишенцы составляли 5—7% населения. В соответствии с этим Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) предложил советским органам в центре и на местах исправить избирательные инструкции и привести их в строгое соответствие с Советской Конституцией и общей линией партии³⁷⁾.

Во исполнение этой партийной директивы Президиум ЦИК СССР 28 сентября 1926 года утвердил новую инструкцию о выборах в Советы³⁸⁾, послужившую юридической базой для избирательного законодательства в союзных республиках.

Инструкция о выборах в Советы, изданная ЦИК СССР в 1926 г., значительно и выгодно отличалась от инструкции ЦИК СССР 1925 г. Она была более выдержанной и более решительной в проведении классовой политики. В частности, она дала более точное толкование пп. «а», «б», «в», «г» и «д» ст. 69 Конституции РСФСР и соответствующим статьям конституций других республик и впервые в советском избирательном законодательстве закрепила исчерпывающий перечень категорий лиц, лишенных избирательных прав (раздел II). Она установила более повышенные и выдержанные в классовом отношении требования и более усложненный порядок восстановления лишенцев в избирательных правах. Так, например, бывшие помещики, буржуазия, служители религиозных культов могли быть восстановлены в избирательных правах при условии, если они в течение не менее 5 лет занимаются производительным и общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность к Советской власти. Вопрос о восстановлении этой категории лишенцев подлежал окончательному решению край(обл)исполкомами. Что же касается восстановления в избирательных правах бывших служащих полиции, тюремного ведомства, корпуса жандармов и т. п., то вопрос об этом подлежал рассмотрению Президиумов ЦИК союзных республик. Таким образом, избирательная инструкция ЦИК СССР 1926 г. устранила недостатки инструкции 1925 г. и сделала значительный шаг вперед в развитии советского всеобщего избирательного права для трудящихся.

На основании избирательной инструкции ЦИК СССР 1926 г. в союзных республиках были изданы новые избирательные инструкции, устرا-

³⁶⁾ См. Советское государственное право. Под ред. А. Я. Вышинского, 1938 г., стр. 605.

³⁷⁾ «КПСС в резолюциях и решениях...», 1954 г., ч. II, стр. 277.

³⁸⁾ См. С. З. 1926 г., № 66, ст. 500.

нившие недостатки, имевшиеся в избирательном законодательстве прежних лет в союзных республиках³⁹).

Новые избирательные инструкции Союза и союзных республик (1926 г.) были встречены трудящимися с большим удовлетворением, ибо они явились реальной силой в борьбе народных масс, руководимых Коммунистической партией, за подавление сопротивления свергнутых классов, за торжество социализма в СССР⁴⁰).

**

Инструкции о выборах в Советы, изданные ЦИК СССР и ЦИК союзных республик в 1926 году, как верное отражение политики Коммунистической партии на путях восстановления и реконструкции народного хозяйства, служили источником советского избирательного права вплоть до периода великого перелома в социалистическом строительстве. В течение этого периода Коммунистическая партия и Советское правительство, продолжая линию на оживление работы Советов, на привлечение к выборам все новых и новых слоев трудящихся, заботились о правильном применении в практике выборов в Советы норм советского избирательного права вообще и норм советского всеобщего избирательного права для трудящихся в особенности.

Под этим знаком были проведены очередные выборы в Советы в 1927 г. Выборы были проведены в обстановке большого политического и трудового подъема, вызванного новыми успехами в социалистической индустриализации страны, благодаря чему в области промышленности вопрос «кто-кого» уже был предreshen в пользу социализма, и в развитии сельского хозяйства, — оно в целом перевалило через довоенный уровень.

Февральский Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в начале переизборной кампании, отметил, что эти выборы являются «...второй широкой и открытой кампанией выборов в Советы»⁴¹). Пленум еще раз обратил внимание на недопустимость нарушения норм советского всеобщего избирательного права для трудящихся, на недопустимость отступления от «избирательной инструкции, направленной против кулачества и только против него»⁴²), расширительного ее толкования в смысле приравнивания середняка к кулаку и лишения первого избирательного права. «Всякая попытка такого расширительного толкования инструкции, при которой под категорию лишенных избирательных прав подпадает середняк, должна рассматриваться, как грубейшая политическая ошибка»⁴³), заслуживающая самых решительных мер.

В выборах в Советы 1927 г. максимум активности, организованности и сознательности проявил авангард трудящихся — рабочий класс, а также беднота и батрачество. Благодаря этому, если в 1926 году на выборы в городах явилось 52% избирателей, то в 1927 г. — 58,4%, в сель-

³⁹) См. Инструкцию о выборах Советов и о созыве съездов Советов (утв. ВЦИК 4.XI.1926 г., С. У., № 75, ст. 577); Инструкцию ЦИК БССР о выборах в Советы (утв. 13.XI.1926 г.); Инструкцию о выборах в Советы (утв. ЦИК Гр. ССР 22.XII.1926 г.) и другие.

⁴⁰) В этом отношении типичным являются отзывы трудящихся Петровского уезда Саратовской губернии, которые на предвыборных собраниях единодушно указывали, что расширение круга лиц, лишенных избирательных прав, за счет действительно нетрудовых и нелояльных советскому строю элементов «...вполне правильно», что правильна «линия, взятая правительством по отношению к лишению избирательных прав» (Сароблархив, ф. 521, с. 4, в. 7, л. 89).

⁴¹) «КПСС в резолюциях и решениях...», 1954 г., М., ч. II, стр. 355.

⁴²) «КПСС в резолюциях и решениях...», 1954 г., ч. II, стр. 355.

⁴³) Там же. Эти указания партии нашли воплощение в новых избирательных законах, изданных в эти годы в союзных республиках (см., например, Инструкцию о выборах в Советы, утв. ВУЦИК и СНК УССР 3 октября 1928 г., г. Харьков, 1928 г.).

ских местностях — 47,3% и 48,4% — соответственно⁴⁴⁾. Эти результаты были серьезной победой политики оживления работы Советов.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшийся в октябре 1927 г., а затем — XV съезд ВКП(б), обсуждавшие вопрос о работе в деревне, подчеркнули необходимость продолжения политики оживления работы Советов, вовлечения в выборы в Советы максимума беднячко-середняцких слоев, обеспечения руководства партии во всей перевыборной кампании, строгого соблюдения норм советского избирательного права⁴⁵⁾.

Очередные выборы в Советы должны были состояться в конце 1928—начале 1929 гг. Они должны были состояться в условиях, когда, на основе огромных достижений в социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, советская страна вплотную подошла к великому перелому на всех фронтах социалистического строительства и развернутому наступлению социализма по всему фронту. Выборы должны были не только закрепить достигнутые успехи в строительстве социализма, но еще больше сплотить трудовые массы вокруг рабочего класса и Коммунистической партии, мобилизовать их на ликвидацию капиталистических элементов в городе и деревне. Придавая важное значение предстоящей избирательной кампании, в октябре 1928 года по инициативе ЦК ВКП(б) было проведено Всесоюзное совещание по вопросам выборов в Советы, обсудившее доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Л. М. Кагановича о политических задачах кампании по перевыборам Советов. Этот же вопрос обсуждался на IV Сессии ЦИК СССР в декабре 1928 года. Эти и подобные им мероприятия в республиках и на местах имели огромное значение с точки зрения политических результатов выборов.

В выборах 1928—1929 гг., явившихся итогом борьбы за оживление и укрепление Советов, была достигнута еще большая активность избирателей, чем в предыдущие выборы: в выборах Советов городов приняло участие 70,8% избирателей и Советов сельских местностей — 61,8%. В работу в Советах были вовлечены миллионы трудящихся, выборы способствовали повышению роли Советов, превращению их в организационно-политический и хозяйственный центр всей рабочей и крестьянской общественности.

**

Итак, советское всеобщее избирательное право для трудящихся являлось важнейшим средством политики оживления работы Советов. Об этом говорило не только неуклонное расширение рамок советского избирательного корпуса, что происходило как за счет новых и новых слоев трудящихся, привлекаемых к выборам, так и за счет тех лишенцев из эксплуататорских и нетрудовых элементов, которые прекратили борьбу против советского строя, доказали свою лояльность по отношению к нему и занимались общественно-полезным трудом⁴⁶⁾; об этом говорит и неуклонный рост активности избирателей в период избирательных кампаний, возrastавшая их явка на выборы в Советы.

⁴⁴⁾ Советское государственное право. Под ред. А. Я. Вышинского. М., 1938 г., стр. 605.

⁴⁵⁾ См. «КПСС в резолюциях...», 1954 г., М., ч. II, стр. 429 и стр. 487.

⁴⁶⁾ В 1926 г. в СССР насчитывалось 70,2 млн. избирателей, в 1929 г. — уже 74 млн. избирателей (см. О перевыборах Советов в 1929 г. Изд. ЦИК СССР. М., 1929 г., стр. 92).

Явка избирателей на выборы ⁴⁷⁾

Годы	Количество явившихся в процентах			
	Город		Деревня	
	Всего	Женщин	Всего	Женщин
1922 г.	36,5	св. нет	22,3	св. нет
1923 г.	38,5		37,2	
1924 г.	40,5	16,6	28,9	10,8
1925 г.	48,7	25,8	36,9	28,0
1926 г.	52,0	42,9	47,3	31,3
1927 г.	58,4	49,8	48,4	31,1
1928-29 г.	70,8	65,2	61,8	48,5

Особый интерес представляет рост политической активности трудящихся по некоторым союзным республикам, который нашел свое выражение в явке избирателей на выборы.

Явка избирателей на выборы ⁴⁸⁾

Союзные республики	Города и гор. поселки			Сельские местности		
	1926 г.	1927 г.	1929 г.	1926 г.	1927 г.	1929 г.
РСФСР	52,0	59,2	73,3	47,5	47,4	61,1
УССР	53,2	58,5	72,9	54,0	51,6	64,6
БССР	49,1	58,9	68,7	46,5	46,3	58,7
Туркм. ССР	св. нет	58,4	62,2	34,8	40,0	70,6
УзССР	"	58,8	58,3	45,8	46,3	59,9

Расширению рамок избирательного корпуса и росту политической активности избирателей соответствовало неуклонное проведение политики лишения избирательного права эксплуататорских и нетрудовых элементов.

Данные о лишении избирательных прав граждан в 1927 г. и 1929 г. по РСФСР (в процентах) ⁴⁹⁾

	В % к числу избир.	По группам лишенцев (по ст. 69 Конституции РСФСР)							Членов семьи
		п. „а“	п. „б“	п. „в“	п. „г“	п. „д“	п. „е“	п. „ж“	
1927 год									
в городах	7,7	3,3	6,7	45,7	4,9	5,7	1,0	2,8	29,9
в сельск. местн.	3,3	11,8	4,7	19,1	10,4	7,4	2,9	4,5	39,2
1929 год									
в городах	6,9	3,4	7,6	40,8	5,2	4,6	1,1	3,2	34,1
в сельск. местн.	4,2	10,0	4,6	14,8	9,4	6,9	2,1	2,9	49,3

⁴⁷⁾ См. Советское государственное право. Под. ред. А. Я. Вышинского, стр. 605, М., 1938 г.

⁴⁸⁾ Таблица составлена на основании неполных данных, опубликованных в выпуске «О перевыборах Советов в 1929 г.», 1929 г., Москва, стр. 71.

⁴⁹⁾ Таблица составлена на основании данных выпуска: «О перевыборах Советов 1929 г.», изд. ЦИК СССР, М., 1929 г., стр. 24 и стр. 25. Мы ограничиваемся данными по РСФСР, поскольку они относятся к подавляющему большинству населения СССР и типичны для всей страны.

Эти данные позволяют нам делать вывод о том, что советское всеобщее избирательное право для трудящихся, отражая требования политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов, оказывало активное воздействие на нетрудовые и нелояльные советскому строю элементы, способствуя подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов в городе и деревне.

**

Активная роль советского всеобщего избирательного права для трудящихся приобрела особое значение в тот исторический период, когда на базе крупной социалистической промышленности и в соответствии с объективными потребностями большевистская партия и Советское государство подняли многомиллионные массы крестьянства на социалистическое переустройство сельского хозяйства. Это дало возможность покончить с отсталыми экономическими отношениями в деревне, в силу которых Советская власть до того времени вынуждена была базироваться на двух разных основах, недопустимых для дальнейшего продвижения к социализму, и закрыть каналы, неизбежно порождавшие капиталистические элементы и служившие тем самым питательным источником для врагов Советской власти.

Коренной перелом в этом произошел в 1929—1930 гг., когда начался процесс сплошной коллективизации единоличных крестьян. Он сопровождался разрывом с существовавшими до того времени в селе социально-экономическими отношениями, как, например, с узаконенными ранее отношениями найма и аренды земли, с закрепленным за кулаками правом землепользования и т. д. Крестьяне под руководством рабочего класса и Коммунистической партии приступили к раскулачиванию, отбирая у кулаков земли, скот, сельскохозяйственные машины и т. д. Они потребовали от Советской власти принятия строгих мер борьбы против кулаков, вплоть до ареста и высылки их из пределов прежнего местожительства. Коммунистическая партия и Советское правительство, идя навстречу этим требованиям трудящегося крестьянства, поддержали их принятием ряда чрезвычайных мер⁵⁰). Эти меры в то же время были ответом Советской власти на отчаянное противодействие со стороны кулаков политике коллективизации.

Переход от политики ограничения и вытеснения кулака и его ликвидации как класса совершился, таким образом, в самой жизни советской деревни. Если в 1931 году в основном была завершена коллективизация сельского хозяйства в основных зерновых районах, то к 1934 году колхозы повсеместно стали прочной и непобедимой силой и уже объединяли около $\frac{3}{4}$ всех крестьянских хозяйств по всему СССР и около 90% всех посевных площадей. Таким образом, успешно была решена историческая задача перевода единоличного крестьянского хозяйства на рельсы крупного социалистического земледелия и превращения СССР в страну самого крупного социалистического земледелия⁵¹).

⁵⁰) См. Постановление ЦК ВКП(б) от 5/1—1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», пост. ЦИК и СНК СССР от 1/II—1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и о борьбе с кулачеством» (С. З. 1930 г., № 9, ст. 105).

⁵¹) «КПСС в резолюциях и решениях...» 1954 г. М. ч. III, стр. 178.

Советское всеобщее избирательное право для трудящихся на этом этапе развития советского общества, как и прежде, выступило как действенное орудие проведения политики Коммунистической партии и Советского правительства и сыграло важную роль в ликвидации кулачества как класса, укреплении колхозного строя и победе новых, социалистических общественных отношений в городе и деревне. Это его значение и роль подчеркивались уже в избирательной инструкции, утвержденной Президиумом ЦИК СССР 3 октября 1930 г.⁵²⁾ «Выборы в Советы,— говорило в ней,— ...приобретают особое значение в настоящий период развернутого социалистического наступления на капиталистические элементы города и деревни, ликвидации кулачества как класса, на базе сплошной коллективизации... ЦИК союзных и автономных республик, краевые и областные исполнительные комитеты, городские и сельские советы, равно как и избирательные комиссии, должны организовать пролетариат и трудящиеся массы для победоносного социалистического строительства и дальнейшего наступления на классового врага, и, проводя избирательную кампанию, помнить, что «...в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами,— эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти» (Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа)⁵³⁾.

В инструкции указывалось, что выборы происходят в условиях острой классовой борьбы, когда капиталистические элементы всеми средствами пытаются помешать быстрому росту социалистической индустрии и коллективизации сельского хозяйства и что они для этого пытаются проникнуть в Советы и дезорганизовать их работу⁵⁴⁾.

Соответственно этой установке избирательная инструкция Союза установила более уточненные критерии определения трудового хозяйства, служившего условием для участия в выборах Советов. Согласно избирательной инструкции 1930 г., под трудовым хозяйством имелось в виду хозяйство земледельца, кустаря, ремесленника, в работе которого принимали повседневное участие все трудоспособные члены семьи и допускалось применение наемного труда лишь при особых обстоятельствах (болезнь, мобилизация и т. д.). Этим самым советское всеобщее избирательное право в новых исторических условиях служило делу успешной борьбы с кулачеством, ибо требованиям трудового хозяйства не отвечали хозяйства кулаков, и кулаки подлежали лишению избирательного права⁵⁵⁾. В соответствии с этим принципом в инструкции была дана детализация групп избирателей и лишенцев.

При этом следует отметить, что последовательный демократизм советского всеобщего избирательного права для трудящихся находил свое проявление и в эти годы величайшего исторического перелома. Налагая санкцию на капиталистические элементы, не прекратившие борьбу против Советской власти, советское всеобщее избирательное право для трудящихся и в этот период развивалось по линии расширения круга избирателей за счет тех представителей свергнутых классов, которые прекратили борьбу против Советской власти и занимались общественно-полезным трудом. Особое внимание было обращено на детей лишенцев. Так, инструкция закрепила правоспособность детей лишенцев, которые достигли совершеннолетия в 1925 г. и после, если они ныне живут само-

⁵²⁾ С. З. 1930 г., № 50, ст. 524.

⁵³⁾ Там же.

⁵⁴⁾ О выступлениях кулаков и подкулачников в период избирательных кампаний в эти годы рассказывает Н. Лаговнер в своей брошюре «Перевыборы советов и революционная законность», 1930 г.

⁵⁵⁾ См. Инструкцию о выборах в советы и на съезды советов РСФСР. Постатейный комментарий, 1930 г., стр. 39—40.

стоятельно общественно-полезным трудом, хотя бы они до совершеннолетия находились на иждивении своих родителей-лишенцев (п. «р» ст. 6); льготные условия восстановления в избирательных правах были установлены для членов профсоюзов (примечание к ст. 21).

Для того, чтобы, с одной стороны, оградить права граждан от возможных ошибок и злоупотреблений и, с другой стороны, усилить репрессию против кулачества и других капиталистических элементов, избирательная инструкция СССР 1930 г. признала необходимым, чтобы для вступления в законную силу списки лишенцев утверждались соответствующими Советами в городах и райисполкомами в сельских местностях. И, наконец, придавая огромное значение единству советского избирательного законодательства и его единообразному применению на всей территории СССР, инструкция допускала внесение в нее изменений в союзных республиках лишь с ведома Президиума ЦИК СССР. Этим объясняется, что инструкции союзных республик, изданные в 1930 г.⁵⁶⁾, по существу не отличались от инструкции ЦИК СССР.

Своеобразным дополнением к избирательной инструкции ЦИК СССР 1930 года явилось постановление Президиума ЦИК СССР от 6/XII—1930 г.⁵⁷⁾, которое, в соответствии с решением XVI съезда ВКП(б) (июль 1930 г.), признавшим колхозное крестьянство действительной и прочной опорой Советской власти, обращало особое внимание на состав Советов и подчеркнуло, что колхозники «...вместе с рабочими, батраками и беднотой должны занимать в Советах руководящее положение».

Выборы в Советы, проведенные в 1930—1931 годах, показали новые успехи в осуществлении политики оживления работы Советов: в городах в выборах участвовало до 79,6% избирателей, в селах — до 70,4%.

Последние перевыборы в Советы на основе всеобщего избирательного права для трудящихся были проведены в 1934—1935 гг. За истекшие годы были достигнуты всемирно-исторические победы, приведшие к победе социалистической системы хозяйства и социалистической собственности в городе и деревне, уничтожению эксплуататорских классов и эксплуатации человека человеком. Успешно разрешалась и задача ликвидации последних остатков капиталистических элементов, являвшаяся одной из основных политических задач второй пятилетки. Эти классовые сдвиги частично нашли свое отражение в советском избирательном законодательстве истекшего периода в смысле расширения рамок советского избирательного корпуса за счет бывших кулаков и их детей, доказавших свою лояльность по отношению к советскому строю и социалистическому переустройству сельского хозяйства и ведущих ныне трудовой образ жизни⁵⁸⁾.

Однако избирательная инструкция Президиума ЦИК СССР 1930 г. в целом еще не была пересмотрена, она не была приспособлена к новым условиям, к новым задачам. Между тем предстоявшие выборы в Советы не могли быть проведены на основе старой избирательной инструкции. В соответствии с этим 27 сентября 1934 г. ЦИК СССР принял по-

⁵⁶⁾ Инструкция о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР (утв. ВЦИК 20/X—1930 г. (С. У. РСФСР 1930 г., № 54, ст. 654); инструкция о производстве выборов в Советы и на съезды Советов АССР, г. Баку, 1930 г.; Инструкция об выборах в Советы БССР, г. Минск, 1930 г. и др.

⁵⁷⁾ С. З. 1930 г., № 59, ст. 627.

⁵⁸⁾ См. Пост. Президиума ЦИК СССР от 3/VII—1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» (С. З. 1931 г., № 44, ст. 298); пост. Президиума ЦИК СССР от 17/III—1933 г. «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» (С. З. 1933 г., № 21, ст. 11); пост. Президиума ЦИК СССР от 27/V—1934 г. «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков» (С. З. 1934 г., № 33, ст. 257).

становление «Об изменениях и дополнениях к инструкции о выборах в Советы»⁵⁹⁾, согласно которому выборы в Советы в 1934—1935 гг. должны были проводиться по новой, исправленной избирательной инструкции. Учитывая произошедшие за истекшие годы изменения в соотношении классовых сил в стране и в законодательстве Союза ССР, ЦИК СССР нашел необходимым внести в инструкцию изменения, подчеркивающие новый этап в борьбе против остатков капиталистических элементов вообще и кулацких — в частности. Это нашло преимущественное отражение в нормах, определявших круг лиц, лишенных избирательных прав, в смысле введения двух новых пунктов в ст. 5 инструкции ЦИК СССР, 1930 г. взамен пп. «б», «в», «з» и «и». Это — п. «б», гласивший, что лишаются избирательных прав «кулаки, высланные из пределов сел и поселков, в которых ранее они проживали, за противосоветские и противоколхозные выступления», и п. «в», гласивший, что лишаются избирательных прав «торговцы, спекулянты, барышники, торговые посредники, перекупщики и ростовщики».

Весьма знаменательно, что это постановление ЦИК СССР, предусматривая санкцию против кулаков, вместе с тем, закрепило и условия восстановления их в избирательных правах. Подобного рода демократический институт был возможен только в советском всеобщем избирательном праве для трудящихся, которое не только карало, но и воспитывало бывших людей в духе советского социалистического строя.

Исправленная в соответствии с этим постановлением инструкция ЦИК СССР была издана 2 октября 1934 года⁶⁰⁾. На основании этой инструкции и упоминавшегося выше постановления ЦИК СССР от 27 сентября 1934 года союзные республики издали свои новые избирательные инструкции, которые в основных моментах воспроизвели положения союзной избирательной инструкции от 2 октября 1934 года⁶¹⁾.

На основании этих избирательных инструкций в 1934—1935 гг. были проведены выборы в Советы. К этому времени, в соответствии с коренными изменениями в экономике и в классовой структуре советского общества, значительно вырос избирательный корпус, охватывая 91 млн. чел. вместо 81 млн. чел. в 1929 г. Выросла и политическая активность избирателей: если в выборах 1929 г. приняло участие в среднем по стране 66,3%, то в 1934 г. — 87,45% (в городах — 91,6%, в селах — 80,3%).

Соответственно росту круга и активности избирателей сокращался и круг лиц, лишенных избирательных прав: если в 1929 г. он охватывал 3.847 тыс. чел., то в 1934 г. — только немногим больше 2 млн. чел., или соответственно 5,2% и 2,5% по отношению ко всему взрослому населению страны. Эти данные говорят не только о том, что в результате утверждения социалистического уклада, как единственно господствующей и единственно командующей силы во всем народном хозяйстве, ликвидированы капиталистические элементы; они говорят также о том, что социалистическая переделка и перевоспитание этих элементов, приобщение их к полезному труду, о чем неоднократно говорил В. И. Ленин⁶²⁾, успешно осуществлялись в СССР, что значительная часть из бывших людей уже к тому времени влилась в ряды честных тружеников советского общества. Это и нашло свое выражение в приведенных нами вы-

⁵⁹⁾ С. З. 1934 г., № 50, ст. 394.

⁶⁰⁾ С. З. 1934 г., № 50, ст. 395.

⁶¹⁾ См. Инструкцию ВЦИК, утв. 1/X—1934 г. (С. У. РСФСР 1934 г., № 36, ст. 226); инструкция об выборах в Советы БССР (утв. ЦИК БССР 8/X—1934 г.), г. Минск. 1934 г. Инструкция о выборах в Советы и на съезды Советов АССР, Баку, 1934 г. (утв. АзЦИК 14/X—1934 г.).

⁶²⁾ См., например, В. И. Ленин, т. 30, стр. 341—342.

ше данных о неуклонном росте круга избирателей и сокращении круга лиц, лишенных избирательных прав.

Таким образом, сама советская действительность вплотную привела к отмене института лишения избирательных прав по политическому и трудовому признаку и введению всеобщего избирательного права без всяких ограничений. Поэтому, приведя данные о советском избирательном корпусе за 1934 год, В. М. Молотов говорил на VII съезде Советов СССР: «Из этого видно, что в выборах в Советы теперь участвует не только вся масса трудящихся, но и некоторая часть граждан, ранее не имевших избирательных прав... Советский Союз все ближе подходит к полной отмене всяких ограничений всеобщего избирательного права»⁶³).

**

Итак, советское всеобщее избирательное право для трудящихся, являвшееся важнейшим принципом советского избирательного права в первой фазе развития Советского социалистического государства, было призвано к жизни потребностями развития советского общества в период перехода от капитализма к социализму. Выражая политику Коммунистической партии, в которой с наибольшей полнотой отражаются требования объективных законов развития советского общества, советское всеобщее избирательное право для трудящихся верно служило выполнению Советским государством особой роли в истории. Утверждение социалистической системы хозяйства и социалистической собственности и ликвидация на этой основе капиталистических элементов, знаменуя собой успешное выполнение Советским государством в первой фазе его развития основной задачи и функций, обусловленных его особой ролью в истории, вместе с тем означали выполнение советским всеобщим избирательным правом для трудящихся своей исторической роли в развитии советского общества, наступление времени, когда, выполняя указания В. И. Ленина, советское всеобщее избирательное право для трудящихся должно было быть заменено советским всеобщим избирательным правом без всяких ограничений.

Кафедра теории и истории государства и права
Томского государственного университета
имени В. В. Куйбышева

Декабрь 1954 г.

⁶³) В. М. Молотов. Статьи и речи, 1935—1936 гг., М., 1937 г., стр. 80.

О. А. АРТУРОВ

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА НАРОДНОГО КИТАЯ

(К утверждению Конституции Китайской Народной Республики)

1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика. Впервые за многовековую историю 600-миллионный китайский народ взял свою судьбу в собственные руки и, установив народную власть, начал преобразовывать свою общественную жизнь на новых, народно-демократических началах.

Победа народной революции в Китае стала возможной благодаря героической борьбе китайского народа под руководством рабочего класса, благодаря правильной стратегии и тактике компартии Китая, а прежде всего — благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции и утверждению социализма в СССР. Победа народной революции в Китае стала возможной в результате того, что Советская Армия разгромила гитлеровский фашизм и японский милитаризм и тем самым создала благоприятные условия для торжества национально-освободительного движения в Китае.

Революционное движение в Китае, руководимое Китайской Коммунистической партией, проходит в своем развитии две фазы: фазу демократической революции и фазу социалистической революции, в которой оно находится сейчас. С созданием Китайской Народной Республики в основном завершился этап демократической революции в Китае и начался этап революции социалистической. Уже в первые три года после образования Китайской Народной Республики китайский народ под руководством Коммунистической партии Китая при помощи Советского Союза добился больших успехов в укреплении финансово-экономического положения страны, успешно завершил восстановление народного хозяйства. В 1952 году производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции превзошло наивысший в довоенной истории Китая уровень. Была проведена аграрная реформа, давшая землю тремстам миллионам крестьян и покончившая с феодализмом в китайской деревне, разгромлены остатки гоминьдановской контрреволюции, отбиты агрессивные наскоки американских империалистов, созданы и укреплены органы народной власти, создан крепкий и тесно связанный с народом государственный аппарат.

Победа народной революции в 1949 году, открывшая китайскому народу путь к социализму, справедливо расценивается как крупнейшее — после Великой Октябрьской социалистической революции — событие всемирной истории, как важнейший результат второй мировой войны, как сокрушительный удар по всей системе международного империализма, и в особенности по его колониальной системе, как огромный успех мировой социальной революции. Победа китайского народа, руководи-

мого Коммунистической партией, покончила с тысячелетним господством феодализма в Китае, с вековым засильем иностранных колонизаторов в этой стране, с фашистским режимом реакционного гоминьдана, который в течение двух десятилетий путем кровавого террора насильственно поддерживал в Китае полуколониальный, полуфеодальный строй.

После победы народной революции командные высоты в народном хозяйстве перешли из рук империалистов и компрадоров в собственность народа. В силу того, что государственный сектор экономики, составляющий общенародную, социалистическую собственность, приобрел руководящее положение во всем народном хозяйстве, определяющую роль в экономическом развитии Китая стали играть экономические законы социализма — закон максимального удовлетворения растущих потребностей народа путем непрерывного роста и увеличения производства на основе высшей техники и закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Опираясь на эти законы и умело используя закон стоимости, народно-демократическое государство подготовило важнейшие предпосылки социалистического строительства.

Успехи восстановительного периода позволили с 1953 года перейти к осуществлению генеральной линии Коммунистической партии Китая, одобренной всем народом, направленной непосредственно на построение социализма в этой великой стране. 1953-й год был первым годом первого пятилетнего плана социалистического строительства в Китае. Народно-демократическое государство является главным орудием построения социализма в Китайской Народной Республике.

Государство демократической диктатуры народа осуществляет две основные функции — функцию подавления феодальных элементов, остатков компрадорской буржуазии, гоминьдановских реакционеров и нарушающей законы части национальной буржуазии и функцию обороны страны от империалистических хищников, в первую очередь от американских империалистов, захвативших китайскую островную провинцию Тайвань и непрерывно угрожающих северо-восточным и восточным границам континентального Китая.

Наряду с этим делаются серьезные шаги по осуществлению новой, третьей функции — функции хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы, главным содержанием которой на данном этапе являются социалистическая индустриализация и социалистическое преобразование всего народного хозяйства великой страны.

Обстановка не позволила сразу после провозглашения народной республики провести всеобщие выборы для создания народной власти и выработать конституцию народной республики. Учредительные функции китайского народного государства были осуществлены Народным Политическим Консультативным Советом (НПКС), объединившим все патристические и демократические силы страны.

Патристические силы Китая, сплотившиеся вокруг Коммунистической партии в народно-демократический единый фронт, создали временные органы власти (Центральный Народный Правительственный Совет, военно-контрольные комитеты, конференции представителей всех слоев населения), обнародовали временные конституционные акты (Общая программа высшего органа народно-демократического фронта — Народного Политического Консультативного Совета Китая, Закон об организации Центрального народного правительства).

В 1953—1954 гг. состоялись первые в истории Китая всеобщие выборы в органы власти — собрания народных представителей, приведшие политическую и правовую часть общественной надстройки в соответствие с экономическим строем, сложившимся в стране в связи с переходом к широкому плановому социалистическому строительству. Пятилетний

юбилей провозглашения Китайской Народной Республики совпал с таким великим событием ее политической жизни, как созыв 15 сентября 1954 года первой сессии верховного органа власти — Всекитайского Собрания народных представителей и утверждение первой конституции нового Китая.

Опубликованный 15 июня 1954 года¹⁾ и переданный Центральным народным правительством Китая на всенародное обсуждение проект конституции явился историческим документом большого значения, новым вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, закрепляющим великие завоевания китайской народной революции и достижения первых пяти лет существования народно-демократического строя в Китае.

В своей первоначальной основе проект был предложен Коммунистической партией Китая и предварительно тщательно обсуждался Конституционной комиссией Центрального народного правительства под председательством товарища Мао Цзэ-дуна с участием более чем восьми тысяч государственных и общественных деятелей в центре и на местах (причем, было внесено более 5900 замечаний и поправок по отдельным вопросам) прежде чем он был представлен на одобрение правительства и народа. Все слои китайского народа, все демократические партии и группы, а также все национальные меньшинства и все местные собрания народных представителей заявили о своей горячей поддержке основных положений проекта конституции, которую китайский народ уже тогда назвал конституцией борьбы за построение социализма в Китае. Во всенародном обсуждении проекта конституции участвовало 150 миллионов китайских граждан. Было внесено и направлено в Конституционную комиссию 1180420 поправок и предложений. Депутаты Всекитайского Собрания народных представителей, разбившись на 33 группы (делегации), провели тщательное предварительное обсуждение проекта.

20 сентября 1954 г. первая сессия Всекитайского Собрания единогласно тайным голосованием утвердила Конституцию (основной закон) Китайской Народной Республики, а также разработанные Конституционной комиссией законы о Всекитайском Собрании народных представителей, о Государственном совете, о местных органах власти, о народных судах и о народной прокуратуре.

В конституции провозглашается, что целью народно-демократического государства является — навсегда покончить с эксплуатацией и нищетой и создать в Китае процветающее и счастливое социалистическое общество. Эта задача должна быть решена в течение трех пятилеток²⁾.

Таким образом, демократическая диктатура народа — государство периода, переходного от полуколониального и полуфеодального строя к социализму, — выполняет в условиях Китая ту же историческую миссию, какую осуществило в нашей стране государство диктатуры рабочего класса в период перехода от капитализма к социализму.

Во «Введении» к Конституции говорится, что Коммунистическая партия Китая является руководящей силой всего народа, а в разделе «Общие положения» указывается, что народный Китай есть государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян.

Статья 4-я Конституции подчеркивает роль народного государства как главного орудия построения социализма, подчеркивает роль общественных организаций, составляющих систему демократической диктатуры народа.

¹⁾ «Жэньминьжибао», 15 июня 1954 г.; «Народный Китай», № 14, 1954 г.

²⁾ «Жэньминьжибао», 5 апреля 1955 г.

Конституция обязывает государство «подавлять всякую изменническую и контрреволюционную деятельность» и указывает, что вооруженные силы республики должны защищать завоевания народной революции, безопасность, территориальную целостность и суверенитет Китая.

«Демократическая диктатура народа, руководимая рабочим классом и основанная на союзе рабочих и крестьян, является важнейшей гарантией того, что наша страна сможет мирным путем перейти к социалистическому обществу»³⁾.

Мирный путь к социализму — это путь укрепления народно-демократического строя и осуществления постепенных социалистических преобразований без новой политической революции. Но это не значит, что победа социализма в Китае может быть достигнута без острой классовой борьбы. В решениях IV пленума ЦК Компартии Китая (февраль 1954 г.) указывалось, что на своем пути к социализму китайский народ будет встречать все более ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов, поддерживаемых иностранным империализмом, в силу чего необходимы укрепление единства и повышение бдительности партии и народа. Это положение было вновь подчеркнуто в решении национальной конференции Компартии Китая (апрель 1955 г.) об антипартийном блоке Гао Гана—Жуо Шу-ши.

**

Основными классами современного китайского общества являются рабочие и крестьяне. К ним тесно примыкает городская мелкая буржуазия. К ним примыкает также часть национальной буржуазии, ставшая в силу антиимпериалистического характера китайской революции на определенном этапе союзником рабочего класса и присоединившаяся к народно-демократическому единому фронту. Эти классы составляют народ. Пять золотых звезд — четыре малых и одна большая — на красном знамени нового Китая символизируют четыре класса китайского общества (малые звезды) и их единство под руководством компартии (большая звезда). Помещики, ликвидированные как класс, вынуждены трудиться и перевоспитываться в труде, перед каждым из них открывается возможность восстановления в политических правах, которых революция их временно лишила. Допуская один из эксплуататорских классов — национальную буржуазию — к участию в экономической и политической жизни, рабочий класс и вся демократическая общественность Китая вместе с тем подвергают резкой критике, а в случае необходимости привлекают к ответственности тех представителей национальной буржуазии, которые в своих корыстных интересах нарушают Общую программу и законы, становятся на путь коррупции и обмана государства, сдают ему недоброкачественную продукцию, уклоняются от уплаты налогов, пытаются подкупить государственных служащих, не соблюдают трудового законодательства и занимаются спекуляцией.

Массовой политической основой Китайской Народной Республики являются собрания народных представителей всех степеней, избираемые народом. Конституция указывает, что вся власть в Китае принадлежит народу и осуществляется через эти представительные собрания. Собрания народных представителей опираются на органы народно-демократического единого фронта (консультативные комитеты), которые представляют все классы, составляющие народ, все демократические патриотические организации, партии и группы, все национальности, проживающие в Китае. Народно-демократический единый фронт сплачивает народ и мобилизует его творческие силы на разрешение исторических задач со-

³⁾ «Жэньминьжибао», 25 июня 1954 г.

циалистической революции в Китае. В декабре 1954 года на основе широкого представительства всех демократических сил был образован Всекитайский Комитет НПКС второго созыва в количестве 559 человек.

В 1953—1954 гг. состоялись выборы почти 215 тысяч низовых собраний народных представителей, проходившие под лозунгом строительства социализма. Хотя это были первые всеобщие выборы в истории Китая, в голосовании приняло участие более 85% избирателей. В состав низовых органов власти было избрано около 5,7 миллионов депутатов, в том числе более 17% женщин⁴⁾. Социальный состав депутатов определенным образом отличается от состава делегатов конференции представителей всех слоев населения. Уменьшилось представительство буржуазных элементов, возрос удельный вес рабочих и крестьян. В городах более 40% депутатов собраний народных представителей составляют рабочие — передовики производства. В селах четыре пятых депутатов — активные члены групп трудовой взаимопомощи и сельскохозяйственных производственных кооперативов.

**

С точки зрения экономической основы конституция закрепляет ведущую роль и преимущественное развитие государственного, социалистического сектора народного хозяйства.

Недра земли и природные богатства, воды, лесные массивы, крупные целинные земли объявлены собственностью государства.

В настоящее время в Китайской Народной Республике наряду с общенародной государственной собственностью и коллективной кооперативной собственностью, имеющей социалистический или полусоциалистический характер, существует и пользуется защитой в пределах закона собственность тружеников — крестьян-единоличников и собственность капиталистов.

Государственный, социалистический сектор в 1954 г. давал более 60% промышленной продукции (в том числе 80% продукции тяжелой промышленности), и поступления от предприятий социалистического сектора составляли $\frac{3}{5}$ доходной части государственного бюджета; тесно связанный с ним государственно-капиталистический сектор давал 12,3% промышленной продукции, кооперативный сектор — 3,8%. На долю частного-капиталистического сектора приходилось всего около 24,9% промышленной продукции⁵⁾. Частные предприятия поставлены под контроль государственных органов и под рабочий контроль, осуществляемый через консультативные совещания, где представлены поровну рабочие и предприниматели. Около двух третей продукции частных предприятий закупается государством или реализуется по государственному плану. Основываясь на законе стоимости и средней нормы прибыли, государство ограничило законом прибыли капиталистов (10—30% для индивидуальных предпринимателей, не свыше 8% — дивиденд на акции)⁶⁾.

Государство использует частный капитал в интересах народного благосостояния, ограничивает его развитие и постепенно преобразует частнокапиталистические предприятия в смешанные, государственно-капиталистические (принадлежащие совместно государству и частному капиталу), что является промежуточной ступенью к их переходу в общенародную собственность. Государству предоставляется право выкупа, реквизиции и национализации земли и других средств производства в городе и в деревне. Государство запрещает использование частной собственности в ущерб интересам общества. Согласно конституции государство

⁴⁾ См. газ. «Известия», 22 июня 1954 г.

⁵⁾ См. Развитие экономики стран народной демократии. М., 1955 г., с. 33.

⁶⁾ См. «Экономические успехи Китайской Народной Республики за 3 года».

поощряет кооперирование крестьянства и развитие социалистических форм кооперации, а также кооперирование ремесла и кустарной промышленности. Кулацкое хозяйство, оставшееся неприкосновенным во время аграрной реформы 1950—1952 гг., в дальнейшем подлежит ограничению и постепенному вытеснению.

К весне 1955 г. большая часть крестьянских хозяйств объединилась в группы трудовой взаимопомощи, являющиеся формой сельскохозяйственной кооперации, и были созданы первые 600 тысяч сельскохозяйственных производственных кооперативов, являющихся преддверием артельного, колхозного хозяйства.

В руках государства и кооперации сосредоточено более половины торгового оборота в стране (в том числе более 90% оптовой и внешней торговли), весь железнодорожный и воздушный транспорт, большая часть водного и автомобильного транспорта.

Государственный сектор в промышленности и транспорте растет главным образом за счет капитального строительства. В 1953 г. в разных провинциях Китая только по 11 министерствам строилось 1264 предприятий, в том числе 746 крупных предприятий. Особую роль играло строительство 173 крупнейших фабрик, заводов, электростанций и шахт в ключевых отраслях народного хозяйства, в том числе строительство пятидесяти из списка 156 индустриальных гигантов, которые должны быть построены при непосредственной экономической и технической помощи СССР.

Опираясь на быстрый рост государственного, кооперативного и государственно-капиталистического секторов экономики, конституция провозглашает принцип государственного планирования народного хозяйства в интересах увеличения производительных сил, повышения материального и культурного уровня народа, укрепления независимости и безопасности страны.

По государственному устройству Китайская Народная Республика— унитарное государство, построенное по принципу демократического централизма. Новая народная власть впервые в истории Китая добилась подлинного объединения этой великой страны. В Китае проживает более шестидесяти национальных меньшинств (составляющих $\frac{1}{14}$ всего населения). Некоторые из этих меньшинств (чжуани, монголы, уйгуры, тибетцы, мяо) насчитывают по несколько миллионов человек. Ввиду этого общая программа предусматривала необходимость осуществления местной региональной национальной автономии. Уже в 1953 г. была создана одна автономная область (Внутренняя Монголия) и более ста семидесяти автономных районов, в том числе 50 крупных районов (масштаба уезда и больше) с общим населением более 10 миллионов⁷⁾.

Конституция подтвердила право всех компактно живущих народностей на региональную автономию, причем автономные национальные районы составляют нераздельную часть Китайской республики. Конституция и законы (избирательный закон от 11 февраля 1953 г.⁸⁾, Общее положение о национальной автономии от 8 августа 1952 года и др.) гарантируют всем национальным группам представительство в органах государственной власти всех степеней.

Отношения между народностями Китая основываются на принципах дружбы, сотрудничества и взаимной помощи.

7) «Вопросы истории», № 1, 1954 г., статья Т. Рахимова

8) «Народный Китай», 1953 г., № 7; «Правда», 5 сентября 1954 г.

Конституция закрепляет проведенное в 1954 г. упрощение административно-территориального деления Китайской Народной Республики (упразднение сыгравших свою роль областей, упразднение деления провинций на административные округа, а уездов — на районы). По Конституции Китайская Народная Республика делится на автономные области (в настоящее время одна — Внутренняя Монголия) и провинции (в настоящее время 26). Имеются также 3 города центрального подчинения. Провинции делятся на автономные национальные округа, автономные уезды и уезды, имеются города провинциального подчинения. Уезды делятся на сяны (соответствующие нашим сельским Советам), национальные сяны, города уездного подчинения и поселки.

В крупных городах (с населением свыше 100 тысяч человек) произведено внутригородское разделение на районы.

Все органы власти и управления строятся на основе демократического централизма и принципа двойного подчинения. Автономные области, округа и уезды действуют на основе положений, утверждаемых Постоянным комитетом Всекитайского Собрания народных представителей.

**

В конституции указывается, что высшим органом власти в Китайской Народной Республике и единственным законодательным органом является Всекитайское Собрание народных представителей.

Депутаты Всекитайского Собрания (в настоящее время 1226 человек) избираются собраниями народных представителей провинций (1 депутат от 800 тысяч жителей), собраниями народных представителей крупных городов, имеющих более 500 тысяч населения (1 депутат от 100 тысяч жителей), а также национальными меньшинствами (177 депутатов), воинами Народно-освободительной армии (60 депутатов) и китайцами, проживающими за границей (30 депутатов).

Всекитайское Собрание народных представителей избирается на 4 года, и его полномочия могут быть продлены лишь при возникновении чрезвычайных обстоятельств, делающих невозможным проведение новых выборов в установленный срок.

Очередные сессии Всекитайского Собрания созываются ежегодно, чрезвычайные — по постановлению Постоянного комитета или по предложению одной пятой общего числа депутатов. Для ведения заседаний каждой сессии избирается президиум сессии. Все вопросы решаются простым большинством голосов, за исключением поправок и изменений конституции, которые принимаются большинством в две трети голосов.

Ведению Всекитайского Собрания подлежат все вопросы законодательства, утверждения государственных планов и бюджета, административно-территориального деления страны, вопросы мира и войны и другие вопросы по усмотрению самого Собрания. Все без исключения высшие должностные лица государства избираются и утверждаются Всекитайским Собранием, подотчетны Собранию и могут быть в любое время смещены по решению Собрания. Собрание избирает постоянные комиссии (в частности бюджетную и мандатную комиссии) и может создавать временные (следственные) комиссии.

Постоянно действующим органом Всекитайского Собрания народных представителей является избираемый Собранием Постоянный комитет Всекитайского Собрания народных представителей в составе председателя, десяти заместителей председателя и 65 членов. Постоянный комитет осуществляет совместно с Председателем республики функции главы государства на основе сочетания коллегиальной и единоличной президентуры.

Постоянный комитет проводит выборы в Собрание, созывает его сессии, дает толкование законов, принимает указы, контролирует деятельность Государственного совета, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, отменяет постановления и распоряжения Государственного совета в случае противоречия конституции, законам и указам, назначает членов правительства в промежутках между собраниями, принимает решения о назначении и отзыве дипломатических представителей в иностранных государствах, ратифицирует и денонсирует международные договоры, устанавливает специальные и почетные звания, учреждает награды и дарует помилование, а также выполняет любые другие функции, возложенные на него Всекитайским Собранием народных представителей.

Если Собрание не заседает, Постоянный комитет объявляет состояние войны в случае военного нападения на Китай или необходимости выполнить обязательства по совместной обороне от агрессии, а также принимает решения о всеобщей мобилизации и о введении военного положения.

Постоянный комитет руководит в промежутках между сессиями Всекитайского Собрания деятельностью комиссии законодательных предположений и комиссии по делам национальностей, избираемых Собранием. Комитет обладает правом создания следственных комиссий.

Всекитайское Собрание избирает сроком на 4 года Председателя Китайской Народной Республики, который осуществляет функции главы государства на основе решений Всекитайского Собрания и Постоянного комитета совместно с этим последним. Председатель республики обнародует законы и указы, подписывает назначения, жалует награды, объявляет приказы о мобилизации и военном положении, представляет Китай во внешних сношениях и утверждает договоры с иностранными державами, принимает иностранных дипломатических представителей и аккредитует дипломатических представителей Китая, командует вооруженными силами республики и председательствует в Комитете государственной обороны.

Вместе с председателем республики на тех же условиях избирается его заместитель, который помогает ему в осуществлении его обязанностей, замещает в случае длительного отсутствия по болезни и занимает пост председателя республики, если этот пост оказывается вакантным до истечения четырехлетнего срока.

Высшим исполнительным органом государственной власти КНР и высшим административным органом государства является Государственный совет, то есть правительство Китайской Народной Республики.

Государственный совет в отличие от существовавшего до принятия конституции Государственного административного совета осуществляет государственное управление во всех областях, включая руководство строительством вооруженных сил.

Государственный совет состоит из премьера, его заместителей, министров, председателей различных комиссий и начальника секретариата.

Премьер утверждается Всекитайским Собранием по предложению Председателя республики, другие члены правительства—по представлению премьера.

Все вопросы разрешаются либо на пленарных заседаниях Государственного совета, либо на узких заседаниях в составе премьера, его заместителей и генерального секретаря.

Высший орган по вопросам национальной обороны — Комитет государственной обороны, действующий под председательством Председателя Китайской Народной Республики, состоит из заместителей председателя

и членов Комитета, утверждаемых Всекитайским Собранием по представлению Председателя республики.

В случае необходимости Председатель республики созывает высший координационный совещательный орган — Верховное государственное совещание в составе заместителя Председателя республики, председателя Постоянного комитета Всекитайского Собрания народных представителей, премьер-министра Государственного совета и других государственных деятелей.

Единственными и полноправными органами государственной власти на местах являются собрания народных представителей, а в промежутках между сессиями собраний — избираемые ими местные народные комитеты, являющиеся в то же время органами общего управления и создающие при себе отделы или бюро по отдельным отраслям управления.

Вышестоящие собрания народных представителей имеют право отменять и изменять постановления нижестоящих собраний, вышестоящие народные комитеты — право приостанавливать их действия и отменять постановления и распоряжения народных комитетов.

Депутаты низовых собраний народных представителей (в саянах, поселках, небольших городах и районах крупных городов) избираются непосредственно населением на двухгодичный срок.

Депутаты уездных, городских (в городах, имеющих районное деление) и провинциальных собраний народных представителей избираются тайным голосованием на сессиях нижестоящих собраний. Срок полномочий уездных и городских собраний — 2 года, провинциальных — 4 года.

Губернаторы провинций, мэры городов, старосты уездов, сянов и поселков избираются собраниями народных представителей и являются председателями соответствующих народных комитетов, которые действуют как коллегиальные органы управления.

Конституция указывает, что все государственные органы должны опираться на народные массы⁹⁾ и находиться под их контролем и что все работники государственных органов должны быть верны народно-демократическому строю, подчиняться конституции и законам и всеми силами служить народу.

**

Судебная система Китайской Народной Республики состоит из примирительных комиссий при местных органах власти, судов низшей степени (уездные и приравненные к ним), судов средней степени (окружные и межуездные), судов высшей степени (провинциальные и приравненные к ним), военных трибуналов, линейных транспортных судов (могут быть создаваемы и другие специальные суды) и Верховного Народного Суда, имеющего в своем составе гражданскую, уголовную и специальные палаты (коллегии) и осуществляющего — вместе с Министерством юстиции — руководство всей судебной системой и надзорные функции по отношению ко всем судам республики. Председатель Верховного Народного Суда избирается Всекитайским Собранием народных представителей, его заместители и члены суда утверждаются Постоянным комитетом Всекитайского Собрания.

Вместе с гоминьдановской государственной машиной была ликвидирована гоминьдановская антинародная правовая система. Еще до провозглашения Китайской Народной Республики в инструктивном приказе

⁹⁾ Примеры методов и способов вовлечения широких народных масс в дело управления — создание комиссий с привлечением актива при народных комитетах сянов, избрание уличных комитетов при подрайонных управлениях крупных городов и т. д.

№ 6 Народного правительства Северного Китая от 1 апреля 1949 года провозглашалась полная отмена всех гоминьдановских законов.

Суды и административные органы обязаны руководствоваться конституцией, Общей программой, законами и постановлениями Центрального народного правительства, нормативными актами местных органов власти, а в случае, если тот или иной вопрос не находит разрешения в действующих актах — общей политикой Центрального народного правительства.

Конституция устанавливает четырехлетний срок полномочий избираемых собраниями народных представителей председателей народных судов всех ступеней, разрешение важнейших дел пленумами судов (судебными комитетами), независимость судей при разборе дел, участие народных заседателей в процессе, публичность судебного процесса, право обвиняемого на защиту и право каждого выступать на суде на своем родном языке. Народные судьи всех степеней (кроме председателей) назначаются Народными комитетами, но не составляют — как было прежде — часть их аппарата и в своей деятельности подотчетны только соответствующим собраниям народных представителей.

Для осуществления надзора за соблюдением законности всеми ведомствами, подчиненными Государственному Совету, местными органами управления, всеми должностными лицами и всеми гражданами учреждены органы прокуратуры.

До принятия конституции народная прокуратура в Китае представляла собою систему органов, действовавшую на основе принципа двойного подчинения. В соответствии с конституцией эта система заменяется централизованной прокуратурой с осуществлением надзорных функций коллегиальными прокуратурами во главе с прокурорами, назначаемыми на четырехлетний срок, подчиненными только Верховной народной прокуратуре, возглавляемой Генеральным прокурором.

Генеральный прокурор назначается Всекитайским Собранием народных представителей, его заместители и члены Верховной народной прокуратуры — Постоянным комитетом Всекитайского Собрания.

**

В конституции предусматриваются меры, обеспечивающие реальный характер предоставленных китайским гражданам прав и свобод. Всемерная забота о трудящемся человеке, об удовлетворении его материальных и культурных потребностей лежит в основе политики и системы права китайской народной демократии.

Вся преобразовательная деятельность демократической диктатуры народа в области народнохозяйственного и культурного строительства была с момента провозглашения народной республики направлена на обеспечение китайским гражданам права на труд, на отдых, на образование и на социальное обеспечение в старости и при нетрудоспособности. Однако формальное провозглашение этих прав в Общей программе в 1949 г. не представлялось возможным, так как в стране еще не было всех необходимых материальных гарантий для их осуществления.

В 1954 г., на основе грандиозных достижений нового Китая в области экономики и культуры, — после введения в действие закона о трудовом страховании и ликвидации массовой безработицы, — в конституции провозглашаются гарантированные права китайских граждан на труд и на образование, право трудящихся на отдых и на материальное обеспечение.

Китайская Народная Республика предоставляет и гарантирует своим гражданам избирательное право, свободу совести, слова, печати, собраний, демонстраций, организации союзов (только деятельность реакцион-

ных организаций не разрешается), свободу и неприкосновенность личности, свободу передвижения и избрания местожительства, неприкосновенность жилища и переписки, свободу и возможности научной и культурной деятельности, право личной собственности и ее наследования, полное равенство всех граждан перед законом, право обжалования действий всех должностных лиц перед судебными органами, органами Министерства народного контроля и другими инстанциями.

Конституция вводит положение о том, что никто из граждан республики не может быть подвергнут аресту иначе, как по решению суда или с санкции прокуратуры, даваемой в строгом соответствии с законом.

Китайский народ широко использует свое право организации. В народных организациях в 1953 г. состояло более 350 миллионов человек¹⁰⁾, включая членов крестьянских союзов (12,5 миллиона членов), Демократической федерации женщин (более 76 миллионов членов), Новодемократического союза молодежи (13 миллионов членов), и других организаций молодежи, кооперативных объединений (более 160 миллионов членов), Общества Китайско-Советской Дружбы (68 миллионов индивидуальных членов), научных обществ, Общества Красного Креста, Ассоциации народной помощи и ряда других организаций.

В органах народно-демократического единого фронта и в органах власти представлены вместе с коммунистами и беспартийными члены демократических партий, отражающих интересы мелкобуржуазных и отчасти буржуазных патристически настроенных элементов: Демократическая лига Китая, Революционный комитет гоминьдана (порвавшие в начале 1947 года с Чан-Кай-ши левые гоминьдановцы), Китайская крестьянско-рабочая демократическая партия, Ассоциация демократического национального строительства, Общество содействия демократии в Китае, партия Чжигун («Партия стремления к справедливости»), научное общество «Цзюсань» («Общество 3 сентября»), Тайваньская лига демократического самоуправления и Синьцзянская народно-демократическая лига.

Все китайские демократические партии и народные организации признают руководящую роль и поддерживают программу Коммунистической партии, в ряды которой входит 7 миллионов передовых трудящихся Китая.

В конституции уделяется значительное внимание национальному вопросу. Закрепляется право национальных меньшинств на региональную автономию, провозглашаются дружба, свобода и равенство всех национальностей, запрещаются всякие проявления национальной дискриминации и действия, подрывающие дружбу национальностей, гарантируется право всех граждан на развитие национального языка и письменности, указывается, что социалистические преобразования в автономных районах должны осуществляться с учетом национальных особенностей и обычаев.

Конституция закрепляет права и возможности, завоеванные китайскими женщинами, и провозглашает абсолютное равноправие женщины с мужчиной во всех сферах экономической, политической и культурной деятельности, а также в семейной жизни, обязывает государство защищать брак, семью, интересы матери и ребенка.

Конституция обязывает граждан Китайской Народной Республики соблюдать конституцию и законы, соблюдать дисциплину труда, являющегося делом чести каждого гражданина, охранять общественную собственность, соблюдать общественный порядок и уважать правила общежития, защищать свою Родину и нести почетную воинскую обязанность,

¹⁰⁾ См. газ. «Известия», 13 августа 1953 г.

а также уплачивать налоги в соответствии с законом. Эти положения лежат в основе проводимой демократической диктатурой народа грандиозной работы по воспитанию в духе социализма.

Новый Китай предоставляет право убежища иностранцам, преследуемым за правое дело, за защиту мира, за научную деятельность. Новый Китай защищает права и интересы китайских граждан, находящихся за рубежом.

**

Конституция закрепила и подтвердила основные положения демократического избирательного закона 1953 г. Все граждане, достигшие восемнадцати лет, независимо от их расовой и национальной принадлежности, рода занятий, социального происхождения, вероисповедания, образовательного ценза, имущественного положения и оседлости, имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти.

Временное лишение избирательного права бывших помещиков и гоминьдановских реакционеров затрагивает очень небольшой круг лиц. На выборах 1953—1954 гг. к участию в голосовании было допущено 97,18 % всех лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста. Бывшие помещики, которые в течение пяти лет живут своим трудом и соблюдают законы, а также исправившиеся бывшие реакционеры, освобожденные от надзора народной полиции, восстанавливаются в избирательных правах. Каждый избиратель имеет на выборах один голос. Вместе с тем избирательный закон обеспечивает представительство в органах власти всех территориальных единиц и городов, всех национальных меньшинств и воинов Народно-освободительной армии. Кроме того, с согласия всех демократических партий и групп были установлены повышенные нормы представительства городского населения, в чем нашла свое выражение руководящая роль рабочего класса в союзе рабочих и крестьян.

Выборы в органы государственной власти проводятся как прямые (низовые собрания народных представителей), так и многостепенные (уездные и вышестоящие собрания народных представителей), что напоявляет систему съездов Советов, существовавшую в нашей стране в 1917—1936 гг., с тем, однако, важным отличием, что собрания народных представителей являются не временными органами, какими были съезды Советов, а постоянными органами власти, избираемыми на определенный срок и работающими в сессионном порядке.

В связи с тем, что большинство сельского населения еще неграмотно, на выборах в низовые органы власти в сельских местностях применяется открытое голосование (путем поднятия рук). В городах на выборах депутатов низовых собраний применяется тайное голосование. Тайное голосование обязательно также при избрании депутатов вышестоящих собраний народных представителей. Так как в стране развита грандиозная работа по ликвидации неграмотности, можно думать, что вскоре принцип тайного голосования будет осуществлен повсеместно.

При составлении избирательных списков каждому избирателю выдается удостоверение на право голосования, что позволяет ему подать свой голос в любом избирательном округе. Все расходы по выборам несет государство. Избирательные комиссии, назначаемые вышестоящими инстанциями, независимы от местных органов власти и управления. Их действия по составлению избирательных списков могут быть обжалованы в судебном порядке. Установлено уголовное наказание за нарушение прав избирателей.

Все народные организации и демократические партии — совместно и в отдельности, — группы избирателей и отдельные избиратели имеют

право выдвижения кандидатов в депутаты. Все кандидаты тщательно обсуждаются избирателями.

Избиратели имеют право в любой момент отозвать своего депутата и выбрать другого. Собрание народных представителей, избравшее депутата вышестоящего собрания, также обладает правом досрочного отзыва своего избранника и избрания нового.

Кроме депутатов низовых собраний народных представителей, население избирает также народных заседателей, членов комиссий общественной безопасности, уполномоченных общественного контроля и ряд других активистов, непосредственно участвующих в работе государственных органов.

**

Созданная освобожденным народом Китая великая демократическая держава является неотъемлемой частью могучего лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом. Китайская Народная Республика последовательно и неизменно проводит миролюбивую политику, что нашло свое закрепление и в ее конституции, провозглашающей, что целью нового Китая в международных делах являются мир во всем мире и прогресс человечества.

В основе внешней политики Китайской Народной Республики лежит нерушимая дружба с Советским Союзом, закрепленная заключенным 14 февраля 1950 года Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи и рядом соглашений по хозяйственным и другим вопросам (соглашение о создании на паритетных началах смешанных советско-китайских обществ с последующей передачей Китаю советской доли в этих обществах, о безвозмездной передаче Китаю прав советской стороны по управлению Китайской Чань-чуньской железной дорогой, портов Артур и Дальний и советского имущества в Маньчжурии, соглашение о совместном использовании морской базы в Порт-Артуре, соглашение о приглашении в Китай советских технических специалистов, торговое соглашение и соглашение о предоставлении Китаю советских кредитов для закупки оборудования на льготных условиях). Советский Союз оказывает Китаю всемерную бескорыстную братскую помощь в деле социалистической индустриализации.

Для выполнения грандиозных задач своей первой пятилетки (удвоение промышленной продукции страны, создание тяжелой индустрии, объединение 90 % крестьян в группы трудовой взаимопомощи, в том числе 35 % — в производственные кооперативы и т. д.) китайский народ нуждается в мире и развитии экономических связей с другими странами. Для охраны своего мирного труда он вынужден укреплять государственную оборону Китая.

Американский империализм, мечтавший превратить Китай в свою колонию и в плацдарм третьей мировой войны, не примирился с крахом своих планов в Китае. Он поддерживает остатки контрреволюционных элементов внутри Китая и проводит агрессивную антикитайскую политику на международной арене. Американские вооруженные силы захватили и оккупировали китайскую островную провинцию Тайвань, где окопались остатки контрреволюционной клики Чан Кай-ши. Американские и голландские воздушные и морские пираты совершают нападения на территорию континентального Китая и на суда, плывущие в китайские порты. Через Северную Корею американские империалисты пытались вторгнуться в глубь Китая. Доблестные китайские народные добровольцы пришли на помощь Корейской народной армии и вместе с нею отбросили агрессоров назад, к 38-й параллели, нанеся им огромные потери и заставив согласиться на перемирие. Напряжение этой борьбы не

помешало новому Китаю завершить восстановление народного хозяйства и перейти к плановому строительству социализма. Под лозунгом сопротивления американской агрессии и помощи Кореи широко развернулось производственное патриотическое соревнование, превратившееся в социалистическое соревнование первой пятилетки.

Американские империалисты, грубо нарушающие все основы международного права, пытались изолировать народный Китай на международной арене. Их попытки потерпели полный крах. Вслед за Советским Союзом, признавшим Китайскую Народную Республику на другой день после ее провозглашения, о дипломатическом признании Китайской Народной Республики заявили все страны народной демократии и ряд капиталистических стран (включая все крупные буржуазные страны Азии и Великобританию), всего 26 государств с населением более миллиарда людей. За 4 года существования народной власти в Китае представители китайского народа участвовали в 146 международных конференциях и совещаниях, послали в другие страны двести делегаций и приняли у себя более трехсот иностранных делегаций из пятидесяти стран¹¹⁾. В двадцати странах созданы общества дружбы с народным Китаем.

Древний Пекин — столица народного Китая — явился местом важнейших народных совещаний демократических организаций и важнейшим дипломатическим центром Азии. На Женевском совещании Китайская Народная Республика заняла по праву свое законное место среди великих держав и во многом способствовала восстановлению мира в Индо-Китае. Участие Китайской Народной Республики в конференции стран Азии и Африки в Бандунге (1955 г.) еще более способствовало повышению ее международного авторитета. Центральное народное правительство Китая заявило о своей готовности подписать Пакт мира пяти великих держав, и все взрослое население Китая поставило свои подписи под обращением в пользу такого Пакта и под Венским обращением против атомной войны.

Многие государства Азии, в том числе и буржуазные, признают ведущую роль Китая в борьбе за мир на Дальнем Востоке и с большим вниманием отнеслись к предложению главы китайской делегации на Женевском совещании тов. Чжоу Энь-лая о сотрудничестве миролюбивых стран Азии в борьбе за мир. Широкое признание получили принципы международных отношений, сформулированные в соглашении и декларации Китайской Народной Республики и Индийского Союза: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование.

Американские империалисты пытались организовать экономическую блокаду нового Китая, сорвать его внешнюю торговлю, но потерпели неудачу и в этом: внешнеторговый оборот Китайской Народной Республики с 1949 года по 1953 год вырос в 6 раз, причем, наряду с бурным ростом экономических связей с социалистическими государствами, возрастают также торговые операции Китая с буржуазными странами.

Используя машину голосования в Организации Объединенных Наций, правящие круги США препятствуют занятию представителями Китайской Народной Республики их законного места в Совете Безопасности и в других органах ООН.

Если первоначально только делегаты советских и народных республик боролись за изгнание из органов ООН «представителей» гоминьдановской клики и за восстановление прав Китая в международной орга-

¹¹⁾ «Правда», 4 апреля 1954 г.

низации, то в настоящее время необходимость допуска в органы ООН законных представителей Китайской Народной Республики признали официальные представители таких государств — как Англия, Канада, Новая Зеландия, Индия, Бирма, Индонезия и другие, а также генеральный секретарь ООН Хаммаршельд. Правящим кругам США становится все труднее и труднее противодействовать признанию народного Китая другими буржуазными странами и допуску его делегатов в ООН. Укрепление мощи китайского народного государства, его переход к плано-вому строительству социализма и принятие первой конституции народного Китая способствуют еще большему росту его международного авторитета.

Исторический опыт народного Китая подтверждает гениальное научное предвидение В. И. Ленина о том, что с помощью рабочего класса передовых стран стедельные страны могут придти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Исторические успехи китайского народа доказывают, что там, где, исходя из конкретных условий данной страны, правильно, творчески применяется марксизм-ленинизм, правильно применяется опыт, приобретенный Коммунистической партией Советского Союза в революции и строительстве, — там победа всегда обеспечена¹²⁾.

**

Период, прошедший со времени принятия Конституции КНР, ознаменовался новыми успехами в государственном строительстве народного Китая.

Трудовой героизм китайских рабочих, мощный размах социалистического соревнования обеспечили досрочное выполнение первого пяти-летнего плана. Разрабатывается новый народнохозяйственный план на длительный период. Завершено в основном преобразование частно-капиталистических предприятий в государственно-капиталистические, кооперировано 90% крестьян, причем 61% кооперативов — кооперативы высшего типа — типа колхозов. В июне 1956 года III сессия Всекитайского Собрания народных представителей утвердила примерный устав такого кооператива.

Широко развернули свою деятельность представительные органы китайского народа — собрания (съезды) народных представителей, депутаты регулярно обследуют (вместе с членами консультативных комитетов единого народного демократического фронта) предприятия и населенные пункты своих округов, а также кооперативы. Такие обследования проводятся дважды в год. К управлению привлекаются народные массы в качестве членов комиссий при местных народных комитетах, членов уличных комитетов, членов комиссий общественного порядка, народных заседателей в судах, уполномоченных государственного контроля и т. д. Созданы депутатские группы и приемные.

Сформирован второй созыв Всекитайского комитета НПКСК, в составе которого 671 представитель всех демократических партий и народных организаций.

Проводимые во второй половине 1956 г. выборы нового состава местных собраний народных представителей поднимают новую волну политической активности трудящихся.

Народный Китай сократил свои вооруженные силы, но вместе с тем осуществил систему учета военнообязанных и провозгласил закон о всеобщей воинской обязанности.

¹²⁾ См. Приветствие ЦК КПК XIX съезду КПСС (газ. «Правда», 9 октября 1952 г.).

Произведено укрепление органов государственного управления. При Государственном Совете созданы канцелярии, объединяющие группы ведомств. По ряду отраслей управления при Государственном Совете созданы специальные отделы, агентства, главные управления (более 20). Проведены дважды разукрупнения министерств с целью приближения руководства к производству. Так, в мае 1956 года созданы Общегосударственная экономическая комиссия, Техническая комиссия, разукрупнено министерство тяжелой промышленности, организован ряд новых отраслевых министерств. Управление промышленностью перестроено на основе единоначалия с непосредственным участием профсоюзов. По всей стране прошли отраслевые и местные совещания передовиков производства, завершившиеся в апреле 1956 года всекитайским слетом передовиков производства, в котором приняли участие 6000 делегатов. Народное правительство перестраивает систему заработной платы, вводя тарифные ставки и разряды, стимулирующие повышение культурно-технического уровня и рост производительности труда. Приняты решения, направленные на повышение заработной платы и новый подъем жизненного уровня трудящихся.

С каждым днем укрепляется великая миролюбивая держава китайского народа, расширяет свои дипломатические, экономические и культурные связи со всеми странами мира. Демократическая диктатура народа, осуществляющая функции диктатуры рабочего класса, обеспечивает быстрое продвижение великого Китая к социализму.

Б. И. МЕЛЁХИН

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС В БОРЬБЕ ЗА МЕЖДУНАРОДНУЮ ЗАКОННОСТЬ

Важнейшей особенностью современного положения является активное выступление народных масс за смягчение международной напряженности, за такую международную обстановку, которая соответствовала бы нормальной человеческой жизни без страха за завтрашний день, за свою судьбу.

Прошло то время, когда народы были простым орудием и материалом во внешнеполитических действиях своих правителей, когда империалисты, безнаказанно попирая международную законность и права народов, могли в глубокой тайне готовить преступные агрессивные войны, безнаказанно совершать международный разбой.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, новую эру в отношениях между народами, знаменовала наступление качественно нового этапа в развитии международного права и в отношении народов к международной законности. Образование лагеря демократии и социализма, создание международного фронта защиты мира неизмеримо увеличило значение международного права в международных отношениях и вместе с тем увеличило значение и роль народных масс в борьбе за международную безопасность и соблюдение международной законности. Задача укрепления международного права и международной законности занимает в настоящее время важное место в борьбе народов за мир. Ослабление международной напряженности и укрепление международной законности существенным образом способствовало бы повышению жизненного уровня народов всех стран, особенно экономически отсталых. Укрепление международного мира и укрепление международной законности имеют большое значение для советского народа, для народов всего социалистического лагеря, так как мир и законность создают благоприятные внешние условия для быстрейшего строительства коммунистического и социалистического общества, для дальнейшего роста благосостояния народов этого лагеря.

Современная международная законность представляет собой серьезную преграду на пути подготовки и развязывания новой мировой войны, на пути осуществления планов завоевания мирового господства американским империализмом. Борьба за мир неразрывно связана с борьбой за международную законность. Вот поэтому трудящиеся массы всех стран внимательно следят за происками поджигателей войны, организаторов конфликтов и провокаций, осуждают и клеймят каждое нарушение международного права, борются против попрания международной законности реакционными империалистическими силами. Осознание широкими

народными массами принципов современного международного права способствует их успехам в этой благородной борьбе.

Выяснение вопроса о роли народных масс в развитии современного международного права и укреплении международной законности, как важного условия сохранения мира, имеет большое теоретическое и практическое значение особенно в настоящее время, когда от их широкого участия и активности в борьбе за мир зависит сохранение международной безопасности. Решение этого вопроса ведет к правильному пониманию воздействия объективных и субъективных факторов на международную законность, указывает важнейшие пути и способы борьбы за международную безопасность.

Коммунистическая партия Советского Союза, коммунистические и рабочие партии всех стран, руководствуясь марксистско-ленинским учением во всей своей деятельности, в борьбе за мир, за мирное сосуществование двух систем, исходят из того, что решающей силой в международных отношениях являются трудящиеся массы, народы — творцы истории.

Величайшая сила внешней политики Советского Союза состоит в том, что она носит научный характер, исходит из учета как объективных, так и субъективных факторов в жизни общества. Основой ее успехов является то, что она, выражая интересы народов, пользуется действенной поддержкой народов как Советского Союза, так и других стран мира.

Статья освещает некоторые общие вопросы о роли народных масс в обеспечении международной законности.

**

Каждой общественно-экономической формации классового общества присущ свой тип международно-правовых отношений, своя международная законность. Современная международная законность — это исторически сложившийся порядок в международных отношениях, закрепленный демократическими принципами международного права и соглашениями участников антигитлеровской коалиции военного и послевоенного периода и основанный на их точном соблюдении. Международная законность предполагает соблюдение таких основных начал международного права, как сохранение независимости, суверенитета и равноправия народов и государств, поддержание невмешательства, соблюдение международных договоров и объявление преступным любого акта агрессии и борьбу с ней.

Какова роль народных масс в создании международного права и в борьбе за соблюдение международной законности?

Для представителей эксплуататорских классов характерно в целом игнорирование роли народных масс в истории. Философы, социологи, историки и правоведы проводят подобные воззрения с целью оправдать и увековечить приниженное положение эксплуатируемых масс и доказать, что историю творят «избранные» личности из представителей эксплуататорских классов. Этот реакционный идеалистический взгляд на роль народных масс выражает презрение и страх эксплуататоров перед народом, он направлен на обоснование необходимости угнетения и подавления трудящихся масс, призван внушить им покорную пассивность и подорвать веру в собственные силы. В буржуазной науке международного права эти реакционные воззрения находят свое выражение в отрицании роли народных масс как в создании международного общества, так и возникающих на его основе демократических норм международного права. История международного права освещается как история конгрессов и конференций, как продукт творчества и деятельности толь-

ко дипломатов и ученых, королей и императоров, премьеров и президентов. Буржуазные теории, касаясь идейных мотивов в действиях и поступках дипломатов, извращенно определяли причины, которые обуславливали их стремления. Движущей силой, которая управляла этими личностями в создании международного права, считались или божественная идея в самых различных формах, или вечные естественные законы и нормы морали, или природа человека. Считалось неоспоримым, что только от королей, императоров и прочих лиц, стоящих во главе государства, зависят судьбы мира, безопасности и войны, все развитие международных отношений и соответствующей им законности. Но вместе с тем в определенные исторические периоды господствующие классы перед лицом сильного и опасного врага апеллировали к народу. Стремление опереться на его силу и поддержку приводит к тому, что уже в глубокой древности, например, в Киевской Руси, договоры заключались не только от имени великих князей, но и от имени всего народа. Представители буржуазной науки международного права, изображая внешнюю политику империалистических государств как политику, осуществляемую от имени и в интересах народа, предпочитают, однако, не ставить вопроса о значении международной законности для народных масс и о их роли в ее образовании и сохранении.

Какова же подлинная роль народных масс в такой области общественных отношений, которые называются международными?

Марксизм-ленинизм, признавая объективность закономерностей общественного развития, не умаляет роли субъективного фактора, сознательной деятельности людей, народных масс и отдельных личностей. Вне деятельности людей невозможно развитие общества. Без народных масс не могут происходить такие явления истории, как войны и революции. Субъективный фактор оказывает существенное влияние на объективные условия общественного развития. Люди сами творят историю, однако не по произволу, а в соответствии с объективными законами общественного развития. Деятельность людей определяется конкретными историческими условиями. Марксистско-ленинское учение о народе как творце истории вытекает из определяющей роли общественного производства материальных благ в существовании и развитии общества.

Общие положения марксистско-ленинской теории о роли народных масс в истории распространяются и на международные отношения. Вместе с тем развитие международного права и международной законности, кроме общих закономерностей, присущих общественной жизни в целом, содержит существенные специфические особенности, свои закономерности.

Нормы международного права, в виде международных соглашений, как главной формы выражения международного права, обычно формулируются дипломатами, представителями государственных органов внешних сношений, проводящих волю господствующих классов. В силу этого нормы международного права выражают волю господствующих классов нескольких государств, складывающуюся в процессе их борьбы и сотрудничества на международной арене. Выражение единой воли господствующих классов находится в соответствии с определенными объективными условиями данного общества, соотношением и расстановкой сил на международной арене.

В условиях эксплуататорского общества господствующие классы стремятся, чтобы все великие изобретения и открытия, все достижения цивилизации и блага международного общения шли не на пользу народов, а на обогащение кучки угнетателей. Дипломатия эксплуататорских классов всегда стремилась выработать такое право на международной арене, которое в своей сущности способствовало бы сохранению экс-

плуатации и угнетению трудящихся масс внутри страны, грабежу и порабощению народов других стран. Но эта деятельность не способствовала развитию таких основных начал международного права, как суверенитет и равенство государств, невмешательство и др. Международные отношения, которые устанавливаются в эксплуататорском обществе, характеризуются постоянными грабительскими войнами, грызней, распрями из-за колоний, прибылей и т. д. Представители государств эксплуататорского типа не способны установить прочный стабильный правопорядок на международной арене, который обеспечивал бы нормальное развитие народов, не сопровождался бы постоянным нарушением международных соглашений и всего международного права в целом. Например, Версальско-вашигтонское оформление послевоенного капиталистического мира оказалось явно несостоятельным, потому что оно было направлено против великого освобожденного народа Советской России и национально-освободительного движения, ущемляло жизненные интересы многих стран и народов, являлось крайне тяжелым для трудящихся масс. Эта договорная система «хищников и разбойников» (Ленин) обостряла империалистические противоречия, сохраняла условия для возрождения германского империализма, была чревата новой войной.

Соглашения между государствами, которые противоречили коренным интересам трудящихся масс, большинству народа, носили реакционный характер. Здесь международно-правовая форма, прикрывая противонародное содержание, противоречила по существу коренным принципам и устоям международного права.

Однако основу для создания демократических норм международного права создавали именно народные массы, являющиеся главными теоретиками истории.

Все народы, участвующие в международном общении, особенно редкие народы, вносят свой вклад в создание тех международных отношений, на основе которых создаются демократические начала международного права. Каждый народ является решающей силой, когда появляется необходимость отстаивания и защиты основных прав его страны, сохранения независимости и свобод на международной арене.

Известно громадное значение Русского государства в создании международного права и его сохранении. Чем определилось это значение? Прежде всего ролью русского народа, внесшего великий вклад в развитие мировой цивилизации. Русский народ, который в условиях эксплуататорского общества стоял вне политики, проводимой самодержавием, тем не менее оказывал непосредственное влияние на международно-правовую позицию России и состояние международной законности в Европе: во-первых, когда Россия подвергалась смертельной опасности и русский народ в ожесточенной борьбе против иноземных захватчиков сохранял свою независимость и, во-вторых, когда он помогал другим народам сохранить их независимость и свободу. Крупнейшие события из истории Европы, которые оказывали важнейшее влияние на образование международной законности, говорят об этой роли русского народа. Так, русский народ в XIII веке, приняв на себя главный удар монголо-татарских завоевателей, спас народы Западной Европы от губительного нашествия, создал тем самым условия для эпохи возрождения и сохранения таких международных отношений на Западе, на базе которых были выработаны новые нормы и принципы международного права. В XIII—XIV веках русский народ вновь выступил как спаситель народов России и Западной Европы от другой угрозы — немецких «псов-рыцарей», утверждение господства которых над Европой неизбежно привело бы к регрессу в области международных отношений, к крушению сложившейся международной законности.

Создав в борьбе за свободу и независимость свою государственность, Русское централизованное государство, русский народ получил новые возможности для сохранения независимости в сложной международной обстановке, а также для оказания своего влияния на развитие международных отношений в целом. Русский народ своими ратными подвигами вывел из строя в XVII веке претендента на мировое господство прусского короля Фридриха II, русский народ явился спасителем Европы от господства Наполеона.

Эти и другие события всемирной истории показывают, что именно народные массы своей борьбой препятствовали реакционным захватническим силам установить мировое господство, поправить основные права народов, разрушить международную законность, направленную на сохранение суверенитета и равноправия государств в международном общении.

Особенностью международной законности является то, что она обеспечивается не каким-либо органом, стоящим над всеми государствами, а непосредственно самими субъектами международного общения — государствами и народами — индивидуально или коллективно. При этом решающим средством разрешения международных споров и отстаивания своих прав, как правило, являлось насилие в виде военных действий. Характер войны определял отношение действующих сил к международной законности. Захватнические, несправедливые войны сопровождались попранием международного права. Освободительные, справедливые войны вели к сохранению или развитию демократических начал международного права, они вызывали более широкое участие народных масс, представителей угнетенных классов в решении поставленных вопросов.

Поступательный ход исторического развития не исключал периодов реакции и регресса, которые распространялись и на развитие международного права, на состояние международной законности в международных отношениях. Политику эксплуататорских государств осуществляют представители господствующих эксплуататорских классов, ставящих интересы своего класса выше общенародных интересов, готовых идти на национальное предательство и измену, на любое нарушение как внутренней, так и международной законности ради наживы, ради сохранения классовых позиций. Несомненно, что реакционные политики могут нанести большой вред отечеству, подорвать его международные позиции, свести на нет героические усилия народа своей страны, его решимость отстаивать свою свободу и независимость. Фашистская Германия смогла легко расправиться с Австрией потому, что там внутренние реакционные силы парализовали единственную в стране силу, способную защитить независимость, — рабочий класс. Австрия была предана правящими кругами США, Англии и Франции, одоббившими грубейшее нарушение международной законности фашистской Германией. Подобным же образом был предан чехословацкий народ. В то время как чехословацкий народ был готов защитить свою страну, свою независимость, когда он с помощью советского народа мог сорвать планы агрессора, он стал жертвой предательства. Политика нарушения международной законности со стороны фашистской Германии в свою очередь стала возможной потому, что германский империализм физически истребил десятки тысяч лучших сынов немецкого народа — немецких коммунистов, уничтожил все остатки демократических свобод, которые существовали в Германии.

Объединенные усилия реакционных сил на международной арене могут привести к созданию такого правопорядка, который противоречит жизненным интересам народов, прогрессивному историческому развитию. Такую роль играл «Священный Союз» в 1815 г., агрессивные импе-

риалистические блоки перед первой и второй мировыми войнами, «новый порядок» Гитлера в Европе, Северо-Атлантический блок и др. Однако, как показывает история, все эти усилия рано или поздно терпят крах, кончаются провалом.

Ошибки отдельных правителей, реакционная политика или даже преступления лиц, стоящих у власти, как бы губительны ни были их последствия, в целом никогда не имели решающего воздействия на общий ход исторического развития и на общее развитие международного права, направление которых определялось действием мировых экономических и политических сил на базе существующего экономического строя ведущих государств.

Воздействие народных масс на развитие международного права и состояние международной законности носит или прямой, или косвенный характер. Существенное значение в определении международно-правовой политики господствующих классов имеет выражение общественного мнения, которое само нередко формируется представителями этих классов, а также растущее сознание широких трудящихся масс. В результате воздействия общественного мнения или перед лицом ярко выраженных требований широких народных кругов на международной дипломатической арене предпринимаются определенные действия, направленные на полное или частичное удовлетворение этих требований. Опасаясь нежелательного противодействия народных масс, представители эксплуататорских господствующих классов нередко прибегают к маскировке своих действий, придавая им внешне прогрессивную форму, придавая характер законности. Например, одной из причин образования Мандатной системы после первой мировой войны явилось воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на зависимые и колониальные народы, на всю мировую общественность. В условиях воздействия советской программы мира открыто делить колонии, отобранные у побежденных, в этот период, оказалось затруднительным. Известно также, что американские империалисты, выступая главными организаторами интервенции и контрреволюции в России, принимали прямое участие в вооруженном вторжении, прикрывая свое вмешательство и злодейство маской «друга» нашего народа. Под маской «законности» выступали и английские, и японские, и французские империалисты. История полна примеров, когда империалисты нарушали международную законность, прикрываясь интересами народа и цивилизации.

Международное право особенно быстро развивается в революционные эпохи, в период национально-освободительных войн, когда непосредственно решающей силой выступают народные массы. В эти периоды истории складывается и соответствующая международная законность. Историческое значение английской буржуазной революции XVII века, французской революции 1789 года состояло в том, что они знаменовали собой начало установления нового политического и общественного строя для Европы и в мировом масштабе. А в историческом развитии по мере утверждения новой общественно-экономической формации в международном масштабе изменялась соответственно и международно-правовая надстройка, в которой сохранились элементы старой надстройки, приспособленные к новым экономическим условиям.

Народ, являясь решающей силой в революциях и национально-освободительном движении, создает, следовательно, основы для дальнейшего развития международного права.

Однако, несмотря на то, что трудящееся большинство является главной силой революции, в эксплуататорском обществе прежние революции совершались в интересах меньшинства, народные массы не пользовались плодами своих побед как внутри страны, так и в международ-

ном общении. Даже в период расцвета буржуазно-демократических свобод трудящиеся в самых демократических республиках устранены от политической жизни. От имени народа и страны выступали господствующие эксплуататорские классы, их политические представители в государственных органах внешних сношений. Они формулируют нормы международного права, отвечая прежде интересам господствующих классов, хотя классовая борьба трудящихся против эксплуатации и угнетения и соотношение классовых сил внутри страны, несомненно, накладывали на эти нормы свой отпечаток. Поэтому развитие права в целом и международного права в частности нельзя понять в отрыве от классовой борьбы, являющейся движущей силой истории антагонистического общества. Определяя роль народных масс, необходимо учитывать, из каких классов состоит народ, какой класс является господствующим, какой — передовым. Решающая роль в новой истории принадлежит рабочему классу, имеющему свою революционную партию, свою марксистско-ленинскую идеологию и возглавляющему широкие народные массы трудящихся в борьбе за их права и освобождение от гнета.

Степень воздействия народных масс на состояние международной законности не является неизменной. Роль народных масс в истории изменяется в зависимости от объективных условий жизни и деятельности масс. Она определяется, прежде всего, экономическим строем общества и его классовой структурой. Объективные условия жизни могут или способствовать усилению роли народных масс или, наоборот, препятствовать, сковывать ее.

Новую эру в развитии международного права и его защите открыла Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало сосуществованию двух общественно-экономических систем: капиталистической, переживающей общий кризис, и социалистической, растущей и крепнущей в политическом и экономическом отношении.

В результате победы Великой Октябрьской революции необычайно возрастает творческая роль народных масс не только в строительстве нового социалистического общества, государства, хозяйства и культуры, но и в международных отношениях. Во всех эксплуататорских государствах трудящиеся массы отстранялись как от участия в управлении страной, так и от участия в решении международных вопросов. В социалистическом обществе трудящиеся принимают активное и широкое участие в управлении государством, в определении его международно-правовой позиции.

Каково отношение освободившихся от эксплуатации трудящихся масс к уже сложившейся международной законности? Взяв свою судьбу в свои собственные руки, они отвергают те международные соглашения и институты, которые грубо попирают коренные права народов и направлены против их жизненных интересов. Больше всего ценя блага мира, они отвергают в международном правопорядке то, что способствует реакционным агрессивным силам в проведении их антинародной политики и что по своему существу и зачастую по форме противоречит самим основам международного права. Например, Советское правительство, выражая волю рабочего класса и всех трудящихся, аннулировало все неравноправные договоры, ущемлявшие права народов Востока со стороны царской России, так и права народов России со стороны империалистов Запада. Вместе с тем освободившиеся от эксплуатации и гнета трудящиеся массы выступают защитниками всех демократических принципов международного права, завоеванных народами зачастую дорогой ценой человеческой крови. Они защищают и отстаивают такие международно-правовые принципы, которые укрепляют права человека и народов на международной арене, служат цивилизации и прогрессу и

от которых буржуазные правительства в эпоху империализма отрекаются и попирают. Слова Ленина о том, что в период империализма буржуазия нарушает ею же созданную законность, приложимы и к международной законности. Советская дипломатия, выражая интересы народа, с первых дней существования социалистического государства борется против попыток уничтожить созданные народами средства сближения, традиции и нормы, против использования международного права для оправдания бесправия. И, наконец, народы в своей борьбе, опираясь на лучшее прошлое, храня и оберегая демократические нормы, созданные еще в эпоху становления буржуазии, создают и борются за новые положения, отвечающие интересам народов в новой исторической обстановке.

Великая Октябрьская социалистическая революция имела громадное значение для развития творческих сил народов капиталистических, зависимых и колониальных стран в их борьбе за национальное освобождение, независимость и мир. Особое место в международных отношениях занял советский народ, став во главе борьбы за мир и демократию. Он внес поистине неоценимый вклад в дело укрепления международной законности. Об этом свидетельствуют уже первые годы существования Советского государства. Советский народ сумел отстоять свою независимость в борьбе с иностранной интервенцией, с походом 14 государств. Тем самым он сорвал преступные замыслы империалистов против Советской России. Его победа явилась важнейшим условием дальнейшего исторического прогресса, в том числе и международной законности. Сохранение и развитие народного советского социалистического государства накладывало узду на черные силы империалистической реакции, облегчало угнетенным народам борьбу за свое освобождение и независимость. Нарастание революционного и национально-освободительного движения в зарубежных странах и другие виды борьбы народов за свои права и свободы в свою очередь облегчали положение советского народа на международной арене.

Борьба Советского государства за мир между народами оказывала большое влияние на сознание рабочих и крестьян, а затем и на сознание мелкобуржуазных кругов империалистических стран, которые стали выступать против вмешательства в дела Советской России. В. И. Ленин так показал этот рост сочувствия: «Во-первых, мы отвоевали у Антанты ее рабочих и крестьян, во-вторых, приобрели нейтралитет тех маленьких народов, которые являются ее рабами, а в-третьих, мы начали отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и образованное мещанство, которые были целиком против нас»¹⁾.

Советское правительство в годы иностранной интервенции неоднократно предлагало правительствам Англии, Франции, США мирные переговоры для урегулирования всех спорных вопросов. Правящие круги этих стран отвергли все мирные средства разрешения международных споров. Однако решительный отпор советского народа вынудил их пойти на прекращение вооруженной интервенции и урегулирование отношений с социалистическим государством. Великая народная держава показала в первые годы своего существования, что она не позволит попрасть ее права и свободы. Это был первый урок силы свободного советского государства. Советский народ боролся за правое дело, что являлось одним из источников его непобедимости. Советская внешняя политика в борьбе с иностранной интервенцией опиралась на международное право, в то время как империалистические державы выступали его нарушителями. Это укрепляло международное положение Советского государст-

¹⁾ Ленин В. И., Сочинения, т. 30, стр. 195.

ва и ослабляло позиции империалистических сил. Политика мира, осуществляемая Советским государством, признание и претворение в жизнь принципа самоопределения наций, их суверенности и независимости явились могучим оружием в борьбе с империализмом.

Победа советского народа над иностранной интервенцией показала, что всякая война империалистических государств против Советского государства неизбежно обречена на провал. Победа советского народа положила начало периоду мирного сосуществования и соревнования двух систем — социалистической и капиталистической как основы для дальнейшего развития современного международного права.

Советский народ внес большой вклад в укрепление международной законности, осуществляя политику равноправия больших и малых государств, внимания к интересам и правам малых народов, к интересам народов зависимых и угнетенных стран, защиту их интересов. В. И. Ленин отмечал: «Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-либо интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на различных языках, без которых ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»²⁾. Советские люди, укрепляя дружбу народов внутри страны, борются за равноправие народов и наций во всемирном масштабе, за международную дружбу. В то время как политика дискриминации и угнетения со стороны империалистических государств вызывает к ним ненависть со стороны поработанных и зависимых народов, обостряет международные отношения, политика равноправия и доверия обеспечивает советской стране громадный международный авторитет и улучшает международное обилие.

Советским людям глубоко чужды капиталистические порядки и связанные с ними эксплуатация, нищета, безработица, дискриминация и агрессивные войны. Советский народ, верный знамени пролетарского интернационализма, укрепляет и развивает дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, оказывает им моральную и политическую поддержку в их борьбе за независимость и сохранение мира. Но эта поддержка не имеет ничего общего с пресловутым «экспортом революции», приписываемым Советскому государству его врагами. Советские люди знают, что капитализм рано или поздно перестанет существовать, но революции будут иметь успех прежде всего при созревании необходимых предпосылок внутри страны. Советский Союз придерживается принципа невмешательства во внутренние дела другого государства. Соблюдение этого важнейшего принципа международного права является основой для нормальных взаимоотношений между всеми государствами. Но эксплуататорские государства всегда стремились использовать любой удобный случай, чтобы вторгнуться в чужую страну, поставить ее в свою зависимость.

Советская дипломатия, опираясь на поддержку народа, занимала стойкую и активную позицию, способствовала обеспечению независимости и суверенитета нашей страны.

Советские люди всегда стремились к мирному разрешению всех международных споров. Средства такого мирного разрешения указывало международное право: переговоры, конференции и т. п. Но советскому народу был всегда чужд язык ультиматумов и угроз. Язык угроз по отношению великого свободолюбивого народа никогда не достигал своих

²⁾ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 349.

целей. Никогда не достигали своей цели попытки империалистических сил поставить советский народ вне сферы международного общения, не применять по отношению Советского государства общепринятые положения международного права. Наоборот, капиталистические государства, вынужденные считаться с объективными фактами, пошли сперва на признание советского социалистического государства, а затем на признание его особой роли в борьбе за международный мир и законность. Установление нормальных отношений между советской страной и капиталистическими странами имело большое значение не только для советского народа, но и для народов капиталистических стран, для стабилизации международного положения и международной законности.

Громадное значение для укрепления мира и сплочения лагеря мира имеет последовательное разоблачение агрессивных замыслов империалистов, направленных на подготовку войны, на порабощение других народов. Империализм опасен не только своей агрессивностью, но и тем, что он прикрывает свои кровавые замыслы и дела лицемерными фразами о мире, демократии, международном праве и т. п. Вкладом в дело укрепления международной законности явилось опубликование Советским правительством тайных договоров, заключенных царским и временным правительствами с империалистическими государствами, разоблачение Советским правительством и Коммунистической партией империалистической противонародной сущности Версальско-вашингтонской системы, плана Дауэса, Локарнских соглашений, Мюнхенской политики и т. д. Разоблачение агрессивных замыслов реакционных империалистических сил представляло собой лишь одну сторону борьбы Советского государства на международной арене.

Советский народ впервые в истории международных отношений еще до второй мировой войны предложил действенную и конкретную программу международного сотрудничества, укрепления мира во всем мире. Народы во всех странах желают мира и ненавидят войну, которая несет им величайшие страдания и горе. Но только советский народ, свободный от гнета и эксплуатации, опираясь на свое государство, смог выразить свою волю и желание в повседневной деятельности государства, осуществляющего борьбу за мир. При этом советский народ отражал мирные устремления всего передового человечества. Благородные цели советского народа были понятны и близки всем народам. Программа укрепления международного мира и международной законности, осуществляемая Советским государством в его внешнеполитической деятельности, включала в себя следующие важнейшие цели и мероприятия: эффективное сокращение всех видов вооружения и вооруженных сил; запрещение наиболее массовых средств уничтожения людей, уничтожение дискриминации в международных отношениях, укрепление экономических связей, создание системы коллективной безопасности, активное противодействие агрессору. Программа борьбы за мир, выдвинутая и осуществляемая Советским государством, послужила основой для собирания и организации всех сил, борющихся за мир. Особенно важное значение для сохранения международной законности и мобилизации всех прогрессивных сил всего мира имела борьба Советского государства против захватнической агрессивной политики фашистских государств, поскольку они имели своей программой покорение народов, установление мирового господства. Советский Союз предупреждал о серьезной опасности со стороны фашистских государств, боролся за их изоляцию, за создание единого фронта, против нарушения сложившейся международной законности этими государствами. Советский Союз предлагал конкретные и реальные меры, направленные на обуздание агрессоров. Их осуществление не позволило бы немецко-итальянско-японским агрессорам осуществить свое черное

дело в Абиссинии, Испании, Австрии, Чехословакии, Маньчжурии и других странах. Но правительства Англии, США, Франции и других стран приложили все свои усилия, чтобы парализовать усилия народов, направленные на обуздание фашизма.

Громадное значение для укрепления международной законности и международной безопасности имела борьба Советского Союза за создание коллективной безопасности. Объединение миролюбивых народов явилось бы непреодолимым препятствием для агрессоров. «Шансы успешного для гитлеровцев развязывания II мировой войны уменьшились бы до минимума. И если гитлеровцы, несмотря на эти неблагоприятные для них условия, всё же решились бы развязать вторую мировую войну, они были бы разбиты в первый год войны. Этого однако не случилось»³). В чем причина того, что гитлеровская Германия, нагло попирая международную законность, смогла столь быстро оккупировать большинство европейских стран? Одной из решающих причин подобного положения явилась противонародная политика правящих классов этих государств, то что они не только не опирались на народные массы в осуществлении своей внешней политики, но, наоборот, старались всячески их дезорганизовать, преследовали их лучших представителей. Так, даже весной 1940 года Франция, Англия, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания и Люксембург располагали достаточным количеством вооруженных сил, чтобы остановить авантюристическое наступление немцев, но реакционные правительства этих стран не подняли народы на защиту своих стран, осуществляли террор и преследования по отношению коммунистов, верных и лучших сынов своей страны. Французские империалисты прямо предпочли капитуляцию перед гитлеровской Германией, перед возможностью активного участия народных масс в защите страны и в государственном управлении. Правящие круги этих стран пошли на раскол Европы, отказались от союза с советским народом, который был бы верной гарантией сохранения их независимости и безопасности.

Всемирно-историческую роль сыграл советский народ в годы второй мировой войны. Он явился решающей силой, способной пресечь разлив фашизма и варварства, спасти мировую цивилизацию. Фактором величайшего значения для нашей Родины, для всего человечества было то, что наш народ, руководимый КПСС, превратил страну в мощную индустриально-колхозную державу, способную отстоять жизненные интересы всего передового человечества. Борьба советского народа во второй мировой войне оказала решающее влияние на развитие всех международных отношений этого периода и тех юридических норм, которые их регулировали. Советский Союз явился центром и душой антигитлеровского фронта народов, англо-советско-американская коалиция складывалась на основе признания необходимости восстановления международной законности, освобождения поработанных наций, восстановления суверенитета, всех прав и демократических свобод народов, в том числе их равноправия, их права устраиваться по собственному желанию, оказания экономической помощи потерпевшим нациям. Эта программа дополнялась признанием необходимости принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники войны и страданий народов, понесли суровое наказание и возмездие за совершенные злодеяния и преступления, чтобы в Европе был установлен такой послевоенный порядок, который полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии. Сотрудничество Советского Союза с правительствами США и Англии было исключительно трудным делом, поскольку капиталистические государства в лагере союзников ставили себе такие цели, которые далеко не

³) Фальсификаторы истории (историческая справка), стр. 19—20.

совпадали с интересами народов и нередко противоречили им. Вместе с тем создание антигитлеровской коалиции показало, что различие в социально-экономических системах государств не могут являться препятствием для сотрудничества, для сохранения международной безопасности.

Борьба советского народа и в период второй мировой войны была неразрывно связана с борьбой других народов. Подлинным вдохновителем и организатором борьбы народов за свободу, против гитлеровской оккупации явились коммунистические партии этих стран. Под воздействием побед советского народа борьба порабощенных народов, а также передовых сил в государствах, являвшихся союзниками Германии, приобретала все более широкий и организованный характер, превратилась в могучую силу, способную повести страну по новому пути.

Годы войны показали, что реакционные силы не имели опоры в народных массах. Наоборот, они делали ставку на такие силы и личности, которые были далеки от народа. Боязнь полного уничтожения фашистской Германии советским народом вызвала стремление американско-немецких кругов взамен обанкротившегося Гитлера поставить в Германии к власти новых представителей монополий и милитаризма, с которыми можно было бы заключить сепаратный мир. В страхе перед массовостью движения народного сопротивления и возможностью создания народной власти англо-американские империалисты сохраняют реакционные эмигрантские правительства и монархов, бросившие свои народы на произвол судьбы; учитывая, что почти все восточно-европейские государства являются аграрными, создают так называемых «крестьянских лидеров», засылают агентов в освободительное движение.

На различных этапах исторического развития классового общества борьба за международную законность принимала разнообразные формы. Исторически закономерно возрастала роль народных масс в определении направления мировых событий. Возрастанию роли народных масс соответствует демократизация международного права. Демократический характер таких международно-правовых актов периода второй мировой войны, заложивших основу послевоенной законности, как решения Тегеранской, Крымской и Берлинской конференций, Устав ООН, а также послевоенные мирные договоры, был обусловлен активной ролью миролюбивых народов и прежде всего советского народа, отстаивавших свободу и демократию в борьбе с фашизмом. Устав ООН закрепил основные принципы современного международного права и указал, что обязанностью ее членов является «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права».

В новую фазу вступает борьба народных масс за международную законность в послевоенный период. Возрастание роли народных масс в борьбе за мир соответствует новому уровню развития мировых экономических и политических сил. Она характеризуется дальнейшим ростом активности и творческой инициативы народов, перенесших ужасы второй мировой войны и не желающих новой мировой войны, которая привела бы к невиданным разрушениям и неисчислимым бедствиям для людей. Активная борьба народных масс явилась следствием общего роста сил демократии и социализма, возрастанием сознания их ответственности в условиях возрастания агрессивности США, главной страны империализма.

Советский народ своими историческими победами в Великой Отечественной войне вместе с другими народами завоевал условия, необходимые для упрочения мира во всем мире, для укрепления международной законности. Разгром фашистской Германии создал объективные предпо-

сылки для прочного мира в Европе. Разгром милитаристской Японии создал условия для мира на Дальнем Востоке. Развязывание новой мировой войны сильно осложнилось в связи с ростом национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, ростом влияния и авторитета коммунистических и рабочих партий, образованием новых социалистических государств, победой великого китайского народа и образованием КНР, в связи с укреплением могущества Советского Союза. Советский народ был и остался решающей силой современности. Несмотря на громадные разрушения, Советский Союз вышел из войны не ослабленным. Советский народ одержал великую победу над фашистской Германией и сорвал планы англо-американских империалистов, которые рассчитывали на истощение СССР, чтобы продиктовать ему условия мира, создать вокруг него кордон враждебных государств, поставить его в свою зависимость.

Каким образом советский народ способствует укреплению международной законности? Прежде всего, укреплением своей Родины — главного бастиона мира и демократии — творческим созидательным трудом.

Послевоенная международно-правовая позиция СССР отличается исключительной прочностью не только потому, что она отвечает жизненным интересам народов и пользуется их всемерной поддержкой, но потому, что она опирается на растущее экономическое могущество, политическую прочность государства и непобедимость вооруженных сил. Укрепляя свою обороноспособность, свои вооруженные силы, советский народ вносит ценный вклад в дело защиты и укрепления мира во всем мире. Советская политика мира не имеет ничего общего с пацифизмом. Советский народ уверен, что любой спорный вопрос современности может быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных сторон, вместе с тем он готов разгромить любую группировку врага, который развяжет военную авантюру против СССР.

Воля советского народа к миру и сохранению международной законности проявляется в резолюциях и решениях митингов и собраний трудящихся, областных и всесоюзных конференций, клеймящих империалистических поджигателей войны и приветствующих укрепление дружбы народов. Стремление нашего народа укрепить международную безопасность проявляется в большой и бескорыстной братской помощи народам, строящим социалистическое общество, во всей мирной политике Советского правительства.

Послевоенный период характеризуется также тем, что наряду с советским народом все большую роль в борьбе за международную безопасность начинают играть народы других стран, особенно стран, входящих в социалистический лагерь. Рост авторитета и влияния этих народов на международную обстановку объясняется, прежде всего, крупными внутрисполитическими и хозяйственными успехами. Могучим стабилизирующим фактором на международной арене выступает КНР. Отмечая значение Китая в международных делах, нельзя не учитывать его громадные людские ресурсы, то, что в Китае проживает населения гораздо больше, чем в основных капиталистических странах всего мира. В настоящее время нельзя заниматься решением какой-либо крупной международной проблемы, не учитывая воли и желания 600-миллионного китайского народа, известного всему миру своей стойкостью, выносливостью и трудолюбием. Непобедимая сила КНР объясняется, однако, не громадной численностью его населения, а прежде всего тем, что прочный народно-демократический строй под мудрым руководством коммунистической партии развернул гигантские силы народа на совершение великих революционных преобразований, на строительство социализма, на превращение Азии в бастион мира.

Народы лагеря демократии и социализма укрепляют международную безопасность и связанную с ней международную законность не только своей все более возрастающей экономической и политической мощью. Источником силы демократического лагеря является братская дружба народов этих стран, их единство и сплоченность вокруг Советского Союза. Если движущими силами международно-правовых отношений в капиталистическом лагере являются классовая борьба, погоня за максимальной прибылью, взаимная конкурентная борьба капиталистических классов различных стран, вытекающие из сущности капиталистического общества, то движущими силами в отношениях между государствами социалистического лагеря являются дружба народов и их единство, их взаимопомощь друг другу. Дружба народов этих стран, юридически закреплённая в международных соглашениях и других международно-правовых актах, является силой, способной сорвать все агрессивные планы империализма. Она оказывает все более решающее влияние на судьбы мира.

В послевоенный период необычно возрастает роль народов колониальных и зависимых стран. Борьба народов этих стран за свое освобождение и независимость неразрывно сливается с борьбой за мир и международную законность. Событием исторического значения является пробуждение Азии. Народы Азии продемонстрировали способность самостоятельно решать вопросы, затрагивающие их судьбу. Особенно важную роль в определении направления мировых событий играет великий индийский народ.

Борьба за современную международную законность неразрывно связана с растущим движением трудящихся капиталистических стран за обеспечение своих основных требований — мира, хлеба и демократических свобод. Это движение народных масс во Франции, Италии, Японии и других странах свидетельствует о том, что всенародная борьба за мир превращается в силу, могущую активно воздействовать на внешнеполитический курс своих стран, на решение важнейших международных вопросов.

Усиление агрессивности американского империализма, его стремление к мировому господству и порабощению народов, возрастание угрозы новой мировой войны вызвали новые формы борьбы со стороны народных масс. Важнейшим событием послевоенных лет явилась организация движения сторонников мира. Это одно из самых значительных и замечательных явлений современности. Воля народов к миру стала важнейшим фактором международной жизни, превратилась в действенное препятствие, затрудняющее развязывание новой мировой войны. Правительства и государственные деятели не могут не учитывать и не считаться со стремлением народов к миру.

В чем состоит громадная сила и способность воздействия на политику государств этого движения в защиту мира?

Движение за мир носит народный характер, имеет поистине всенародный масштаб. Борьба за мир — борьба за жизнь, за сохранение человеческой культуры и цивилизации. Поэтому борьба за мир — кровное дело самых широких масс. Англо-американские поджигатели войны, пытаясь внести разброд и раскол в ряды сторонников мира, объявили это движение «коммунистической кампанией». Но коммунистов во всем мире 25 миллионов, а в движении участвует свыше полмиллиарда человек. И это движение, не претендующее на монопольное положение в отстаивании мира, продолжает расширяться за счет присоединения новых групп населения. История нового и новейшего времени не знает столь широкого движения, охватывающего столь различные слои общества независимо от политических и религиозных взглядов. В движении за

мир принимают участие люди самых различных профессий. Особую ответственность за сохранение мира несет интеллигенция, ученые, которые обладают наибольшими возможностями, чтобы внести вклад в дело укрепления международной безопасности. Вроцлавский конгресс деятелей культуры и послужил отправной точкой для организации движения сторонников мира. Это самое массовое движение современности выдвинуло своих героев, своих выдающихся борцов-организаторов. Замечательные ученые, писатели, поэты, художники и другие деятели культуры, имена которых украшают нашу эпоху, вносят громадный вклад в священное дело человечества. Идеи мира стали большой материальной силой, овладевая столь широкими кругами народных масс.

Движение за мир не ограничивается одной или несколькими странами, оно охватывает все страны мира, это движение всемирного масштаба. В сохранении мира заинтересованы народы всех стран. Это стремление народов было выражено первым Всемирным конгрессом сторонников мира: «Защита мира — дело всех народов мира». Народы отдают себе отчет, что в случае новой мировой войны не будет таких народов, которые были бы избавлены от ужасов войны. Именно поэтому сторонники мира спланиваются как в национальном, так и международном масштабе. Против опасных происков поджигателей войны необходима единая воля, объединенные усилия. В борьбе за мир принимают самое деятельное участие такие многомиллионные организации, как Международная демократическая федерация женщин, Всемирная федерация демократической молодежи, Всемирная федерация профсоюзов, Международный союз студентов и другие.

Послевоенное движение за мир носит активный характер. Второй Всемирный конгресс сторонников мира в Манифесте к народам мира выразил это в боевом призыве: «Мира не ждут — мир завоевывают».

Ведущей силой в борьбе за мир и независимость выступает рабочий класс и его авангард и руководящая сила — коммунистические и рабочие партии, воплощающие в себе ум, честь и совесть народа. В напряженной международной обстановке они уделяют борьбе за мир основное внимание. От энергии и инициативы компартий во многом зависит превратить возможность срыва агрессивных планов в действительность. Компартии добиваются расширения рядов сторонников мира, ибо только при активном и сознательном участии миллионов, только при полном напряжении усилий народов возможно добиться сохранения мира. Коммунисты играют громадную роль в борьбе за мир потому, что они выражают интересы народа, руководствуются научной марксистско-ленинской теорией, ленинским учением о возможности длительного мирного сосуществования двух систем. Без этого они не смогли бы организовать широкие народные массы, использовать всю огромную мобилизующую роль идей мира.

Сила движения сторонников мира заключается не только в его массовости, в размахе, но и организованности. Более чем в 50 странах мира существуют общенациональные организации сторонников мира, созданы тысячи областных, городских и сельских комитетов и ячеек мира. Формами организации в международном масштабе являются всемирные конгрессы и конференции, созданные ими постоянные органы, которые предупреждают народы о каждой угрозе делу сохранения мира и ставят конкретные задачи борьбы против происков агрессивных сил.

Великая жизненная сила международного движения в защиту мира состоит также в том, что на каждом этапе развития международных событий оно выдвигает на первый план именно те вопросы, которые имеют главное значение для укрепления мира.

Кроме общих лозунгов ослабления международной напряженности, имеющих всеобщий характер, в каждой стране в зависимости от местных условий и соотношения классовых сил выдвигаются конкретные формы борьбы за мир и демократию, которые могут наилучшим образом содействовать упрочению международной безопасности и законности. Важнейшей задачей немецкого народа является борьба за объединение Германии на демократической и миролюбивой основе. Ясно, что дело объединения Германии — это дело прежде всего самих немцев. Стремление широких народных масс к международной безопасности проявляется во многих событиях политической жизни Франции, Англии, Италии, Индонезии и других стран Европы, Азии, Америки и Африки.

Движение сторонников мира развернулось на базе современной международной законности. Международное право регулирует отношения между государствами, оно определяет также положение личности в международных отношениях. Современное международное право характеризуется тем, что оно все шире закрепляет выход народных масс на международную арену и формы общения людей. Сторонники мира в своей деятельности широко используют все многообразие возможных с юридической точки зрения форм общения народов и своей деятельностью способствуют укреплению международной законности.

Первостепенное значение для сохранения международной законности и международной безопасности имеет разоблачение преступных machinations агрессивных сил, борьба с пропагандой войны и политикой насаждения вражды и ненависти между народами. Возрастающее воздействие народных масс на развитие международных событий сказывается в том, что реакционные силы вынуждены еще более маскироваться и прикрывать свою политику, свой агрессивный внешнеполитический курс фразами о мире, свободе и демократии, клятвами о верности Уставу ООН и международному праву и т. д. Для успеха борьбы народы неустанно повышают свою бдительность к пронкам врагов мира. Они не могут удовлетвориться одними только мирными заявлениями. За этими заявлениями должны следовать конкретные дела, направленные на укрепление мира.

В центре внимания всемирного движения сторонников мира с самого начала его существования находится проблема разоружения и запрещения оружия массового уничтожения. Стокгольмское воззвание Всемирного Совета мира, призвавшее к запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения, положило начало массовому характеру движения народов за мир. 600 миллионов подписей показали силу и возможность сорвать преступные замыслы агрессивных кругов.

Движение сторонников мира ставит демократические цели в укреплении международной безопасности, предлагая для этого пути, которые соответствуют общим положениям международного права и Устава ООН. Средством укрепления международной безопасности является мирное разрешение всех конфликтов, спорных и нерешенных вопросов между государствами. Именно поэтому сторонники мира обратили внимание на такой древнейший способ, указанный международным правом, как переговоры, и развернули широкую международную кампанию в пользу переговоров. В воззвании Всемирного Совета мира указывалось: «Мы должны поддержать любое начинание любого правительства, имеющее целью мирное разрешение конфликтов. Мы должны помешать действию тех, кто препятствует или затягивает достижение соглашения».

Судьбы мира зависят от согласованных действий всех великих держав, несущих главную ответственность за сохранение мира. Сторонники мира развернули широкую всемирную кампанию за заключение Пакта мира. Широкие круги народных масс поддерживают все важные сред-

ства сохранения международной безопасности и законности. Они выступают и ведут борьбу за развитие международного экономического сотрудничества и повышение на этой основе жизненного уровня народов различных стран, за отмену искусственных ограничений в отношении торговли со странами социалистического лагеря, за предоставление права национального самоопределения и ликвидацию колониального режима; за мирное разрешение германского вопроса и создание такой системы коллективной безопасности, которая оградит бы мир и суверенитет всех государств Европы; за всемерное расширение культурных связей между народами и за устранение всех существующих препятствий и ограничений этим связям и т. д. Движение сторонников мира поддерживает основные принципы международного права и законности, которые суммированы премьер-министрами КНР и Индии как пять принципов взаимоотношений между государствами: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Выражением борьбы за международную законность является требование мировой общественности обеспечить в ООН законное место представителям великого китайского народа, принять в ООН все государства, подавшие об этом заявления, вывести американские вооруженные силы с Тайваня, прекратить иностранное господство и вмешательство во всех районах земного шара, в том числе в Малайе, Западном Ириане, Гоа, Африке, Латинской Америке.

Всемирное движение в защиту мира в соответствии с Уставом ООН и международным правом выступает против политики «с позиции силы», так называемой холодной войны, которая принесла народам большие бедствия в настоящем и грозит еще большими в будущем, против агрессивных договоров и военных баз на чужих территориях и всех других нарушений международной законности.

История движения сторонников мира свидетельствует, что деятельность народных масс в защиту мира стала реальным препятствием на пути агрессоров. Движение сторонников мира оказало сильное и положительное влияние на развитие международной политики. Наиболее выдающимися достижениями сторонников мира явился срыв планов агрессивных сил применить атомное оружие в Корее и Индо-Китае, заключение перемирия в Корее, созыв Женевского совещания и т. д. Растущее стремление народов к мирному урегулированию международных вопросов не раз вынуждало государственных деятелей империалистических государств считаться с необходимостью разрешения спорных проблем путем переговоров на основе принципов международного права. Политика «с позиции силы» терпит поражение за поражением потому, что она противоречит коренным жизненным интересам народов и вызывает со стороны их сильнейшее сопротивление.

Развитие исторических событий свидетельствует, что империалистические правительства продолжают оказывать громадное воздействие и влияние на международную обстановку и состояние международной законности. Однако они уже не всё могут сделать, что хотят. Борьба народных масс за мир говорит об их способности предпринимать серьезные меры для пресечения агрессивных действий, для восстановления нарушенных норм и принципов международного права.

Таким образом, творческая инициатива и размах борьбы миллионов народных масс приобретает в настоящее время на международной арене первостепенное значение. Эта борьба не только способствует сохранению существующей международной законности, она придает ей новое содержание, новый смысл. Развитие событий на международной арене свидетельствует, что при сложившемся соотношении сил агрессивные

силы империализма, если они развяжут новую мировую войну, «неизбежно вызовут такой всеобщий отпор со стороны миролюбивых народов и всего демократического лагеря, который приведет не просто к поражению тех или иных агрессивных держав, как это было до сих пор, а к ликвидации всей системы мирового империализма» (В. Молотов).

Итогом активных усилий народов социалистического лагеря и широких народных масс всего мира явилось достижение некоторой разрядки международной напряженности в 1954—1955 гг., создание более благоприятных условий для миролюбивой политики Советского Союза. Созыв крупнейших международных совещаний явился результатом воли народов — могучего фактора, с которым нельзя не считаться.

Кафедра теории и истории государства и права
Томского государственного университета
имени В. В. Куйбышева

Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГ

ПРАВО ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН

(ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

На основе дальнейшего бурного развития всех отраслей народного хозяйства при опережающем росте тяжелой индустрии успешно осуществляется политика партии и правительства по дальнейшему подъему народного благосостояния. Растет и укрепляется личная собственность граждан, как материальная основа удовлетворения значительной массы их личных потребностей, развиваются и укрепляются также отношения общей собственности граждан.

Общая собственность граждан, будучи собственностью двух или более лиц на один объект, как и раздельная личная собственность, имеет своим основным источником возникновения труд, прилагаемый к общественным средствам производства. Общая собственность граждан, как и раздельная собственность, имеет потребительский характер. Ее объектами могут быть вещи, которые законом признаются возможными объектами личной собственности.

Таким образом, черты, характеризующие личную собственность в социалистическом обществе, присущи и общей собственности граждан. Правовые нормы, регулирующие отношения личной собственности, применяются и к отношениям общей собственности. Вместе с тем отношения общей собственности являются более сложными, чем отношения раздельной личной собственности, и поэтому регулируются также специальными нормами, совокупность которых образует самостоятельный институт советского права — институт права общей собственности.

К сожалению, в нашей цивилистической литературе исследованию института общей собственности и практики его применения уделяется недостаточно внимания. Между тем, лаконичность закона, регулирующего отношения общей собственности, отсутствие руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР в ряде случаев вызывает серьезные затруднения у судов при рассмотрении дел этой категории. Правильное же их решение непосредственно затрагивает интересы советских граждан, и поэтому очень важно с точки зрения охраны их законных прав.

На основе изучения практики Верховного Суда СССР, Томского областного суда и народных судов гор. Томска по разрешению споров о праве общей собственности в статье подвергаются анализу некоторые вопросы темы, имеющие важное значение и являющиеся дискуссионными.

1. Одним из оснований возникновения права общей долевой собственности является приобретение объекта на совместные средства двух

или более лиц или совместное участие личным трудом в создании объекта двух или более лиц. На этом основании довольно часто возникает право общей собственности на жилой дом. Ввиду того, что, как правило, участники совместного строительства дома не оформляют или недостаточно оформляют свои отношения, впоследствии возникает спор между лицом, на имя которого дом зарегистрирован в коммунальных органах, и другим участником или участниками строительства. Возникает вопрос: при каких условиях совместное участие двух или более лиц в строительстве дома порождает право общей собственности на дом? В нормативных актах мы не находим ответа на этот вопрос. Не разрешен этот вопрос и в теории, а равно в судебной практике.

Одни авторы¹⁾ считают, что совместное строительство порождает право общей собственности при условиях, что лица, возводящие строение, были связаны семейно-бытовыми отношениями и, возводя строение, имели намерение установить отношения общей собственности. Если лица, совместно строящие дом, не связаны семейно-бытовыми отношениями, то общая собственность, по мнению И. Л. Брауде, возникает лишь при условии, что соглашение о совместном строительстве с целью личного совместного проживания в доме оформлено с соблюдением требований ст. 185 ГК.

По мнению других авторов²⁾ наличие семейно-бытовых связей между созастройщиками, возводящими строение с намерением совместного проживания, не имеет решающего значения для возникновения права общей собственности. Решающим является наличие соглашения о совместном строительстве с целью совместного проживания, которое может быть доказываемо и свидетельскими показаниями.

Общего правила о том, при каких условиях совместное строительство порождает общую собственность его участников, не выработала и судебная практика.

Ткаченко Д. Я. и Ткаченко Л. П. — родственники жены ответчика Федорова предъявили к нему иск о признании за ними права собственности на часть построенного им в 1947—1949 гг. дома, ссылаясь на то, что они также вложили часть средств в строительство этого дома. Установлено, что большую часть средств вложил Федоров, получивший банковскую ссуду 10 000 руб.

Народный суд взыскал в пользу истцов понесенные ими расходы, отказав в признании за ними права собственности. Верховный Суд Грузинской ССР отменил это решение, признав за истцами право собственности на $\frac{2}{3}$ строения. ГСК Верховного Суда СССР в своем определении

¹⁾ См. И. Л. Брауде. Право на строение и сделки по строениям, 1954, стр. 33 и сл.; В. Маслов. Основания возникновения общей собственности на жилой дом, Социалистическая законность, 1954, № 3, стр. 27—32. Ближе примыкает к этой группе авторов Э. Я. Лаасик, считающий, что «общая долевая собственность на возводимое вновь жилое строение возникает у лиц, которым выделен земельный участок для возведения дома сообща и которые оформили свои отношения договором с точным указанием доли участия в строительстве каждого из них денежными средствами, строительными материалами и трудом». См. Право личной собственности на жилое строение по советскому гражданскому праву. Автореферат канд. диссертации, Л., 1953, стр. 13.

²⁾ М. Зимелева. Общая собственность в советском гражданском праве. Ученые записки ВЮОН, 1941, вып. II, стр. 18—21; М. Г. Шах. Общая собственность по советскому гражданскому праву. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1953; К. Седунов. Правовые вопросы, связанные со спорами о строениях. Социалистическая законность, 1953, № 7, стр. 43—47; Р. О. Халфина. Право личной собственности граждан СССР, 1955, стр. 62—64.

указала, что сам по себе факт содействия истцов в строительстве дома не создает для них права собственности на этот дом³⁾).

Аналогичные указания даны ГСК Верховного Суда СССР по иску Корчагина и Дженковой. Если же, сказано в определении, Дженкова до момента отчуждения Корчагиным В. М. принадлежащего ему дома в какой-либо степени участвовала в его достройке и вкладывала личные средства, то это дает ей лишь право на предъявление денежных требований, но не признания за ней права на часть домовладения⁴⁾.

В ряде других определений Верховный Суд СССР признает возникновение общей собственности у лиц, совместно строивших дом с намерением совместного проживания в нем.

Парамонова в 1948 г. заключила с Опочинским горкомхозом договор застройки на строительство дома в г. Опочка. Не приступая к строительству дома, Парамонова предложила мужу своей сестры Никандрову перевезти из деревни принадлежащий ему дом с тем, чтобы этот дом построить на земельном участке, выделенном Парамоновой в г. Опочка, и совместно пользоваться домом. Никандров, разобрав свой дом, перевез его из деревни в г. Опочка и своими силами построил дом на участке, выделенном Парамоновой. Парамонова на строительство дома затратила средства, полученные в порядке банковской ссуды.

По окончании строительства Парамонова и Никандров поселились в доме, однако в коммунальных органах дом был оформлен на одну Парамонову.

Никандров обратился с иском о признании за ним права собственности на выстроенный дом.

Великолукский областной суд в иске Никандрову о признании права собственности отказал, взыскав в его пользу стоимость дома и стоимость затраченного им личного труда по возведению дома на новом месте. Это решение оставлено в силе Верховным Судом РСФСР, который исходил из того, что земельный участок оформлен на Парамонову и что ею произведены затраты на строительство из полученной ссуды.

Отменяя все постановления по этому делу, Верховный Суд СССР указал, что сам по себе факт оформления в коммунальном отделе дома на имя Парамоновой не может служить основанием для отказа в иске Никандрову. Решающим моментом при разрешении данного дела должна являться степень участия каждой из сторон в строительстве спорного дома. В соответствии с этим должна быть определена часть дома, на которую может претендовать Парамонова⁵⁾.

По данному делу созастройщики, хотя и не являются совсем посторонними лицами (Никандров — муж сестры Парамоновой), однако Верховный суд, признавая у них право общей собственности на дом, исходит не из этого обстоятельства, которое само по себе, как об этом будет сказано ниже, отнюдь не должно влиять на природу отношений созастройщиков, а из факта совместного участия в строительстве дома с целью совместного проживания.

По делу по иску Бонкиной к Щекановой созастройщики не состоят ни в отношениях родства, ни в отношениях свойства и ГСК Верховного Суда СССР вновь признала наличие у них общей собственности на дом.

³⁾ См. Судебная практика Верховного Суда СССР, 1952, № 5, стр. 27—28. Необходимо отметить, что данное дело осложнено фактом получения Федоровым банковской ссуды, которая к моменту разрешения спора народным судом еще не была погашена.

⁴⁾ См. Судебная практика Верховного Суда СССР, 1952, № 5, стр. 30. См. также определение № 03/579 по иску Ломовой к Носовой, в котором выражена та же точка зрения. Судебная практика, 1952, № 12, стр. 28—29.

⁵⁾ См. Суд. практика Верховного Суда СССР, 1950, № 12, стр. 28—29.

Несмотря на то, что земельный участок под постройку спорного дома был предоставлен Щекановой М. В., ГСК указала в своем определении: если будет установлено, что Бонкина непосредственного участия в строительстве спорного дома не принимала и что этот дом, как построенный совместным трудом и средствами Бонкина И. И. и Щекановой М. В. представляет их общую собственность, то должен быть обсужден вопрос о разделе спорного дома между Бонкиным и Щекановой⁶⁾.

И. Л. Брауде, выступая против признания права собственности на строение за лицами, участвующими по домашним сделкам своим трудом и средствами в его возведении на земельном участке, отведенном определенному лицу, указывает, что «такие домашние сделки имеют большей частью своей целью отчуждение части земельного участка, т. е. являются противозаконными...»⁷⁾. С этой аргументацией трудно согласиться по следующим соображениям.

Для борьбы со случаями незаконного отчуждения части земельных участков лицами, которым они отведены для строительства, имеются специальные средства — ст. ст. 30 и 147 ГК, о которых говорит и сам автор. Если отказ в защите прав созастройщиков мотивируется необходимостью борьбы с противозаконным отчуждением части земельного участка, то в случае доказанности отсутствия таких фактов незаконной продажи, суд должен признать право общей собственности лиц, совместно построивших дом с целью его совместного использования. Но И. Л. Брауде таких исключений не допускает. С другой стороны, автор, видимо, считает также невозможным противозаконное отчуждение земельного участка в случаях наличия семейно-бытовых отношений. Едва ли, однако, наличие семейно-бытовых отношений может служить гарантией от такого правонарушения⁸⁾. В равной мере сами по себе семейно-бытовые отношения не могут быть признаны основанием возникновения права общей долевой собственности. Поэтому, если быть последовательным, И. Л. Брауде должен был бы отрицать возможность признания созастройщиков сособственниками при отсутствии надлежащего оформления их соглашения во всех случаях, не исключая и лиц, связанных семейно-бытовыми отношениями.

Как справедливо уже отмечалось в нашей литературе⁹⁾, самое понятие «семейно-бытовые отношения» не отличается определенностью. С другой стороны, закон признает семейно-трудовые связи основанием возникновения лишь совместной собственности супругов и совместной собственности колхозного двора, но не общей долевой собственности.

Для признания созастройщиков субъектами права общей собственности, их личные взаимоотношения сами по себе не могут играть решающей роли.

Защита интересов лица, вложившего по соглашению с другим лицом определенные средства, затратившего личный труд на строительство дома с целью обеспечения себя жилплощадью, имеет очень важное значение. Признание за таким лицом обязательственного права требования возмещения понесенных затрат не отвечает намерениям сторон в момент установления соглашения, не отвечает интересам лица, требующего признания за ним доли в праве собственности на возведенное строение. Отказ в удовлетворении последнего требования обычно явится признанием преимущественного права за лицом, на имя которого строение зарегистрировано, и может явиться даже защитой недобросовестного участника оборота. Лицо, выразившее согласие на совместное с другим лицом

⁶⁾ См. Судебная практика, 1951, № 2, стр. 32—33.

⁷⁾ См. И. Л. Брауде, ук. соч., стр. 33—34.

⁸⁾ Ср. Р. О. Халфина, ук. соч., стр. 58—59.

⁹⁾ См. там же.

строительство дома на отведенном ему земельном участке с целью совместного проживания и впоследствии отказывающееся от признания за созастройщиком права собственности на строение, следует признавать недобросовестным и не заслуживающим защиты.

Мы считаем, что если установлено участие двух или более лиц в совместном строительстве дома с целью совместного проживания, независимо от того, что земельный участок отведен на имя одного из них, созастройщики приобретают право общей собственности на дом в долях, соответствующих степени участия в его создании, при условии, что участие является значительным.

Этот вывод находит подтверждение в ряде определений Верховного Суда СССР, приведенных выше, а также в практике судов г. Томска, хотя и являющейся в этом вопросе не вполне устойчивой.

Кузнецов В. Л. предъявил иск к Кандаурову И. Н. о признании за ним права личной собственности на $\frac{1}{2}$ часть домовладения по Мирному переулку № 3, зарегистрированного на имя ответчика. В обоснование своих требований Кузнецов ссылается на наличие договоренности с Кандауровым о совместном строительстве дома с тем, что после постройки он будет принадлежать поровну каждому из них. Во исполнение соглашения истец Кузнецов передал Кандаурову свой дом в с. Ларино, который был перевезен в г. Томск и использован для постройки нового дома.

Народный суд 2 участка Куйбышевского района г. Томска искомые требования Кузнецова удовлетворил¹⁰).

Аналогичное решение тот же суд вынес по иску Парсаева к Вяткину о признании права собственности на $\frac{1}{3}$ домовладения и о выделе $\frac{1}{3}$ дома в пользование¹¹). Судебная коллегия по гражданским делам Томского областного суда оставила это решение в силе, указав: «Поскольку стороны проживали вместе и дом строили сообща с целью общего пользования, то у ответчика нет оснований ставить вопрос о выделе лишь денежной компенсации за вложенный им (истцом — Б. Х.) труд»¹²).

Та же судебная коллегия не усмотрела оснований для признания общей собственности на дом при следующем фактическом составе. Москалев А. И. и Москалева А. В. в январе 1953 г. вступили в брак и в том же 1953 г. разошлись. В связи с этим Москалева обратилась с иском о разделе совместно нажитого имущества, в том числе дома. Народный суд 1 участка Асиновского района решением постановил имущество разделить.

В кассационной жалобе ответчик просил об отмене решения, указывая, что «...дом строил отец истца (здесь видимо ошибка, нужно «отец ответчика»), вкладывая свой труд и средства, а потому (дом — Б. Х.) и не подлежит разделу».

Оставляя решение нарсуда в силе, судебная коллегия Томского облсуда указала: «Из материалов дела видно, что стороны строили дом при совместной жизни, если родные ответчика и помогали им своими средствами и силами, то дом остался в собственности истицы и ответчика и расчеты с лицами, которые оказывали помощь, не изменяют этого права сторон»¹³).

Признавая правильным определение областного суда, нельзя не отметить отсутствие в его мотивировочной части указания на то, что род-

¹⁰) См. д. № 2—284, 1954 г.

¹¹) См. решение от 10/IX—1953 г., д. № 2—610.

¹²) См. определение от 24/IX—1953 г., д. № 33—1427.

¹³) См. определение ГСК Томского облсуда от 19 мая 1953 г., № 33—698.

ные ответчика, помогая строить дом, не имели цели совместного проживания в нем или создания общей собственности.

Следует признать, что факты совместного строительства и наличия соглашения между созастройщиками о строительстве дома с целью совместного проживания в нем могут быть доказываемы как письменными доказательствами, так и свидетельскими показаниями.

Принципиально допускает доказывание этих фактов свидетельскими показаниями Верховный Суд СССР в определении по иску Шакирова к Муиной о праве на дом¹⁴).

2. Судам нередко приходится рассматривать дела о разделе между лицами, не состоящими в браке, имущества, нажитого в период их сожителства, когда они совместно проживали и совместно вели общее хозяйство. Несмотря на достаточную ясность закона, некоторые суды допускают неправильное решение этих дел.

В связи с тем, что согласно Указу от 8/VII—1944 г. только зарегистрированный брак порождает юридические последствия между супругами, в том числе и признание нажитого в браке имущества общим, споры между лицами, не состоящими в браке, о разделе имущества, которое нажито после издания Указа от 8/VII—1944 г., подлежат разрешению в порядке ст. ст. 61—65 ГК. ГСК Верховного Суда СССР неоднократно подчеркивала в своих определениях, что по основаниям ст. 10 КЗоБСО общей совместной собственностью может признаваться лишь имущество, нажитое лицами, состоящими в зарегистрированном браке¹⁵).

В нарушение действующего закона, народный суд Шегарского района Томской области решением от 29 января 1954 г. по иску Бугаевой Г. А. к Иванову П. Ф. признал дом, приобретенный сторонами в период их сожителства, совместной собственностью на основании ст. 10 КЗоБСО. Отменяя это решение, ГСК Томского областного суда в определении указала, что суд неправильно при разрешении данного дела руководствовался ст. 10 КЗоБСО, так как стороны в зарегистрированном браке не состояли. Раздел имущества, приобретенного на общие средства лицами, не состоящими в браке, должен производиться в порядке ст. 65 ГК¹⁶).

Неправильно также решение народного суда 2 участка Куйбышевского района от 17/I—1952 г. по иску Петровой к Ослихину¹⁷). Не установив доли участия в приобретении имущества истца и ответчика за время их сожителства, суд без ссылки на закон присудил с ответчика в пользу истицы 4 500 руб.

Признание имущества, приобретенного лицами, не состоящими в браке, их совместной собственностью на основании ст. 10 КЗоБСО означает по существу незаконное признание правовых последствий в тех случаях, когда закон их не устанавливает, и ведет к обходу закона.

В случаях приобретения имущества лицами, не состоящими в браке, вопрос о его разделе должен решаться в зависимости от того, установит ли суд наличие у них общей долевой собственности. Чаще всего и по таким делам предметом спора является жилой дом, построенный или приобретенный сторонами в период их сожителства и оформленный на имя одной из сторон.

Изучение местной судебной практики дает основание сделать вывод, что вопрос о признании дома общей долевой собственностью лиц, не состоящих в зарегистрированном браке, должен решаться так же, как он должен решаться в случаях совместного строительства или приобре-

¹⁴) См. Судебная практика Верховного Суда СССР, 1951, № 12, стр. 37—38.

¹⁵) См., например, Судебная практика, 1952, № 5, стр. 28—29.

¹⁶) См. определение Томского облсуда от 20/II—1954 г., по д. № 33—47.

¹⁷) См. дело № 2—227.

тения дома лицами, не ведущими совместного хозяйства и не проживающими совместно: лишь в том случае, когда будет установлено совместное участие в строительстве или приобретении дома обеими сторонами, он может быть признан их общей долевой собственностью. Установление намерения сторон совместно проживать в доме не требуется, так как в рассматриваемых случаях это намерение налицо.

Так, возвращая на новое рассмотрение упомянутое выше дело по иску Бугаевой Г. А. к Иванову П. Ф., ГСК Томского облсуда указала на необходимость проверить, затрачивала ли истица свои средства и труд на постройку спорного дома. Доля участника общей собственности, указывает ГСК, определяется с учетом вложенного им личного труда и средств¹⁸⁾.

Принципиально из тех же положений исходили Народный суд Кривошеинского района и ГСК Томского областного суда в деле по иску Волоткович Н. И. об исключении имущества из описи.

В связи с уголовным делом по обвинению в хищении государственного имущества Минкина П. А.—сожителя Волоткович, была произведена опись имущества. Волоткович обратилась с иском об исключении из описи части имущества, в том числе $\frac{1}{2}$ дома. Народный суд отказал Волоткович в исключении из описи $\frac{1}{2}$ дома. ГСК Томского областного суда оставила решение в силе, исходя из следующих мотивов: спорная квартира приобретена Минкиным в 1949 году на его имя, в период его работы в народном суде судебным исполнителем, участие же Волоткович в приобретении дома не установлено. Ссылка истицы на ее участие в производстве ремонта дома не дает ей права претендовать на долю в праве собственности, а лишь порождает право на иск о возмещении ей понесенных затрат¹⁹⁾.

Представляются спорными решение народного суда и определение ГСК Томского областного суда по иску Кулманакова к Визгавлюст о признании права собственности на дом.

Кулманаков и Визгавлюст проживали совместно, вели общее хозяйство. Мать Визгавлюст подарила ей сруб, который истец совместно с ответчицей впоследствии достроили. Нарсуд Шегарского района решением от 30/IX—1953 г. в иске Кулманакову отказал, признав за ним право обратиться к ответчице с иском о возмещении расходов, затраченных на достройку дома.

Исходя из того, что Кулманаков и Визгавлюст в зарегистрированном браке не состоят, ГСК Томского областного суда оставила решение в силе²⁰⁾.

При данных обстоятельствах, как нам представляется, имелись основания признать за истцом долю в праве собственности на дом, поскольку были налицо необходимые признаки возникновения права общей долевой собственности: совместное участие в строительстве дома с целью совместного проживания. Иное дело, что суд должен был определить размеры долей сторон в соответствии со степенью участия в создании дома.

Вызывает также возражения постановление Президиума Томского областного суда по иску Виноградовой.

Виноградова В. И. и Цыганов Г. С. жили совместно с 1947 г. по 1954 г. В 1950 г. они построили дом, в котором жили вместе до 1 мая 1954 г., после чего прекратили совместную жизнь, в связи с чем Виноградова обратилась в суд с иском о выделе ей $\frac{1}{2}$ домовладения.

¹⁸⁾ См. определение ГСК Томского облсуда от 20 февраля 1954 г., по д. № 33—217.

¹⁹⁾ См. определение ГСК Томского облсуда от 10 апреля 1954 г. по д. № 33—405.

²⁰⁾ См. определение ГСК Томского облсуда от 29/X—1953 г. по д. № 33—1542.

Народный суд 2 участка Кировского района г. Томска удовлетворил иск Виноградовой, постановив взыскать с Цыганова или 15 тыс. рублей, или выделить ей на праве личной собственности «меньшую половину дома, состоящую из 13 м²».

Президиум, исходя из того, что дом по праву собственности зарегистрирован на Цыганова, признал невозможным «...считать его общей собственностью совладельцев, предусмотренной ст. ст. 61—65 ГК РСФСР». Президиум признал за Виноградовой «...право требовать от ответчика лишь возмещения расходов, понесенных при постройке дома...»²¹⁾.

Признание за истцом права на возмещение понесенных расходов, а не права на долю, когда он участвовал в возведении дома с целью приобретения для себя таким образом жилплощади и его вложения были существенными, идет вразрез с его истинными намерениями и нарушает его законные интересы.

3. Согласно ст. 62 ГК владение, пользование и распоряжение общей собственностью должно осуществляться по общему согласию собственников или по большинству голосов, в случае разногласия. Общее согласие или большинство голосов необходимо для возможности распоряжения всем объектом общей собственности. Своей долей в праве общей собственности каждый сособственник может распоряжаться независимо от согласия других сособственников. Ст. 64 ГК признает за сособственником лишь право преимущественной покупки доли, которую другой сособственник намерен продать. Это означает, что, желая продать свою долю в общей собственности, сособственник обязан предложить (но не просить разрешения, согласия) другому сособственнику приобрести его долю. Лишь в случае отказа от принятия предложения, участник общей собственности может отчудить ее любому приобретателю.

Признаваемое советским законом право преимущественной покупки доли в общей собственности вытекает из потребительского характера личной собственности граждан и ее разновидности — общей собственности. Сособственники используют общее имущество для удовлетворения своих материальных и культурных потребностей. Поэтому вполне закономерно закрепление за продавцом обязанности предложить другому сособственнику приобрести его долю для лучшего удовлетворения потребностей последнего. Поскольку на протяжении совместного использования вещи каждый из сособственников обязан был считаться с тем, что другой сособственник в равной мере имеет право пользоваться общей вещью, то при наличии желания одного сособственника продать свою долю, а другого — приобрести ее, доля должна быть продана в первую очередь именно последнему. Нельзя не считаться с тем обстоятельством, что сособственнику вовсе не безразлично совместно с кем-либо осуществлять право общей собственности, или осуществлять право собственности единолично, сколько будет участников общей собственности. Для сособственника же отчуждателя не имеет обычно значения личность приобретателя его доли, ему важно получить покупную цену, а с кого именно — сособственника или третьего лица — безразлично.

Таким образом, право преимущественной покупки, как и другие правомочия сособственников, основано на равном учете интересов участников общей собственности и не создает какого-либо более выгодного положения одного участника за счет ущемления законных прав другого участника.

Ст. 64 ГК не предусматривает последствий, наступающих в случае нарушения продавцом права преимущественной покупки. Судебная

²¹⁾ См. Постановление от 18/XI—1954 г. по д. № 34—Н-41.

практика исходит из того, что нарушение нормы ст. 64 ГК дает сособственнику, чье право преимущественной покупки нарушено, право требовать признания договора купли-продажи, заключенного с третьим лицом, недействительным и перевода на него прав приобретателя с возмещением последнему понесенных им расходов. Это правило установлено постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 18 июля 1927 г.²²⁾ Оно подтверждено Верховным Судом СССР в определении № 36/584 от 30 июня 1951 г. по иску Шелухина и др. к Тишиной²³⁾.

Признание за участником общей собственности не просто права требования признания договора купли-продажи недействительным, но и перевода на себя прав приобретателя следует признать целесообразным и справедливым. Именно такое последствие нарушения ст. 64 ГК максимально обеспечивает реальность права преимущественной покупки, не ущемляя в то же время законных интересов лица, отчуждившего долю.

Верховный Суд РСФСР в своем постановлении от 18 июля 1927 г. мотивировал это положение следующим образом: «...вынесение решения о признании сделки недействительной в силу ст. 64 без гарантии, что другой общий собственник действительно желает приобрести это имущество на тех же условиях, как и покупатель, было бы нереально и привело бы к судебной волоките...». Из этого указания Верховного Суда вытекает, что перевод на собственника прав приобретателя производится прежде всего в интересах сособственника-продавца, поскольку именно при этом ему обеспечивается новый приобретатель и на тех же условиях, на которых доля уже была продана. Можно безошибочно утверждать, что такое решение отвечает и интересам сособственника, желающего приобрести долю, поскольку при этом устраняется возможность злоупотребления своим правом со стороны сособственника-продавца, который мог бы предложить сособственнику-приобретателю иные условия договора купли-продажи, по сравнению с теми, на которых заключен договор с третьим лицом, прежде всего, потребовать более высокую цену и таким образом устранить возможность осуществления им права, предоставленного законом.

Право сособственника требовать перевода на себя прав приобретателя по договору купли-продажи означает, что участник общей собственности должен ему продать долю на тех же условиях, на которых он согласился продать ее третьему лицу, поскольку, как отмечено выше, продавцу важно получить ту же цену.

Однако возможны в практике такие случаи, когда отчуждатель заключил с третьим лицом договор о продаже доли по цене ниже ее стоимости, исходя при этом из особых побуждений, основанных на существовании между ними близких отношений или на других соображениях, отсутствующих в отношениях с сособственником, и потому не согласен продать ему свою долю на таких же условиях²⁴⁾.

В таких случаях при решении вопроса можно было бы пойти по следующим путям:

1) ввиду того, что продавец нарушил требования ст. 64 ГК, игнорировать его особые отношения с приобретателем, послужившие основа-

²²⁾ См. ГК РСФСР 1922 г., стр. 100.

²³⁾ См. Судебная практика Верховного Суда СССР, 1951 г., № 9, стр. 31—33.

²⁴⁾ Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР в определении по иску Захарина к Ерину, признав последствием нарушения ст. 64 ГК недействительность заключенного с третьим лицом договора купли-продажи с приведением сторон в первоначальное состояние, но без перевода на сособственника прав покупателя, как раз и ссылается на то, что продавец мог не согласиться продать истцу свою долю на тех же условиях, что и третьему лицу (см. Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1940, стр. 218—219).

нием продажи на льготных условиях, и принять обычное решение о переводе на сособственника прав приобретателя;

2) второй путь, по которому можно пойти, это признать договор, заключенный с третьим лицом, недействительным с возвращением сторон в первоначальное состояние с тем, чтобы предоставить отчуждателью возможность в связи с новыми обстоятельствами либо сохранить за собою долю, либо договориться с сособственником об условиях продажи, исходя из действительной стоимости продаваемой доли. По этому пути можно пойти, разумеется, только в том случае, когда суд придет к убеждению, что доля продана третьему лицу по явно заниженной цене и это вызвано особыми отношениями между продавцом и покупателем — третьим лицом.

Какой же из этих двух возможных вариантов решения является наиболее целесообразным? На первый взгляд может показаться целесообразным применение первого варианта. В его обоснование можно было бы сослаться на то, что сособственник-продавец, нарушив ст. 64 ГК, должен понести невыгодные последствия правонарушения, выражающиеся в разнице между действительной стоимостью и ценой, по которой доля отчуждена. Однако такое решение неприемлемо по следующим двум соображениям. Во-первых, принятие этого решения означало бы недопустимое стеснение свободы личного собственника определить условия продажи принадлежащей ему доли в праве общей собственности. Во-вторых, такое решение влекло бы за собой ничем не оправданное приобретение сособственником доли продавца на льготных условиях. Поэтому мы считаем, что в случае, когда сособственник, нарушив правило ст. 64 ГК, продал свою долю третьему лицу по цене ниже той, по которой можно было бы ее продать, суд должен, признав договор с третьим лицом недействительным, вернуть стороны в первоначальное состояние. Сособственник-отчуждатель вправе, изменив первоначальное решение об отчуждении доли, сохранить ее за собою или продать сособственнику по существующей цене. Этот вывод наиболее отвечает принципу равной охраны советским гражданским правом законных интересов сособственников.

Признаваемое законом за сособственником право преимущественной покупки неразрывно связано с природой личной собственности и полностью ей соответствует. Поэтому вызывает серьезные возражения мнение о нецелесообразности сохранения правила ст. 64 ввиду того, что право преимущественной покупки ограничивает оборотоспособность доли, что для сособственников, не связанных личными отношениями, не имеет значения личный состав участников общей собственности²⁵⁾. В качестве аргумента против права преимущественной покупки выдвигается также следующее положение: «Зависимость возможности «выбора соседа» от наличия средств для осуществления права преимущественной покупки противоречит принципу и духу социалистического гражданского права, в котором личные интересы граждан защищаются независимо от их имущественного положения»²⁶⁾.

На первый взгляд это положение может показаться настолько убедительным, что перевешивает все аргументы «за» право преимущественной покупки. Однако при более внимательном подходе к нему мы обнаруживаем его полную несостоятельность.

Конечно, само по себе утверждение, что советское гражданское право защищает личные интересы граждан независимо от их имуществен-

²⁵⁾ См. М. В. Зимелева. Общая собственность в советском гражданском праве. Ученые записки ВЮОН, вып. II, 1941, стр. 64.

²⁶⁾ См. там же.

ного положения, является несомненно правильным. Однако вывод, сделанный из него, представляется неправильным по следующим соображениям.

М. В. Зимелева под личным интересом, охраняемым признанием права преимущественной покупки, понимает возможность «выбора соседа». На самом же деле охраняемый интерес состоит не в этом. О праве «выбора соседа» можно было бы говорить, если бы для продажи доли в праве общей собственности данному приобретателю требовалось согласие сособственников, или же сособственникам предоставлялась возможность самим подобрать приобретателя доли в праве общей собственности и только в случае неосуществления этой возможности лицо, желающее продать свою долю, вправе было бы ее продать любому третьему лицу.

Охраняемый признанием права преимущественной покупки интерес выражается не в том, кто будет соседом, а в том, иметь соседа или не иметь его (иметь одного или больше соседей), делить с кем-либо право собственности или быть безраздельным собственником вещи. Удовлетворение этого интереса зависит от имущественного положения гражданина так же, как от его имущественного положения зависит быть собственником такой-то вещи или нет.

Советское право признает за всеми гражданами равную гражданскую правоспособность, в том числе равную возможность быть собственником. Осуществление же способности быть носителем ряда прав (например, права собственности) предполагает честный труд в социалистическом предприятии, учреждении, являющийся в социалистическом обществе экономическим источником материального благосостояния гражданина, его имущественного положения. Тем самым создается материальная заинтересованность труженика в повышении производительности труда, являющемся решающим условием создания изобилия и осуществления коммунистического принципа распределения.

Не выдерживают критики, как это уже отмечалось в литературе²⁷⁾, и другие приведенные выше аргументы против сохранения права преимущественной покупки.

4. Дискуссионным в нашей литературе является вопрос о допустимости раздела имущества супругов до расторжения брака, что объясняется отсутствием прямых указаний по этому вопросу в нормативных актах и в руководящих указаниях Пленума Верховного Суда СССР.

По мнению одних авторов, раздел супружеского имущества допустим и при существовании брака, так как нельзя отождествлять имущественные отношения супругов с браком, элементом которого они являются²⁸⁾.

Согласно другой точке зрения, раздел супружеского имущества в судебном порядке до развода недопустим, поскольку «...это ведет к осу-

²⁷⁾ См. М. Г. Шах. Общая собственность по советскому гражданскому праву. Автореферат кандидатской диссертации. Ленинград, 1953, стр. 13; Р. О. Халфина. Право личной собственности граждан СССР, 1955, стр. 68.

²⁸⁾ Г. М. Свердлов. Советское семейное право, 1951, стр. 115; А. Карапетян. Спорные вопросы судебной практики по семейному праву. Соц. законность, 1954, № 7, стр. 42—43; В. Бошко. Очерки советского семейного права, 1952, стр. 156—158. Автор, однако, считает, что в новом семейном законодательстве СССР следует установить правило, в силу которого раздел имущества супругов до расторжения брака возможен лишь в исключительных случаях, когда это необходимо в интересах супруга-истца; Н. В. Рабинович. Личные и имущественные отношения в советской семье, 1952, стр. 52.

шествлению фактического развода, противоречит интересам наблюдения за крепостью семьи в порядке рассмотрения дел о расторжении брака»²⁹⁾), поскольку продолжение брака влечет за собой и признание имущества, нажитого в браке, общим имуществом³⁰⁾.

В опубликованной судебной практике Верховного Суда СССР не выражена его точка зрения по этому вопросу. Судебная практика прежних лет исходила из возможности раздела имущества супругов со времени прекращения брака. Однако в определении от 24/VII—1946 г. по делу № 36/459 по иску Сундул Верховный Суд СССР стал на другую точку зрения. «Указом от 8/VII—1944 г., говорится в определении, не исключается возможность предъявления иска одним из супругов об алиментах и разделе имущества при наличии фактического расторжения брака и юридически неоформленного развода»³¹⁾.

В определении от 28/XII—1946 г. № 36/927³²⁾ ГСК Верховного Суда СССР еще с большей четкостью выразила этот тезис.

Эта точка зрения была закреплена в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 7/V—1948 г., № 9/9/V, в котором Пленум разъяснил судам, что иски о разделе имущества между супругами могут быть рассмотрены по общим правилам ГПК, независимо от предъявления истцом требования о расторжении брака³³⁾. Указанное постановление отменено постановлением Пленума от 16/IX—1949 г., в котором интересующий нас вопрос не разрешен.

Мы считаем, что, поскольку действующее право не содержит запрета о разделе имущества супругов до развода, нет никаких оснований отказывать в разделе имущества, если брак не прекращен. Такова формальная сторона вопроса. Мы считаем, что и по существу нельзя выступать против возможности раздела супружеского имущества, независимо от развода по следующим соображениям.

Отрицание возможности прекращения общей собственности супругов до прекращения брака должно влечь за собой и отказ в принятии искового заявления о разделе имущества, если установлено, что брак не прекращен. Но если супруги совместно не живут, совместно не пользуются общим имуществом, находящимся у одного из них и отказывающимся выдать требуемую долю имущества другому супругу (а именно при таких обстоятельствах обычно возникает дело о разделе), то отказ в рассмотрении иска о разделе означает отказ в защите права собственности одного из супругов³⁴⁾. Один из супругов при этом оказывается лишенным возможности использовать принадлежащую ему долю в совместно нажитом имуществе. Не исключены такие случаи, когда супруг, требующий раздела имущества, не желает развода и не виновен в распаде семьи, но вместе с тем вынужден требовать раздела имущества. Недопущение раздела в таких случаях приводило бы к ущемлению прав одного супруга в пользу другого, огнюдь не заслуживающего этого.

Необходимость раздела имущества до расторжения брака может иногда вызываться такими обстоятельствами, как отъезд одного из су-

²⁹⁾ Ю. С. Червоный. Общее имущество супругов по советскому праву, автореферат кандидатской диссертации, Харьков, 1952, стр. 14.

³⁰⁾ В. Тадевосян. Рецензия на книгу Г. М. Свердлов: «Советское семейное право». Соц. законность, 1952, № 6, стр. 84—85.

³¹⁾ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946, вып. VII (XXXI), стр. 17.

³²⁾ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947, вып. II (XXXVI), стр. 9.

³³⁾ См. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников, 1949, т. III, стр. 437.

³⁴⁾ А. Карапетян справедливо указывает, что в таких случаях ущемляются права женщины, поскольку чаще всего имущество остается у мужа, отказывающегося выдать жене ее долю. См. его статью. Соц. законность, 1954, № 7, стр. 42.

пругов в другую местность в связи с переводом, поскольку второй супруг не обязан следовать за ним (ст. 9 КЗоБСО).

Отказ в разделе имущества до прекращения брака можно было считать оправданным, если бы это содействовало восстановлению отношений между супругами³⁵⁾. Но, как справедливо отмечает А. Карапетян, в Советской стране основой укрепления семьи являются личные, а не имущественные отношения супругов. Неправильно поэтому и утверждение Ю. С. Червонного, что раздел имущества до развода ведет к осуществлению фактического развода. Более правильно считать, что раздел имущества — одно из проявлений фактического развода, но не его причина.

Трудно согласиться с доводом против раздела имущества до развода, который выдвигает В. Тадевосян. По его мнению, сколько бы супруги ни делили между собой общее имущество, оно как нажитое в браке продолжает оставаться общим, поскольку сохраняется брак. Это положение ничем не подтверждается, и можно с равным успехом утверждать, что поскольку нажитое в браке имущество разделено, то и общая собственность прекратилась.

Что же касается имущества, нажитого каждым из супругов после раздела, то поскольку оно нажито без какого-либо участия другого супруга, при ведении раздельного хозяйства, оно должно принадлежать супругу, которым приобретено. Обоснование этого положения вытекает из ст. 10 КЗоБСО, допускающей раздел имущества между супругами в неравных долях. Если же имущество приобретено при раздельном жительстве и ведении хозяйства одним супругом без всякого участия в этом другого, то за последним не должно признаваться право на долю в этом имуществе.

Отказ в разделе имущества по мотивам сохранения брачных отношений ставит в льготное положение супруга, фактически владеющего совместным имуществом без каких-либо оснований.

О позиции Верховного Суда СССР по этому вопросу можно судить по следующему конкретному делу.

По иску Витрук В. З. к Витрук К. Л. о расторжении брака и разделе имущества Томский областной суд решением от 4/XII—1953 г. постановил в иске о расторжении брака отказать и произвести раздел имущества.

ГСК Верховного Суда РСФСР определением от 9 января 1954 г. отменила решение областного суда в части раздела между супругами имущества, и прекратила в отмеченной части дело производством, указав, «...что оно является принципиально неправильным. В одном случае суд пришел к выводу, что семья супругов Витрук может быть сохранена, а в другом случае суд произвел между ними раздел имущества, тем самым признал невозможным продолжение супружеской жизни сторон».

«Согласно ст. 22 КЗоБСО суд устанавливает порядок раздела имущества между разводящимися супругами только в случае признания необходимым расторгнуть брак».

Верховный Суд СССР не нашел оснований для отмены определения ГСК Верховного Суда РСФСР (по представлению председателя Томского областного суда) и в письме от 1 апреля 1954 г., № 03/30217-53, в частности, указывает: «Согласно ст. 22 КЗоБСО суд обязан произвести раздел имущества в том случае, если он приходит к выводу о необ-

³⁵⁾ В отличие от Г. М. Свердлова (см. ук. соч., стр. 115) мы не считаем, что обращение в суд о разделе имущества может быть вызвано расхождением во взглядах только относительно использования имущества; напротив, возбуждение такого спора, если это только не фиктивный раздел, свидетельствует о большем.

ходимости расторгнуть брак. Если же в иске о расторжении брака отказано, в этом случае, если стороны желают разделить имущество, то они могут требовать раздела в общеисковом порядке».

5. С вопросом о возможности раздела имущества независимо от расторжения брака связан вопрос о правовом режиме имущества, приобретенного каждым из супругов за счет личных средств во время раздельного проживания при сохранении брачных отношений. Из ст. 10 КЗоБСО вытекает, что поскольку сохраняются личные отношения супругов — основа общности имущества, нажитого в течение брака, постольку продолжается и общность имущества, хотя и приобретенного каждым из супругов во время раздельного жительства и самостоятельного ведения хозяйства. Такой вывод, будучи правильным для случая раздельного проживания супругов, являющегося временным, преходящим, едва ли отвечает действительному положению вещей, когда раздельное жительство супругов — проявление фактического разрыва их личных отношений. В последнем случае имущество, нажитое каждым из супругов, не должно признаваться совместным³⁶⁾: сам по себе факт сохранения юридически брака, как нам представляется, не может служить для этого достаточным основанием. Такая точка зрения высказана ГСК Томского областного суда по конкретному делу.

Д. Ф. Панов состоит с 1934 г. в браке с Пановой. С 1947 г. супруги совместно не проживают и не ведут общего хозяйства. Панов в 1949 г. построил в рабочем поселке Тогур дом. Выехав впоследствии на Сахалин, Панов оставил дом своей дочери и Пановой. В отсутствие Панова местные органы власти зарегистрировали этот дом на имя Пановой, в связи с чем Панов предъявил к ней иск о признании за ним права собственности на дом. Народный суд 2 участка Колпашевского района решением от 23/IV—1954 г. иск Панова удовлетворил.

Судебная коллегия по гражданским делам Томского областного суда определением от 27/V—1954 г. жалобу ответчицы Пановой отклонила, указав: спорный дом выстроен без участия Пановой в то время, когда супруги Пановы фактически прекратили семейные отношения. Поскольку Панов построил дом в отсутствие ответчицы, то, следовательно, он имеет право личной собственности на этот дом³⁷⁾.

Признание общим имущества, приобретенного супругами во время носящего характер окончательного раздельного жительства, не может в какой-либо мере способствовать укреплению брачных отношений. Другие же соображения по существу в пользу признания имущества общим при этих условиях едва ли могут быть выдвинуты.

Между тем, ущемление имущественных прав одного из супругов в случае признания общности имущества, приобретенного без всякого участия другого супруга в условиях раздельного проживания и ведения раздельного хозяйства, несомненно, возможно. Едва ли в приведенном выше примере по делу Пановых (и ему подобных) требование Пановой о признании за ней права на часть дома, возведенного Пановым, отвечает социалистическому правосознанию.

6. В постановлении от 29 января 1942 г. Пленум Верховного Суда СССР дал судам указания, что на основании Положения о государственных трудовых сберегательных кассах СССР вклады в сберегательных кассах составляют личную собственность вкладчика, и распорядителем вклада является только лицо, на имя которого принят вклад. Поэтому супруг не вправе требовать обращения взыскания или раздела

³⁶⁾ Так же Н. В. Рабинович, ук. соч., стр. 51.

³⁷⁾ См. определение от 27/V—1954 г., № 33—632. Ср. Судебная практика Верховного Суда СССР 1947 г., вып. VII, стр. 21—22.

вклада, значащегося на имя другого супруга, по мотивам, что вклад составляет имущество, совместно нажитое в течение брака³⁸⁾.

Целесообразность сохранения этого положения на будущее обоснованно подвергается в нашей литературе сомнению³⁹⁾. Предложение о необходимости внести изменения в это правило следует приветствовать, поскольку оно диктуется самой жизнью.

Признание вклада принадлежащим только супругу-вкладчику и отрицание у другого супруга права требовать в соответствующих случаях раздела его делают возможным злоупотребление со стороны недобросовестного супруга.

Так, Новикова Г. А. предъявила иск к Новикову Б. В. о разделе имущества, в том числе 5000 руб., хранящихся в сберкассе на имя Новикова Б. В. Народный суд 2 участка Томского района решением от 27 марта 1953 г. иск Новиковой удовлетворил.

Из материалов дела видно, что 5000 руб.— вклад Новикова представляют собою средства, вырученные от продажи принадлежавшего супругам дома. Поэтому ГСК Томского областного суда, отклоняя жалобу Новикова, указала: «Деньги, полученные за дом, правильно суд разделил между Новиковыми, так как они являются общим имуществом супругов, а не личным сбережением ответчика»⁴⁰⁾.

Представляется целесообразным установить правило, в силу которого и вклад на имя одного из супругов, внесенный в сберегательную кассу во время брака, может быть признан совместным супружеским имуществом, если в суде не будет установлено, что вклад внесен за счет средств, не составляющих общее имущество супругов. Такое правило устранит недобросовестному супругу возможность незаконного присвоения принадлежащей другому супругу доли в общем имуществе. Вместе с тем это правило не отразится на популярности сберегательных касс, которую они завоевали в нашей стране.

³⁸⁾ См. Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР 1942 г., М., 1947, стр. 27—28.

³⁹⁾ См. Н. В. Рабинович, ук. соч., стр. 43.

⁴⁰⁾ См. определение Томского областного суда от 11 апреля 1953 г., № 33—526.

В. Н. ЩЕГЛОВ

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Дальнейшее укрепление социалистической законности, всемерная охрана прав и законных интересов социалистических организаций и советских граждан составляет ответственную и почетную задачу советского суда.

Успешность выполнения этой задачи во многом зависит от совершенства процессуальной формы, от ясного и четкого представления о роли суда в процессе, о характере его деятельности, о правах и обязанностях сторон, третьих лиц и других субъектов процесса.

Однако по отдельным вопросам советского гражданского процесса, имеющим большое практическое значение, необходимой ясности все еще нет, несмотря на довольно значительную разработку этих вопросов в теории советского гражданского процессуального права.

Одним из таких важных, но все еще спорных положений является вопрос о понятии доказывания.

По этому вопросу в теории советского гражданского процессуального права сложились две точки зрения. Одна группа процессуалистов понимает под доказыванием деятельность сторон в процессе, направленную на защиту субъективных прав. Так, проф. А. Ф. Клейнман считает, что доказывание в процессуальном смысле «является совокупностью процессуальных действий, направленных к тому, чтобы убедить суд в истинности утверждений сторон о существовании или несуществовании юридических фактов, составляющих основание требований истца или возражений ответчика»¹).

Та же мысль, но более кратко выражена и проф. М. А. Гурвичем в следующем определении: «Под доказыванием подразумевается деятельность, имеющая целью убедить суд в истинности рассматриваемых им фактов»²).

Иной точки зрения придерживается проф. К. С. Юдельсон, считающий, что: «Под доказыванием следует понимать деятельность субъектов процесса по установлению при помощи указанных законом процессуальных средств и способов объективной истинности наличия или отсутствия фактов, необходимых для разрешения спора между сторонами, т. е. фактов основания требований и возражений сторон»³).

От этого определения ничем по существу не отличается следующее определение доказывания, данное доц. С. Н. Абрамовым: «...Судебное

¹) А. Ф. Клейнман. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе, 1950 стр. 41.

²) М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу, 1950, стр. 99.

³) К. С. Юдельсон. Проблема доказывания в советском гражданском процессе, 1951, стр. 33—34.

доказывание в советском гражданском процессе — это процессуальная деятельность суда и других субъектов процесса, направленная на выяснение и установление при помощи указанных в законе средств и способов фактов, имеющих значение для дела, на установление материальной истины»⁴⁾.

Как видно, различие изложенных точек зрения заключается в определении субъектов и целей доказывания.

Сторонники первой точки зрения относят к субъектам доказывания стороны, а целью деятельности по доказыванию считают убеждение суда в истинности фактов, составляющих основание требований истца или возражений ответчика.

По мнению же представителей второй точки зрения, наряду с другими субъектами процесса субъектом доказывания является и суд, а цель деятельности по доказыванию состоит в установлении объективной истинности фактов основания требований и возражений сторон.

Таким образом, по мнению одних, суд не относится к субъектам доказывания, он решает, а ему доказывают, его стремятся убедить в истинности рассматриваемых фактов, по мнению же других, суд является субъектом доказывания наряду с другими субъектами процесса, он стремится познать объективную истинность фактических обстоятельств дела.

Таковы спорные точки зрения о понятии доказывания в советском гражданском процессе.

Какими же аргументами сторонники указанных точек зрения подтверждают свои выводы?

Полемика по вопросу о понятии доказывания в советском гражданском процессе развернулась главным образом между проф. К. С. Юдельсоном и проф. А. Ф. Клейнманом.

Вывод о том, что субъектом доказывания в советском гражданском процессе наряду со сторонами является и суд, впервые был сделан проф. К. С. Юдельсоном, причем основанием для такого вывода служит то положение, что на суде лежат невыгодные последствия недоказанности обстоятельств дела (решение подлежит отмене)⁵⁾.

Эти выводы вызвали резкое возражение со стороны проф. А. Ф. Клейнмана, аргументы которого сводятся к следующему. Во-первых, он считает недопустимым отождествление процессуального положения суда и сторон в процессе. Доказывание осуществляют стороны, а суд, будучи государственным органом, решает.

«В тех случаях, когда сами стороны не в состоянии собрать доказательства, суд собирает их по собственной инициативе. Следовательно, суд имеет право собирать доказательства, но из этого нельзя делать вывода о том, что на суде лежит бремя доказывания, что суд является субъектом обязанности доказывать»⁶⁾.

Во-вторых, ошибка К. С. Юдельсона, по мнению профессора А. Ф. Клейнмана, заключается в том, что он смешивает судебное доказывание с доказыванием в логическом смысле, делая вывод о том, что на суде лежит бремя доказывания, из обязанности суда мотивировать свое решение.

Таковы аргументы представителей спорных точек зрения по вопросу о понятии доказывания в советском гражданском процессе. Какая же из приведенных выше точек зрения является более правильной?

⁴⁾ С. Н. Абрамов. Советский гражданский процесс, 1952, стр. 176.

⁵⁾ См. К. С. Юдельсон. Субъекты доказывания в советском гражданском процессе. Ученые записки Свердловского юридического института, том II, 1947, стр. 120—121.

⁶⁾ А. Ф. Клейнман. Цит. соч., стр. 39—41.

Обратимся к определению доказывания, данному профессором К. С. Юдельсоном. По его мнению, доказывание осуществляется субъектами процесса, к числу которых относится суд, стороны, третьи лица, представители и прокурор, и преследует цель познания объективной истины фактических обстоятельств дела.

Профессор К. С. Юдельсон, как видно, не делает различия между деятельностью суда и сторон в процессе по выяснению фактических обстоятельств дела, в то время как закон такое разграничение проводит довольно четко.

При рассмотрении любого гражданско-правового спора суд обязан стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся (ст. 5 ГПК РСФСР). Достижение же этой цели возможно только при активном участии суда в исследовании фактических обстоятельств дела, при объективной истинности выводов суда об исследуемых юридических фактах.

Обязывая суд к выяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся, закон требует от суда активного участия в выяснении фактических обстоятельств дела, содействия сторонам в выяснении существенных для дела обстоятельств, представляет суду право истребовать доказательства по собственной инициативе (стр. 118 ГПК РСФСР).

Таким образом, ближайшей целью деятельности суда при рассмотрении каждого конкретного дела является познание объективной истины юридических фактов основания иска и возражений против него. Только на этой основе возможно правильное разрешение гражданско-правового спора, защита действительных прав и законных интересов тяжущихся.

От деятельности суда, как государственного органа, осуществляющего правосудие, необходимо отличать деятельность сторон.

Ближайшей целью участия сторон в гражданском процессе является убеждение суда в истинности фактов, на которых они основывают свои требования и возражения. Вступая в процесс, стороны, как правило, основываются на собственном убеждении в существовании или несуществовании тех или иных фактов и стремятся доказать суду правильность своего убеждения. С этой целью они сообщают суду факты основания иска и возражений, представляют доказательства, участвуют в их исследовании, высказывают свои доводы и соображения. Деятельность сторон и третьих лиц по убеждению суда в истинности фактов основания иска или возражений составляет средство для защиты субъективных прав. Таким образом, деятельность сторон в процессе не преследует цели познания объективной истинности юридических фактов, она направлена на убеждение суда в том, что сторона считает истинным.

Деятельность сторон по подтверждению фактов основания иска и возражений объективно способствует познанию фактических обстоятельств дела. Стороны сообщают суду факты, приводят доказательства и тем самым обеспечивают ему отправные данные для выяснения и исследования всех обстоятельств, имеющих значение для разрешения гражданско-правового спора. Но цели познания объективной истины стороны не преследуют. Такое требование к сторонам не вытекает из закона и было бы чрезмерным.

Как видно, деятельность суда по исследованию фактических обстоятельств дела и деятельность сторон и третьих лиц существенно различны.

Ошибка К. С. Юдельсона заключается в том, что, определяя доказывание как деятельность субъектов процесса, направленную на установление объективной истинности наличия или отсутствия фактов, необходимых для разрешения спора между сторонами, он допускает смешение прав и обязанностей суда и сторон в процессе по исследованию фактических обстоятельств дела.

Он считает, что и деятельность суда в процессе, и деятельность сторон направлена на установление объективной истины фактических обстоятельств дела. А это, как мы видели выше, не соответствует действительному положению вещей.

В исследовании обстоятельств дела суд стремится к установлению объективной истины, сам активно участвует в судебном разбирательстве и создает необходимые условия для деятельности сторон. Активное участие суда в исследовании фактических обстоятельств дела, его задача, состоящая в установлении объективной истины, коренным образом отличаются советский принцип состязательности от буржуазного. Состязательность получила в условиях советского судебного процесса совершенно новое содержание.

Состязательность в буржуазном процессе современных капиталистических государств также характеризуется возросшей активностью суда. Но эти внешние черты сходства ни в коей мере не дают основания отождествлять советский процесс с буржуазным. Коренное различие определяется целями советской и буржуазной состязательности. У нас она направлена на установление объективной истины, на выяснение всех обстоятельств дела и правильное применение закона. В буржуазном государстве состязательность с активным участием суда преследует цель защиты интересов господствующего класса, не стесняясь при этом никакими самыми грязными средствами. Об объективной истине в буржуазном процессе не может быть и речи.

Советская состязательность, как уже отмечалось выше, характеризуется активностью сторон и самым активным участием в процессе суда.

Советская процессуальная форма представляет сторонам все возможности для защиты их прав и интересов. Причем задача суда состоит в том, чтобы помогать сторонам в их процессуальной деятельности, а не созерцать их борьбу. Защиту действительных прав и интересов сторон советский суд осуществляет путем строжайшего соблюдения тех процессуальных норм, которые обеспечивают равенство сторон, возможность представления доказательств, заявления ходатайств, высказывания своих доводов и соображений и т. д. Всемерно содействуя сторонам в осуществлении их процессуальных прав, суд, когда это необходимо, по собственной инициативе обеспечивает отыскание, сбор и исследование доказательств для познания объективной истины. Этим самым суд дополняет процессуальную деятельность сторон, направляет эту деятельность по нужному руслу, по линии выяснения объективно существующих фактов и тем обеспечивает защиту действительных прав и интересов тяжущихся.

Следовательно, выяснение обстоятельств дела в условиях советского процесса достигается не только посредством состязания сторон. Состязание сторон существует, причем самое активное и подлинно равноправное. Но состязание сторон дополняется активным участием суда в процессе, и сочетание деятельности этих субъектов гражданского процесса обеспечивает познание объективной истины.

Проф. А. Ф. Клейнман вкладывает в понятие доказывания более узкое содержание, чем проф. К. С. Юдельсон, понимает под доказыванием только деятельность сторон, и это совершенно правильно.

Понятие доказывания вошло в обиход судебной деятельности в глубокой древности, когда весь судебный процесс сводился к борьбе сторон. В то время, когда стороны состязались, а суд созерцал, когда он выносил решение, основывая его не на том, соответствуют ли его представления об обстоятельствах дела объективной истине, а на том, кто

победит, доказывание по-существу и составляло содержание судебного процесса.

Выяснение фактических обстоятельств дела в таком процессе сводилось, собственно говоря, к доказыванию. Все то, что стороны утверждали, составляло фактический материал, а доказательственный материал состоял только из доказательств, представленных сторонами. В то время об обстоятельствах дела суд судил на основе доказывания, а судебное решение являлось итогом доказывания. Судебное решение удовлетворяло требование того, кто доказал суду, что он прав, кто был более активен в процессе, кто представил более убедительные доказательства. При этом, естественно, победу одерживал представитель эксплуататорского, имущего класса, располагавший в судебном процессе большими возможностями в силу своего экономического и политического превосходства. То же самое происходит и в буржуазном гражданском процессе, где выяснение фактических обстоятельств дела также в основном сводится к доказыванию сторон. Возросшая активность суда в буржуазном гражданском процессе не имеет цели познания объективной истины, а направлена на усиление позиций представителей господствующего класса — буржуазии.

Совершенно иное положение имеет место в советском гражданском процессе.

Доказывание как средство защиты сторонами своих прав и законных интересов сохраняет у нас свое значение, причем именно только у нас доказывание стало реальным, подлинно равноправным. Однако в советском гражданском процессе доказывание не является единственным средством исследования обстоятельств дела. В советском процессе активную роль играет суд. Его деятельность в исследовании обстоятельств дела преследует несколько иную цель, чем деятельность сторон по доказыванию.

Стороны осуществляют доказывание с целью защиты своих прав и интересов. Они исходят при этом из своего убеждения в том, что субъективное право нарушено или оспаривается.

Цель же деятельности суда по исследованию обстоятельств дела состоит в познании объективной истины и в защите, на этой основе, действительных прав и законных интересов тяжущихся.

В советском процессе возникло новое явление — активная деятельность суда с новыми целями и приемами, и отождествлять это новое явление с деятельностью сторон нельзя. Под доказыванием следует понимать только деятельность сторон, направленную на убеждение суда в истинности фактов основания иска или возражений против него.

Такое понимание доказывания будет соответствовать и общепринятому употреблению слова доказывать. В русском языке принято считать, что доказывать — это значит убеждать⁷⁾, подтверждать правильность своих взглядов⁸⁾, истинность своих убеждений⁹⁾, т. е. быть самому уверенным в этом и стремиться убедить других.

Обозначение термином «доказывание» только деятельности сторон по убеждению суда в существовании или отсутствии фактов, в истинности которых они убеждены, будет способствовать правильному пониманию присутствующими в судебном заседании гражданами роли советского суда в исследовании фактических обстоятельств дела и повысит воспитательное значение судебного процесса.

⁷⁾ См. В. Даль. Толковый словарь. Изд. 1935, т. I.

⁸⁾ Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова, 1934.

⁹⁾ Словарь русского языка под ред. акад. С. П. Обнорского, 1952.

Исходя из необходимости четкого разграничения деятельности суда и сторон в процессе по выяснению фактических обстоятельств дела, и понимания под доказыванием только деятельность сторон по убеждению суда в истинности фактов основания иска и возражений, невозможно согласиться с доц. С. Н. Абрамовым, считающим, что цель доказывания заключается в обеспечении убедительности судебного решения¹⁰⁾.

Условием убедительности судебного решения указанный автор считает доказанность, обоснованность судебного решения, и это совершенно правильно.

Решение убедительно, прежде всего, тогда, когда оно обоснованно, когда выводы суда об обстоятельствах дела соответствуют объективной истине. Но забота о правильности, объективной истинности выводов об исследуемых фактах лежит, как мы видели, только на суде. Доказывая, стороны исходят, как правило, из истинности своих утверждений. В силу высокой сознательности и добросовестности советских граждан в судах все реже встречаются лица, стремящиеся умышленно ввести суд в заблуждение, но добросовестные заблуждения имеют место нередко. Задача суда заключается в том, чтобы разобраться в обстоятельствах дела и сделать объективно истинные выводы, постановить обоснованное судебное решение и тем создать условие для убедительности судебного решения.

Убедительность судебного решения определяется в первую очередь его законностью и обоснованностью. Только такое судебное решение способно убедить лиц, участвующих в деле и присутствующих в зале судебного заседания, и сыграет воспитательную роль, которое законно и обоснованно, которое правильно по существу. Вместе с тем убедительность судебного решения зависит от его мотивированности, логичности построения.

Значение судебного приговора и судебного решения, говорил акад. А. Я. Вышинский, «...определяется не столько избранной судом мерой наказания или предметом гражданского спора, сколько силой судебской аргументации, силой положенных в основу приговора или решения доводов, иначе говоря, обоснованностью и убедительностью изложенных в приговоре (или решении) доказательств»¹¹⁾.

Таким образом, убедительность судебного решения определяется как его правильностью по существу (законностью и обоснованностью), так и его мотивированностью. Но то и другое составляет предмет заботы суда, как государственного органа, а не сторон.

Ошибочность вывода доц. С. Н. Абрамова о том, что целью судебного доказывания является убедительность судебного решения, объясняется смещением доказывания в процессуальном смысле с доказыванием в логическом смысле, как правильно отметил проф. А. Ф. Клейнман¹²⁾, а также ошибочностью утверждения, что стороны являются субъектами установления объективной истины.

Таким образом, представляется необходимым, не противопоставляя, самым четким образом ограничивать деятельность суда по исследованию обстоятельств дела от деятельности сторон и понимать под доказыванием только деятельность сторон, третьих лиц и их представителей, направленную на убеждение суда в истинности фактов, составляющих основание иска и возражений против него.

¹⁰⁾ С. Н. Абрамов. Советский гражданский процесс. 1952, стр. 177.

¹¹⁾ Акад. А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве, 1950, стр. 27.

¹²⁾ А. Ф. Клейнман. Цит. соч., стр. 41.

В. Н. ПЕТРОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА В КОЛХОЗАХ (1930—1934 гг.)

В колхозах, ведущих свое хозяйство на земле, принадлежащей государству, при помощи МТС, при колхозной групповой собственности и коллективном труде членов колхоза организация труда приобрела величайшее значение с первых дней сплошной коллективизации.

До организации колхозов крестьяне работали в одиночку, старыми дедовскими способами, обогащая кулаков и спекулянтов, а сами жили впроголодь. С переходом на колхозный путь развития крестьяне стали работать сообща, артельно, при помощи новых орудий — тракторов и сельскохозяйственных машин МТС, работать на себя и на свои колхозы для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение.

Поэтому с момента возникновения массового колхозного движения нужно было найти такие формы организации труда, которые соответствовали бы колхозному строю, способствовали бы повышению производительности труда и укреплению колхозов как социалистических сельскохозяйственных предприятий. От того, будут ли найдены соответствующие формы организации труда в колхозах, зависел успех коллективизации, развитие и укрепление созданных колхозов.

М. И. Калинин указывал, что «...вопрос об организации труда в колхозах имеет безусловно решающее значение не только в отношении проведения весенних посевных кампаний; я думаю, что от этого вопроса в данный момент зависит судьба колхозного движения. Если вы сумеете так организовать труд в колхозах, что благодаря этому будет обеспечен более высокий, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах, эффект производительности, то тем самым вы сцементируете движение, и тогда ни одна сила не в состоянии будет его подорвать, а тем более разрушить»¹⁾.

Плохая организация труда в колхозах была одним из основных недостатков в работе колхозов в первые годы сплошной коллективизации. Как отмечал VI Всесоюзный съезд Советов в постановлении «О колхозном строительстве», главнейшими и самыми вредными недостатками в работе колхозов в 1930 году являлись не только распределение доходов в колхозах по душам, но и неумелая и плохая организация труда, в особенности на уборке урожая²⁾. Такое положение с организацией труда в колхозах объяснялось прежде всего тем, что крестьяне принесли в колхозы старые приемы, навыки, формы организации труда, которые

¹⁾ «Социалистическое земледелие» от 4 марта 1930 г. (Разрядка моя—В. П.)

²⁾ См. С. З. СССР, 1931, № 17, ст. 161.

не отвечали требованиям колхозного производства. В колхозах формы и характер труда были совершенно другими по сравнению со старыми индивидуальными крестьянскими хозяйствами, в то время как сами колхозы не имели еще опыта организации колхозного труда. Необходимо было преодолеть старые многовековые навыки труда в одиночку и выработать такие формы организации труда, которые соответствовали бы и отвечали бы требованиям колхозов.

Обсуждая вопрос об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства, ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. констатировал, что «коренным недостатком колхозного движения является сравнительно низкая производительность труда, недостаточная производственная дисциплина и отсутствие должного внимания руководящих органов колхозного движения к делу организации труда в колхозах»³⁾. Пленум ЦК ВКП(б) указал, что в каждом колхозе необходимо добиться сознательного отношения колхозников к своим обязанностям, бороться за повышение производительности труда, за поднятие урожайности, поднять трудовую дисциплину и т. д.

Но колхозы не имели еще опыта в этой области. Поэтому они обратились, прежде всего, к опыту социалистической промышленности и государственных сельскохозяйственных предприятий (совхозов), как предприятий последовательно социалистического типа.

Однако использование колхозами опыта организации труда государственной промышленности не могло означать простого механического перенесения его в колхозы. Колхозы являются необычными предприятиями. Их деятельность происходит на земле, которая является всенародной собственностью. Они работают при помощи мощной сельскохозяйственной техники, сосредоточенной в МТС.

В колхозах, как в кооперативных объединениях крестьян, базирующихся на колхозной групповой собственности, все хозяйство ведется личным трудом членов колхоза. В ст. 12 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1930 г. было установлено, что все работы в хозяйстве сельскохозяйственной артели производятся личным трудом ее членов, согласно правилам внутреннего распорядка, принятым общим собранием. Исключение из этого общего правила допускалось только в отношении лиц, обладающих специальными знаниями и подготовкой (агрономы, инженеры, техники и т. д.), строительных рабочих и рабочих для выполнения срочных работ, которые не могут быть выполнены в требуемый срок наличными силами колхозников при полной их нагрузке. Обязанность личного труда в общественном хозяйстве колхоза вытекает из членства в колхозе.

Колхозники, как хозяева колхоза, самостоятельно, в строгом соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели вырабатывают и принимают правила внутреннего распорядка, которые определяют условия труда, ответственность за нарушение трудовой дисциплины, продолжительность рабочего дня, время отдыха и т. д.

Основанием для возникновения трудовых отношений в колхозах является членство, в то время как на государственных предприятиях таким основанием является, как правило, трудовой договор. Членство в колхозе является формой реализации для колхозников права на труд, закрепленного и гарантированного в Конституции СССР.

Основой социалистической организации труда в колхозах является колхозная собственность на средства производства, ликвидация эксплуататоров, создание нового отношения к труду, и руководство колхозами со стороны Коммунистической партии и Советского государства.

³⁾ «КПСС в резолюциях...», ч. II, изд. 7, стр. 527, 1953.

Исходя из этих основ социалистической организации труда, с первых лет сплошной коллективизации колхозы начали строить новые формы организации труда. Социалистическая организация труда в колхозах была направлена, прежде всего, на борьбу с обезличкой труда, на осуществление требований принципа распределения по количеству и качеству труда, строилась на сознательной дисциплине колхозников. Если при капитализме организация общественного труда держалась и держится на дисциплине голода, при которой трудящиеся не могут выйти из нужды и темноты, то социалистическая организация общественного труда держится на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, сбросивших как помещиков, так и капиталистов и тем самым ликвидировавших эксплуататорские классы.

Без создания крепкой трудовой дисциплины в колхозах нельзя было выработать и укрепить новые формы организации труда, бороться с обезличкой, поднять производительность труда.

В ст. 17 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1930 г. было установлено, что все колхозники обязуются подчиняться требованиям устава, постановлениям общего собрания и правления, соблюдать правила внутреннего распорядка, аккуратно выполнять возлагаемые на них правлением работы и общественные обязанности. За нарушение трудовой дисциплины на виновных членов колхоза налагались взыскания, согласно правилам внутреннего распорядка (например, выговор, предупреждение, временное отстранение от работы, штраф и т. п.). В отношении неисправимых нарушителей трудовой дисциплины правление колхоза имело право ставить перед общим собранием вопрос об их исключении из колхоза.

ЦИК СССР в постановлении от 30 января 1933 года «Об укреплении колхозов»⁴⁾ прямо указал, что без установления твердой трудовой дисциплины невозможно укрепление колхозов и действительно быстрый рост благосостояния колхозников. Этим важнейшим постановлением была установлена ответственность члена колхоза за отказ по неуважительным причинам от выполнения порученной ему колхозом работы в виде штрафа до 5 трудодней, а при повторном отказе — исключение из колхоза.

Только путем борьбы за социалистическую дисциплину труда в колхозах могла быть преодолена обезличка труда, поднималась его производительность и созданы новые формы организации труда.

Процесс создания социалистических форм организации труда в колхозах прошел длинный и сложный путь. Поиски новых форм организации труда в колхозах начались еще до сплошной коллективизации внутри первых немногочисленных колхозов, образовавшихся вслед за победой Великой Октябрьской социалистической революции. Но во всей своей сложности и значении этот вопрос встал только в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства и ликвидации на ее базе кулачества как класса.

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1930 года еще не предусматривал определенных форм организации труда в колхозах. Он лишь устанавливал, что работы в колхозе распределяются правлением колхоза, согласно правилам внутреннего распорядка (ст. 13 Устава).

Осуществляя руководство развернувшейся сплошной коллективизацией и уже возникшими колхозами, Советское государство и Коммунистическая партия помогли колхозному крестьянству приступить и выработать новые формы организации труда. Так, в постановлении СНК СССР от 26 февраля 1930 г. «О мероприятиях по усилению подготовки

⁴⁾ См. С. З. СССР. 1933, № 6, ст. 41.

к весенней посевной кампании⁵⁾ было указано на необходимость составления рабочих планов в колхозах, установления распорядка работ в период весеннего сева. Такие рабочие планы составлялись на основе годовых производственных планов колхозов. Начиная с 1931 года, в колхозах уже составлялись на основе годового производственного плана рабочие планы на период весеннего сева, прополки и сенокоса, на уборку урожая и молотьбу, на осенние работы и на зимний период. Рабочие планы предусматривали календарные сроки сева, место расположения культур, ежедневный наряд потребного количества колхозников, инвентаря, тягла, установление потребности на время работ в фураже, семенных, протравочных материалах, таре и т. д.

Передовые колхозы Советского Союза, используя опыт социалистической промышленности, самостоятельно выработали под руководством Коммунистической партии и Советского государства новые формы организации труда. Вначале в колхозах получило распространение распределение и закрепление колхозников по отдельным отраслям колхозного производства. Колхозники, закрепленные за полеводством, подчинялись непосредственно заведующему полеводством, который руководил всей этой отраслью производства колхоза. Заведующий полеводством направлял колхозников на самую разнообразную работу. Колхозника переводили с пахоты на сев, с подвозки семян на бороньбу, с молотилки на веялку и т. д. Орудия производства за колхозниками не закреплялись. Все это не устраняло безответственности за порученное дело и тем самым мало содействовало правильной организации труда в колхозах. Поэтому в передовых колхозах стали объединять колхозников, выделенных для обслуживания отдельных отраслей колхозного производства, в более мелкие группы. Такие группы колхозников получили название бригад. Их начали создавать для выполнения отдельных работ, например, на период весенней посевной кампании, после которых они расформировывались. Это было серьезным шагом вперед в деле выработки новых форм организации труда в колхозах. Обобщив опыт передовых колхозов, Советское государство всемерно содействовало внедрению бригадной организации труда в колхозах, уже в 1930 году. Так, ссылка на бригады имеется уже в Постановлении СНК СССР от 26 февраля 1930 г.: «подвергнуть планы весенних работ по каждому колхозу массовой проработке и довести их до каждого участка или бригады...»⁶⁾.

Рабочая программа весенних работ в колхозах, утвержденная правлением Колхозцентра СССР в январе 1931 г.⁷⁾, предусматривала организацию бригад на весенние посевные работы во всех колхозах. Такие бригады организовывались не позднее чем за две недели до выхода в поле. Количество колхозников, тягла и сельскохозяйственного инвентаря в каждой бригаде устанавливалось исходя из норм выработки, объема работ и сроков их исполнения. Каждая бригада получала твердое задание с указанием места и срока работ (наряд). Задания, полученные бригадами, обсуждались на производственных совещаниях бригад, где устанавливался размер работы для каждого колхозника в бригаде. Таким бригадам поручались как специальные работы (только вспашка, бороньба, посев), так и смешанные работы, что зависело от массива посева, расстояния от места стоянок и населенных пунктов. Во главе бригады правлением колхоза ставился бригадир. После выполнения указанных работ бригады расформировывались и создавались в новом составе для проведения очередных работ: сенокос, уборка урожая

⁵⁾ С. З. СССР, 1930, № 11, ст. 134.

⁶⁾ Там же.

⁷⁾ См. «Известия» от 29 января 1931 г.

и т. д. В соответствии с постановлением Всесоюзного совещания колхозников, утвержденного правлением Колхозсоюза СССР в 1931 г. «Об организации труда в колхозах»⁸⁾, в колхозах организовывались бригады: а) с постоянным составом колхозников (животноводство, подсобные предприятия и т. п.); б) с сезонным составом (в тех отраслях, где работа продолжается не круглый год, а один или несколько сезонов); в) с временным составом рабочей силы для работ, которые носят временный характер; г) специальные женские бригады, особенно на тех работах, где преобладает применение женского труда.

Такие бригады в колхозах в первые годы сплошной коллективизации способствовали быстрому и своевременному проведению отдельных сельскохозяйственных кампаний, помогали приобретению колхозниками навыков организованного, совместного труда в колхозном производстве. Но вместе с тем они имели много недостатков. К числу таких недостатков необходимо, прежде всего, отнести: 1) временный характер бригад; 2) при образовании бригад не учитывались производственные навыки колхозников, а за основу зачисления их в бригады брался территориальный признак. Временный характер бригад создавал обезличку в пользовании земельными участками, сельскохозяйственным инвентарем, не способствовал материальной заинтересованности колхозников в результатах труда в составе такой бригады.

Формирование бригад по территориальному признаку — месту жительства, получившее распространение в ряде колхозов, вело к образованию так называемых бригад «дворок». Такие бригады создавались не по производственному признаку, а по случайному признаку близкого расположения в селении. Не учитывая навыков и склонностей колхозников к отдельным работам, в бригады «дворки» зачислялись все члены совместно расположенных колхозных дворов, не персонально, а подворно. В бригадах «дворках» глава семьи выступал фактически в качестве распорядителя рабочей силы. Так, в колхозе «Вперед к социализму», Северо-Кавказского края, бригада «дворка» представляла собою объединенную группу дворов с входящими в них всеми членами дворов и в основном с теми средствами производства, которые были у этих дворов до обобществления⁹⁾. Необходимо отметить, что образование таких бригад «дворок» находилось в прямом противоречии с указаниями партии и правительства и являлось лишь препятствием в выработке социалистических форм организации труда в колхозах. Так, в рабочей программе весенних работ в колхозах, утвержденной правлением Колхозцентра в январе 1931 г., указано, что «распределение колхозников по бригадам производится в зависимости от квалификации и навыка к работе, сохраняя постоянный состав работников бригады»¹⁰⁾.

В некоторых колхозах наблюдались попытки сделать колхозную бригаду хозрасчетной, по типу государственных хозрасчетных предприятий, что влекло за собой превращение ее в замкнутую самостоятельную хозяйственную организацию, в результате чего она противопоставлялась колхозу. В 1931 г. наиболее известной была так называемая «скользящая сезонная производственная бригада», которая создавалась только на один сезон. «Скользящая сезонная производственная бригада», которая расформировывалась после выполнения установленных для бригады работ, обладала всеми теми же недостатками, которые были свойственны всем временным бригадам.

⁸⁾ См. Сб. «Колхозно-кооперативное законодательство». 1931, стр. 130.

⁹⁾ См. Н. А. Нисимов. Бригадная система организации труда в колхозах, Сельхозгиз, 1932, стр. 33.

¹⁰⁾ См. «Известия» от 29 января 1931 г.

Организация таких бригад еще не разрешала вопроса о наиболее правильной организации труда в колхозе. Обезличка и текучесть состава бригад, незаинтересованность колхозников в результатах своего труда, отсутствие опыта в колхозах по организации труда,— все это вело к большим недостаткам в работе колхозов. Особенно это проявилось в уборке урожая 1930 г. Плохая организация труда (в особенности по уборке хлопка и льна, а в ряде районов и зерна) повлекла за собой в ряде случаев гибель некоторой части колхозного урожая и уменьшение количества хлопка, льна и других культур, сдаваемых (продаваемых) государству колхозами.

Общезвестно, что самое ответственное дело в зерновом хозяйстве — это уборка. Если убрал во время — выиграл, опоздал в уборке — проиграл. Плохая организация труда при уборке урожая наносит огромный вред как колхозникам, поскольку уменьшает их доходы, так и государству, в результате невыполнения отдельными колхозами их обязательств по сдаче (продаже) государству продуктов сельского хозяйства.

Исходя из этого, VI Всесоюзный съезд Советов в постановлении «О колхозном строительстве» указал на необходимость добиться в 1931 г. всемерного улучшения в уборке всех культур в колхозах. «...Необходимо тщательно подготовляться,— указывалось в постановлении,— к уборочной кампании, чтобы обеспечить правильную организацию труда, лучшее использование машин, и на этой основе резкое уменьшение потерь при уборке и увеличение товарной продукции колхозов»¹¹⁾.

На основании руководящих указаний VI Всесоюзного съезда Советов ВЦИК принял специальное постановление от 5 июня 1931 г. «Об организации труда в колхозах во время уборки урожая»¹²⁾. В этом постановлении было указано на необходимость плановости в работе, правильной расстановки колхозников по бригадам, правильного распределения работ между группами и отдельными колхозниками, своевременного доведения заданий до каждой бригады, колхозника, закрепления за бригадой производственных участков, борьбы с обезличкой и безответственностью, с потерями урожая и т. д. Но основным типом производственных бригад оставались еще сезонные бригады, и это постановление было направлено на укрепление таких бригад, созданных на период уборки.

Такая временная бригада не разрешала вопроса о правильной организации труда в колхозах, а была лишь шагом вперед по сравнению с распределением колхозников по отраслям колхозного производства. Поэтому передовые колхозы страны продолжали поиски лучших форм организации труда. Их многочисленные попытки найти наиболее целесообразный способ организации труда постепенно привели к выявлению и проверке на практике ряда форм и принципов организации труда в колхозах. Опыт передовых колхозов страны показал, что лучшей формой организации труда в колхозах является бригадная форма, но бригада не сезонная, не временная, а бригада, создаваемая на длительный срок с постоянным составом колхозников. Из таких постоянных бригад наиболее эффективными оказались те бригады, за которыми закреплялись определенные участки земли, определенные средства производства, отрасли животноводства. Такие бригады организовывались в передовых колхозах не по подворному принципу, а по производственному, с учетом производственных навыков колхозников.

Коммунистическая партия и Советское правительство, чутко прислушиваясь к голосу колхозных масс и обобщая весь передовой, прогрес-

¹¹⁾ С. З. СССР 1931, № 17, ст. 161.

¹²⁾ С. У. РСФСР, 1931, № 37, ст. 297.

сивный опыт лучших колхозов, систематически отбирали все лучшее в области организации колхозного труда. Уже июньский Пленум ЦК ВКП(б) 1931 г., учитывая опыт передовых колхозов страны, рекомендовал колхозам организовывать постоянные бригады на основных сельскохозяйственных работах. В резолюции июньского Пленума ЦК ВКП(б) «Предварительные итоги сева и задачи уборочной кампании» указывалось, что на всех видах работ должно быть применено **прикрепление постоянного состава работников к тракторам, лошадям и машинам: к каждой молотилке, к каждому трактору с соответствующими прицепными машинами должна быть прикреплена постоянная бригада, должен быть создан постоянный состав возчиков и т. п.**¹³⁾.

Но это было еще только первое обобщение опыта бригадной организации труда в колхозах с постоянным составом колхозников. Закрепление опыта передовых колхозов в области бригадной организации труда было произведено постановлением ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 г. «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов»¹⁴⁾. Это постановление сыграло историческую роль в деле организации труда в колхозах и направило все колхозы страны по единственно правильному пути организации труда — созданию постоянных производственных бригад, как основной и главной формы организации колхозного труда. Оно имеет громадное значение и до настоящего времени. И это вполне понятно, ибо только постоянная производственная бригада является единственно правильной формой организации труда в колхозах, позволяет наилучшим образом использовать всю сельскохозяйственную технику МТС и средства самих колхозов, использовать все преимущества коллективного труда. Поэтому все дальнейшие мероприятия партии и правительства в области организации труда направлены на укрепление постоянной производственной бригады, как основной и главной формы организации труда в колхозах.

Обобщив опыт передовых колхозов, ЦК ВКП(б) показал, что основной формой организации труда в колхозах является постоянная производственная бригада. В своем постановлении от 4 февраля 1932 г. ЦК ВКП(б) сформулировал основные принципы построения производственных бригад в колхозах. Он указал, что: 1) бригада должна состоять из постоянного числа членов; 2) за бригадой должны закрепляться определенные земельные участки, средства производства, включая инвентарь, скот и другое производственное имущество; 3) во главе бригады стоит бригадир, назначаемый правлением колхоза, который организует все производство бригады. Закрепление за производственной бригадой постоянного числа колхозников на длительный срок вело к устранению текучести в составе бригады, повышению ответственности бригады за результаты работы, к укреплению трудовой дисциплины. Особенно ярко это сказалось на постоянной полеводческой бригаде. Такая бригада стала крупной производственной единицей. Размер бригады зависел от уровня интенсификации, степени механизации и направления колхозного хозяйства. Поэтому в различных районах страны полеводческие бригады насчитывали различное число членов в своем составе. Закрепленные за бригадой на длительный срок (на срок, необходимый для выполнения всего цикла сельскохозяйственных работ, т. е. на срок не менее полного севооборота), колхозники обеспечивали в составе бригады полное и высокоэффективное выполнение всех работ в полях севооборота, в тесном контакте с тракторными бригадами МТС. Комплектование бригад производилось только по производственному принципу.

¹³⁾ См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 639, изд. 7.

¹⁴⁾ «Правда» от 6 февраля 1932 г.

Закрепление пашен в полях севооборота, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря за каждой полеводческой бригадой на длительный срок способствовало ликвидации обезлички в пользовании орудиями и средствами производства в колхозах. В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 30 января 1933 г. «Об укреплении колхозов»¹⁵⁾ с введением севооборота в колхозах участки в полях севооборота закреплялись за постоянными полеводческими бригадами на весь срок севооборота. Такое закрепление пашен в полях севооборота, необходимого инвентаря, рабочего скота и хозяйственных построек производилось по специальному акту. Все это обеспечивало лучшую обработку земли членами полеводческих бригад, лучшее использование инвентаря и рабочего скота и, как следствие этого, ликвидацию обезлички и повышение производительности труда и урожайности. Колхозники, находящиеся длительный срок в одной и той же полеводческой бригаде, обрабатывающие одну и ту же землю и использующие один и тот же инвентарь и рабочий скот, становились заинтересованными в результатах своего труда, ибо именно в сельском хозяйстве результат труда зависит не от отдельных работ, а от всего комплекса их, проводимых в течение всего сельскохозяйственного года: подготовка почвы, пахота, бороньба, сев и т. д. Кроме того, некоторые мероприятия по подготовке почвы должны проводиться в течение нескольких лет. Все это и обеспечивала постоянная производственная бригада.

Главное же ее значение заключалось в том, что она подорвала обезличку — основной недостаток в организации труда в колхозах в условиях сплошной коллективизации и повысила ответственность колхозников за порученную им работу.

Обезличка в организации труда в колхозах была наряду с распределением доходов по едокам главным бичом, мешающим колхозам использовать все преимущества крупного социалистического хозяйства. Отсутствие ответственности за порученную работу как в составе сезонной бригады, так и вне ее, незакрепление за колхозниками рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, отсутствие согласованности и заинтересованности в работе, низкая производственная дисциплина, — все это мешало подъему производительности труда в колхозах, повышению урожайности, полному и целесообразному использованию рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Только с широким распространением постоянных производственных бригад во всех колхозах страны обезличка была в корне подорвана.

Появление постоянной производственной бригады создало все возможности для улучшения дисциплины труда и поднятия производительности труда. Бригадная форма организации труда открыла широкий простор самостоятельности колхозников, дала все возможности для организации и развертывания социалистического соревнования и ударничества.

Огромное значение постоянных производственных бригад в колхозном производстве заключается в том, что такая бригада имеет возможность наиболее полного и наиболее лучшего использования всей сельскохозяйственной техники, что неизмеримо поднимает урожайность колхозных полей. Полный контакт между тракторной и постоянной полеводческой бригадой, правильная организация тракторных работ на бригадных участках, полное использование средств производства, закрепленных за бригадой, — все это укрепляет производственную бригаду, создает все условия для организации социалистического соревнования, роста производительности труда, поднятия урожайности в колхозах.

¹⁵⁾ С. 3. СССР, 1933 г., № 6, ст. 41.

Колхозные постоянные производственные бригады в некоторых колхозах разбивались на звенья, действующие в составе бригады. Еще Всесоюзное совещание колхозников в 1931 г. в постановлении «Об организации труда в колхозах» рекомендовало колхозам разбивать бригады на звенья, группы¹⁶⁾. Но звенья внутри постоянных бригад не получили широкого распространения, особенно при производстве зерновых культур. Поэтому в 1934 г. Советское правительство рекомендовало колхозам организовывать звенья внутри бригад лишь по техническим культурам: лен, свекла, хлопок и т. д. Так в постановлении СНК СССР от 4 марта 1934 г. «О контрактации сахарной свеклы урожая 1934 года» указывалось, что колхозы должны всю площадь, предназначенную для посева свеклы, распределить по бригадам, закрепив внутри бригады участки свеклы за звеньями в 5—7 человек¹⁷⁾. Организация звеньев в исследуемый период внутри постоянных производственных бригад только по техническим культурам имеет исключительно важное значение и до настоящего времени. Особенно характерным является то, что партия и правительство еще в 1934 году отметили возможность и полезность организации звеньев лишь внутри бригад и только по техническим культурам.

Исключительно большое значение в организации производства бригады имел бригадир.

Бригадир назначался правлением колхоза из числа наиболее опытных и активных колхозников-ударников, давших лучшие показатели качества и количества труда в колхозе. Ввиду большого значения роли бригадира в деле организации труда в колхозах, подбором лучших колхозников на пост бригадира занимались не только правления колхозов, но и партийные и другие органы, осуществляющие партийное и государственное руководство колхозами. Как отмечал ЦК ВКП(б) в постановлении от 4 февраля 1932 г. «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов»¹⁸⁾, подбор бригадиров и помощь им являются важнейшей задачей партийных организаций. Коммунистическая партия и Советское государство придавали и придают очень большое значение роли колхозного бригадира, действительного организатора колхозного производства, лично отвечающего за всю работу вверенной ему бригады. Поэтому ЦК ВКП(б) в постановлении от 10 мая 1932 года «Об укреплении руководящих кадров колхозов»¹⁹⁾ установил, что бригадиры назначаются правлением сроком не менее чем на год, а досрочное снятие их с работы разрешается в каждом отдельном случае с утверждения райзо.

Закрепление состава бригадиров, недопущение их частой смены, подготовка проверенных и опытных кадров бригадиров было одним из наиболее необходимых мероприятий в деле укрепления постоянной производственной бригады в колхозах.

Колхозный бригадир организует работу внутри бригады на основе производственных заданий правления и председателя колхоза, дает ежедневные указания членам бригады о производстве тех или иных работ, причем организует такое распределение работы между колхозниками, которое позволяет лучше всего использовать каждого колхозника, учитывая его трудовую квалификацию, опыт и физическую силу. Он должен хорошо знать каждого члена своей бригады и при распределении работы исходить не из интересов кумовства и родственных отношений, а из интересов колхозного производства.

¹⁶⁾ Сборник «Колхозно-кооперативное законодательство» . с. 130, 1931 г.

¹⁷⁾ См. С. З. СССР, 1934 г., № 14, ст. 101.

¹⁸⁾ «Правда» от 6 февраля 1932 г.

¹⁹⁾ Сб. «Важнейшие решения по сельскому хозяйству», 1935 г., с. 437.

Постановлением коллегии НКЗ СССР от 31 мая 1933 года «Об укреплении бригад с постоянным составом колхозников» было запрещено кому бы то ни было без разрешения бригадира производить назначение на работу колхозников бригад, использование лошадей и инвентаря, закрепленных за бригадой²⁰). Бригадир несет полную ответственность за хозяйство бригады. Только бригадиром и через бригадира производятся все распоряжения внутри бригады.

Бригадир устанавливает ответственных лиц за выполнение каждой работы в бригаде, осуществляет контроль за выполнением порученной работы, производит начисление и запись трудодней в трудовые книжки колхозников, включенных в состав бригады, и т. д.

Установление единоначалия внутри постоянной производственной бригады, поднятие роли и авторитета бригадира ни в коем случае не означало образования самостоятельного бригадного хозяйства, изолированного от общеколхозного, не означало высвобождения бригадиров от руководства со стороны правления и председателя колхоза. Бригадир как должностное лицо, назначаемое правлением колхоза, осуществлял свою работу под руководством правления и его председателя, отчитывался перед ними и, следовательно, обязан был выполнять все законные распоряжения председателя колхоза и правления²¹).

Так создавалась и крепла основная, единственно правильная форма организации труда в колхозах — постоянная производственная бригада, еще более развившаяся и окрепшая в последующие периоды развития Советского государства.

²⁰) «С/х бюллетень Наркомзема СССР», 1933 г., № 14, с. 6.

²¹) См. Н. Д. Казанцев. «К вопросу об обязанностях и правах колхозного бригадира». Советское государство и право, 1934, № 3, стр. 79.

М. М. КИСЕНИШСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Проблема состава преступления является одной из центральных проблем науки уголовного права. Правильное представление о составе преступления, точное установление этого понятия имеет не только теоретико-познавательное, но и большое практическое значение, является необходимым условием правильной квалификации преступлений, способствует успешному осуществлению социалистической законности. Однако, несмотря на такое большое значение этого понятия, в нашей литературе было допущено немало путаницы, и надо прямо сказать, что до сих пор еще нет полной ясности в этом вопросе. Особенно печален тот факт, что вопрос о составе преступления запутан в нашей учебной литературе, на которой воспитываются кадры нашей молодежи.

Так, в учебнике уголовного права (изд. 1943 г.) состав преступления определялся как «совокупность признаков, образующих данное преступление»¹⁾, хотя совершенно ясно, что состав преступления — это совокупность не всех, а наиболее существенных, главных, определяющих признаков, наличие которых свидетельствует об общественной опасности и наказуемости совершенного деяния. Из данного в учебнике определения совершенно непонятно, какую разницу видит автор между понятием состава преступления и понятием преступления. Между этими понятиями по существу ставится знак равенства. Это видно не только из приведенного определения, но и из дальнейшего изложения этого раздела учебника, поскольку в дальнейшем автор по существу анализирует признаки преступления, не показывая, в каком соотношении находятся эти признаки с понятием состава преступления. Не лучше обстоит дело и в последующем издании учебника (изд. 1948 г.), в который перенесено старое определение без каких-либо изменений²⁾.

Некоторые уточнения в понятие состава преступления внесли авторы макета учебника общей части уголовного права. Понятие состава преступления определяется здесь как «совокупность необходимых признаков, характеризующих конкретное общественно-опасное деяние»³⁾. Это определение выгодно отличается от предыдущих тем, что здесь говорится не вообще о совокупности каких-то или всех признаков, а о совокупности необходимых признаков. Однако и это определение недостаточно четко, поскольку, во-первых, здесь не подчеркнуто кем устанавливается эта совокупность признаков, и во-вторых, не указано для чего эти признаки являются необходимыми. Более того, из данного

¹⁾ Уголовное право. Общая часть, 1943, стр. 104.

²⁾ Уголовное право. Общая часть, 1948, стр. 282.

³⁾ Советское социалистическое уголовное право, ч. общая, М., 1950, стр. 118.

определения может сложиться представление, что речь идет не о тех признаках, которые характеризуют действие как общественно-опасное и наказуемое, а о каких-то других признаках общественно-опасного действия.

Более точное определение состава, предложенное авторами учебного пособия по общей части уголовного права (изд. 1952 г.), также не лишено недостатков.

Здесь состав преступления определяется как «совокупность признаков, характеризующих по советскому уголовному законодательству определенное деяние как преступление, т. е. как деяние, опасное для основ советского строя или социалистического правопорядка»⁴⁾. Недостатком данного определения является то, что авторы исключили из определения состава признаки, относящиеся к наказуемости совершенного деяния, что также представляется неправильным.

Основной причиной появления в нашей литературе неправильных определений понятия состава преступления является, с нашей точки зрения, отсутствие четкого представления о соотношении понятий преступления и состава преступления.

Понятие преступления и состава преступления, конечно, самым тесным образом связаны между собой и немислимы одно без другого. Но эти понятия все же разные, знак равенства между ними ставить нельзя, а уголовно-правовая наука должна дать четкие критерии для разграничения этих понятий.

В чем же разница между этими понятиями и каково соотношение между ними?

Преступление — это общественно-опасное действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее социалистический правопорядок. Таким образом, преступление — это конкретное действие или бездействие, обладающее многочисленными и самыми разнообразными признаками, характеризующееся большей или меньшей степенью общественной опасности. Преступление — это действие (бездействие) преступника, опасное для общества и требующее применения к нему мер уголовного наказания.

Что же такое состав преступления? Состав преступления — это, конечно, не действие преступника, а создание законодателя. Состав преступления — это установленная в законе совокупность признаков, характеризующих данное действие как общественно-опасное и наказуемое. Состав преступления создается законодателем, формулируется в законе и служит средством борьбы с преступлениями. Что служит основанием для создания состава и какую роль играет состав преступления? Основанием для создания составов служит совершение или возможность совершения действий, представляющих опасность для общества и государства. Иными словами: если бы в обществе не совершались те или иные преступления и не было бы опасности их совершения, или если действия не представляли бы общественной опасности, то не нужно было бы создавать и состава преступления, так как не с чем было бы бороться или незачем было бы с ними бороться уголовно-правовыми мерами. Создание состава происходит посредством отображения из целой массы признаков данных преступлений определенных, наиболее существенных признаков, наличие совокупности которых превращает данное действие в общественно-опасное и установление которых необходимо для возможности применения мер уголовного наказания. Состав преступления — это не просто правовое понятие о преступлении (так как правовое понятие о преступлении содержится в ст. 6 УК, кото-

⁴⁾ Советское уголовное право, ч. общая, М., 1952, стр. 163.

рая не формулирует состава преступления), а законодательная формула определенной группы преступлений, которая создается посредством объединения признаков, общих и характерных для данной категории преступлений. Состав преступления может быть сформулирован более подробно или менее подробно, содержать много различных признаков или в общей форме указывать на преступность тех или иных действий, но так или иначе состав преступления — это законодательное закрепление признаков, установление которых необходимо для возможности применения мер уголовного наказания. Вместе с тем, было бы неправильным представление, что состав преступления — это якобы голая форма, скелет, лишенный какого-либо конкретного социально-политического содержания. Состав преступления — это конкретное понятие, имеющее вполне определенное содержание. Для того, чтобы вскрыть общественно-политическое содержание состава преступления, для того чтобы не произошло отрыва формы от содержания, необходимо ясно представлять себе соотношение между понятием преступления и состава преступления. Содержание состава преступления образует воля господствующего класса, выражающаяся в признании определенных действий общественно-опасными и нуждающимися в применении наказания. Как уже указывалось выше, основанием для создания состава служит совершение или возможность совершения тех или иных общественно-опасных действий, и, таким образом, важнейший материальный признак преступления — общественная опасность служит основанием для создания конкретного состава преступления. С другой стороны, состав преступления, будучи созданным и сформулированным в законе, в дальнейшем играет определенную служебную роль — он служит средством для определения того, является ли то или иное действие преступлением или нет. Поскольку составы преступлений включают в себя признаки, характеризующие то или иное действие (бездействие) как общественно-опасное и наказуемое, то, следовательно, установление в действиях лица всех признаков состава свидетельствует об общественной опасности и преступности таких действий. Так, например, если доказано, что врач без уважительных причин не оказал помощи больному, хотя такой отказ мог иметь опасные для больного последствия, то поскольку в его действиях усматриваются все признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 157 УК РСФСР, его действие является общественно-опасным, т. е. преступным.

Отсюда видна связь, существующая между понятиями преступления и состава преступления. Важнейший материальный признак преступления — общественная опасность тех или иных действий служит основанием для создания состава конкретного преступления; с другой стороны, состав преступления, будучи созданным и сформулированным в законе, является тем практическим средством, которое помогает решить вопрос об общественной опасности и преступности тех или иных действий и тем самым помогает осуществлять борьбу с преступностью в нашей стране.

* * *

Широкому обсуждению в нашей литературе подвергался вопрос о составе преступления и основаниях уголовной ответственности. Следует, прежде всего, отметить, что понятие «основание уголовной ответственности» употребляется в нашей литературе в разных аспектах. Так, например, некоторые авторы пользуются этим понятием при решении проблемы детерминированности человеческого поведения и свободу человеческой воли рассматривают в качестве

основания уголовной ответственности (проф. Пионтковский⁵), проф. Герцензон⁶), проф. Маньковский⁷). Под основанием уголовной ответственности понимается здесь «право на наказание»: имеет ли государство право применять наказание к лицу при условии детерминированности его поведения, есть ли основание для привлечения лица к уголовной ответственности. Такая постановка вопроса вполне основательна, так как активная роль сознания человека является необходимой предпосылкой возможности применения наказания и может быть условно названа основанием уголовной ответственности. Однако в понятие «основания уголовной ответственности» вкладывается и другое содержание; а именно: за что лицо привлекается к уголовной ответственности. Проф. Пионтковский, например, решая проблему ответственности в этом плане, подчеркивает, что «в интересах дела, в интересах борьбы за укрепление социалистической законности следует последовательно проводить и в теории и в практике судебно-прокурорской работы основное положение советского материального и процессуального уголовного права — состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности...»⁸).

Мы остановились на различных аспектах этого понятия в связи с тем, что нередко различное содержание, вкладываемое в понятие основания уголовной ответственности, создает видимость различия во взглядах отдельных криминалистов даже там, где его по существу нет.

Так, например, проф. А. Н. Трайнин, помимо общего основания уголовной ответственности, которое он видит в наличии общественной опасности поведения, выделяет основания для применения наказания к конкретным лицам, которые он видит в вине (субъективное основание) и причинной связи (объективное основание)⁹). Это утверждение вызвало резкую критику позиции А. Н. Трайнина, который якобы рассматривает в качестве основания уголовной ответственности вместо состава преступления вину и причинную связь. На самом же деле различие во взглядах только видимое, поскольку проф. Трайнин вкладывает в данном случае в понятие основание уголовной ответственности несколько иное содержание. Под ним понимается не то, за что лицо привлекается к уголовной ответственности, а это понятие употребляется в смысле обоснования возможности применения наказания. Ведь мы привлекаем лицо к ответственности не за то, что оно предвидело (или могло предвидеть) наступление преступного результата, а только в том случае, если оно предвидело (или могло предвидеть) этот результат. То же самое и с причинной связью: мы привлекаем лицо к ответственности не за то, что его действия находятся в причинной связи с наступившим результатом, а за то, что его действия общественно-опасны и только тогда, когда имеется причинная связь. Только в этом случае применение наказания будет обосновано. Подтверждением этому может служить следующее положение из книги проф. Трайнина: «самостоятельно существующие и раздельно исследуемые, они (речь идет о вине и причинной связи — М. К.) вместе с тем составляют органическое целое, объективно

⁵) Уголовное право. Общая часть, 1943, стр. 144; изд. 1948, стр. 335.

⁶) А. А. Герцензон. Уголовное право, ч. общая, пособие для ВЮА, 1948, стр. 328.

⁷) Б. С. Маньковский. Проблема ответственности в уголовном праве, 1948, стр. 50, 52.

⁸) «Сов. государство и право», 1954, № 6, стр. 76. На этой же позиции стоит и Я. М. Брагин, см. «Сов. госуд. и право», 1954, № 7, стр. 69.

⁹) А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, 1951, стр. 92, 133.

и субъективно обосновывающее применение наказания в социалистическом государстве».¹⁰⁾

Разумеется, раньше чем решать вопрос о том, что является основанием уголовной ответственности, следует, прежде всего, договориться о содержании этого понятия, выяснить, что следует понимать под основанием уголовной ответственности и подходить к решению этого вопроса с одинаковых позиций. Если под основанием уголовной ответственности понимать то, за что лицо привлекается к уголовной ответственности, то, как нам представляется, не будет расхождений между советскими криминалистами, если мы будем утверждать, что основанием уголовной ответственности является совершение общественно-опасного деяния, преступления. Вот за что лицо привлекается к уголовной ответственности, вот что служит основанием для применения к нему мер уголовного наказания, вот что, следовательно, служит основанием уголовной ответственности.

Каково же соотношение между понятием состава преступления и основанием уголовной ответственности, правильно ли утверждение, что состав преступления является основанием уголовной ответственности?

Состав преступления сам по себе, разумеется, основанием уголовной ответственности быть не может, так как состав устанавливается в законе и служит средством борьбы с преступностью, а не основанием уголовной ответственности. Однако авторы, указывающие, что состав преступления является основанием уголовной ответственности, говорят, конечно, о другом: основанием ответственности является не сам по себе состав преступления, а установление в действиях лица признаков состава преступления. Но, поскольку установление в действиях лица признаков состава преступления свидетельствует об общественной опасности этого действия, получается, что основанием ответственности и является общественная опасность совершенного деяния.

**

Основные разногласия между советскими криминалистами имеют место по вопросу о соотношении общественной опасности и состава преступления. Повод к этим разногласиям дал проф. А. Н. Трайнин, который высказал мысль, что общественная опасность не является элементом состава преступления¹¹⁾ и что наличие состава не всегда и безусловно влечет уголовную ответственность¹²⁾. Рассмотрим эти положения автора несколько более подробно. Прежде всего, правильно ли утверждение автора, что общественная опасность не является элементом состава преступления? Это положение вызвало резкую критику со стороны ряда советских криминалистов¹³⁾. Критикуя эти положения, проф. А. А. Пионтковский и др. стоят, видимо, за признание общественной опасности элементом состава преступления. Посмотрим, выгодно ли эта точка зрения отличается от позиции проф. Трайнина? Нам представляется, что нет. Сведение важнейшей материальной характеристики преступления — общественной опасности до уровня других элементов состава, таких, как, например, способ действия, мотив деятельности лица и т. д., отнюдь не возвышает значения этого признака, а скорее принижает его. Кроме того, здесь получается и логическая неувязка: если состав — это совокупность признаков, характеризующих действие как общественно-опас-

¹⁰⁾ А. Н. Трайнин. Цитир. соч., стр. 133 (подчеркнуто нами—М. К.).

¹¹⁾ А. Н. Трайнин. Цитир. соч., стр. 81.

¹²⁾ Там же, стр. 331.

¹³⁾ См. «Сов. госуд. и право». 1952, № 8.

ное и наказуемое (что признает и проф. Пионтковский), то спрашивается, как может вся совокупность элементов быть приравнена к одному элементу, т. е. как часть может быть приравнена к целому? Правда, проф. Пионтковский в своей последней статье не называет общественную опасность элементом состава, а называет ее признаком состава. Однако это не меняет существа дела. Указывая, с одной стороны, что общественная опасность это—общественное свойство преступления¹⁴⁾ и, с другой, что это признак состава, автор впадает в неразрешимое противоречие: как можно свойство деяния в целом рассматривать в качестве одного из признаков преступления, хотя заведомо ясно, что это свойство (общественная опасность) характеризует всю совокупность признаков преступления.

Однако определенные противоречия усматриваются и в концепции проф. А. Н. Трайнина. Пытаясь придать общественной опасности гораздо большее значение, чем значение одного из элементов состава преступления и правильно указывая, что общественная опасность представляет собой уголовно-правовую характеристику действия (бездействия) в целом¹⁵⁾, проф. А. Н. Трайнин неосновательно, с нашей точки зрения, выводит общественную опасность за рамки состава преступления и объявляет ее предпосылкой, условием наказуемости¹⁶⁾, приравнивая, таким образом, общественную опасность к таким признакам, как вменяемость, достижение лицом определенного возраста и т. д. С этим положением проф. Трайнина не соглашается большинство советских криминалистов.

Как может общественная опасность находиться вне состава, когда она пронизывает весь состав и характеризует как ряд элементов состава, так и всю их совокупность в целом? Неужели непризнание общественной опасности элементом состава автоматически ведет к выводу ее за рамки состава? Выведение общественной опасности за рамки состава не только принижает значение общественной опасности, но выхолащивает основное содержание состава, его общественное свойство. Общественную опасность нельзя оторвать от состава так же, как ствол нельзя оторвать от дерева: нет ствола—нет и дерева.

С этих же позиций следует решать и вопрос о применении примечания к ст. 6 УК РСФСР. Если действие лица малозначительно и отсутствуют вредные последствия, то нет, следовательно, основного свойства преступления—общественной опасности, а раз нет общественной опасности, то нет и состава преступления, поскольку нужно ведь помнить, что состав преступления—это не просто совокупность голых признаков, а совокупность таких признаков, которые характеризуют действие как общественно-опасное и наказуемое, т. е. предполагается, что действие не малозначительно и наступили (или могли наступить) определенные последствия. Если же подойти к проблеме состава формально и наличие формальной совокупности признаков считать достаточным для признания преступности действий, то мы впадем в неразрешимое противоречие, и общественно-опасными станут самые разнообразные действия, не только не представляющие опасности, но являющиеся полезными для общества (хирургическая операция, применение меры пресечения к преступнику, осуществление акта необходимой обороны и т. д.).

¹⁴⁾ «Советское государство и право», 1954, № 6, стр. 73.

¹⁵⁾ А. Н. Трайнин. Цитир. соч., стр. 81.

¹⁶⁾ А. Н. Трайнин. Цитир. соч., стр. 86.

Несколько другая картина имеет место в случае применения ст. 8 УК РСФСР. Если в случае применения прим. к. ст. 6 УК, действие уже в момент совершения не содержало состава преступления, поскольку оно уже тогда не было общественно-опасно, то в случае применения ст. 8 УК действие лица в момент совершения было общественно-опасно и содержало признаки состава преступления.

Однако в момент расследования или рассмотрения его в суде действие в силу определенных обстоятельств потеряло характер общественно-опасного, почему наказание к лицу не применяется. Таким образом, если бы это действие было совершено в момент рассмотрения дела в суде, то состава преступления в его действиях не было бы, и мы не просто освободили бы его от наказания в силу ст. 8 УК, а либо вообще дело не возбуждали, либо прекратили бы его по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления.

**

С проблемой состава преступления самым тесным образом связан вопрос о применении аналогии. Некоторые авторы, в частности доктор юридических наук Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили, считают, что в случае применения аналогии имеет место исключение, когда происходит разрыв между общественной опасностью и противоправностью: общественно-опасное действие прямо не предусмотрено уголовным законом. Возражая против того, что состав преступления является единственным основанием ответственности, Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили в качестве доказательства правильности своей точки зрения как раз и ссылаются на случаи применения аналогии. «Такое исключение (речь идет об аналогии — М. К.), — пишут авторы, — расширяет уголовную ответственность за пределы состава преступления, установленного законом»¹⁷⁾.

Можно ли согласиться с указанной точкой зрения? По нашему мнению, нельзя. Разумеется, в случаях применения аналогии действие лица хотя и является общественно-опасным, но полностью не подпадает под признаки конкретного состава преступления. Но подрывает ли это общее правило об основаниях уголовной ответственности, можем ли мы считать, что в этом случае в действиях лица нет признаков состава преступления? По нашему мнению, нет. Правда, действие лица прямо не предусмотрено конкретной статьей, но оно подпадает под признаки сходного, аналогичного состава, который и применяется в данном случае. Конечно, случаи применения аналогии — это исключительные случаи, однако здесь имеет место исключение в технико-юридическом смысле (т. е. в смысле обычных технических правил применения уголовно-правовых норм), но не исключение по существу, так как общий принцип привлечения к ответственности только в случае, если действия лица подпадают под признаки состава преступления, не подрывается, а остается в силе. Ведь в случае применения аналогии мы привлекаем лицо к ответственности не по наитию, не вообще по какой-то или любой статье, а на законном основании, по определенной статье, которая предусматривает сходное по роду и важности преступление. Ведь если действие лица принципиально, по существу отличается от данного состава, то аналогия не применяется. Не можем же мы по аналогии привлечь лицо к ответственности по ст. ст. 79 или 175 УК РСФСР, если оно по неосторожности совершает повреждения государственного или общественного имущества или личного имущества граждан, поскольку эти статьи предусматривают ответственность за умыслен-

¹⁷⁾ «Советское госуд. и право», 1954, № 5, стр. 75.

ное совершение таких действий, а совершение их по неосторожности в корне меняет положение, и применение мер уголовного наказания не вызывается необходимостью. Не случайно также неприменима аналогия по субъекту, поскольку если законодатель предусматривает уголовную ответственность за те или иные действия при условии совершения их определенным субъектом (должностным лицом, военнослужащим и т. д.), то совершение таких же действий частным лицом в корне меняет картину, а «накал» общественной опасности падает до такой степени, что не требуется уголовно-правового вмешательства. Правило о том, что аналогия может применяться только в случае совершения общественно-опасных действий, уже само по себе говорит за то, что принципиальной существенной разницы между совершенными действиями и действиями, предусмотренными в законе, нет и поэтому говорить, что в случае применения аналогии имеет место исключение из общего правила, по нашему мнению, не следует. Наоборот, мы должны говорить о том, что институт аналогии покоится на твердом фундаменте состава преступления и не подрывает принципа социалистической законности и общих положений об основаниях уголовной ответственности.

**
*

Мы затронули лишь некоторые спорные вопросы учения о составе преступления. Широкое коллективное обсуждение проблемы состава преступления поможет внести ясность в этот важный раздел теории уголовного права, будет способствовать дальнейшему развитию уголовно-правовой науки и укреплению социалистической законности.

Кафедра уголовного права и процесса
Томского государственного университета
имени В. В. Куйбышева

В. Д. ФИЛИМОНОВ

СУДИМОСТЬ И ЕЕ ПОГАШЕНИЕ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

В нашей стране каждому советскому гражданину предоставлены большие демократические права и свободы. Осуществляя свои великие права, народы нашей страны достигли громадных успехов в деле строительства коммунистического общества. Выполнение намеченных партией и правительством мероприятий, направленных на претворение в жизнь исторических решений сентябрьского, февральско-мартовского, июньского, январского и июльского Пленумов ЦК КПСС, предполагает творческую инициативу масс, полное осуществление ими своих прав и обязанностей.

Ограничение в правовом положении гражданина СССР возможно лишь в строгом соответствии с советским законодательством. В связи с этим в науке советского уголовного права приобретает большое значение тщательная разработка вопросов судимости. Последняя возникает вследствие осуждения лица за совершенное преступление и влечет за собой некоторые ограничения в его правовом положении. До настоящего времени в науке советского уголовного права этим вопросам уделяется явно недостаточное внимание

1. Правильное представление о сущности судимости можно получить лишь на основе предварительного выяснения тех последствий, с которыми закон связывает признание лица судимым. Судимость влечет ограничения в правовом положении осужденного. Эти ограничения устанавливаются не произвольно, а имеют строго целевое назначение.

Признание лица судимым вносит изменения в избирательные права гражданина. Лишение активного и пассивного избирательного права есть мера наказания, предусмотренная пунктом «а» ст. 31 УК РСФСР. Однако ограничение в избирательном праве возможно и в силу имеющейся у лица судимости. Ст. 11 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик устанавливает, что не могут быть избраны в судьи и народные заседатели лица, имеющие судимость. Это установленное законом правило гарантирует народный суд от проникновения в его состав лиц, сознание которых заражено пережитками прошлого. Граждане нашей страны должны быть уверены, что их дела в случае надобности будут рассмотрены ничем не опороченными членами советского общества.

По советскому законодательству судимость может повлечь за собой лишение осужденного права занимать определенные должности. Так, согласно ст. 8 Положения об адвокатуре СССР, утвержденного поста-

новлением СНК СССР от 16 августа 1939 г. лица, имеющие судимость, не могут быть членами коллегии адвокатов.

В противоположность положению, имеющему место в странах капитала, в нашей стране человек, подвергшийся осуждению по приговору суда, не лишается возможности трудиться и получать вознаграждение за свой труд. Наоборот, Советское государство видит в труде серьезное воспитательное средство. Поэтому в нашей стране ограничения в приеме на работу лиц, имеющих судимость, сведены к минимуму. Они устанавливаются лишь в тех случаях, когда характер должности требует, чтобы она была занята человеком, пользующимся полным доверием со стороны социалистического государства и всего советского народа. На первой главной фазе развития нашего государства, в условиях существования эксплуататорских элементов, такие ограничения устанавливались шире, чем в настоящее время. Это было вызвано стремлением классовых врагов подорвать могущество государства трудящихся, извратить деятельность его органов и учреждений. На второй главной фазе развития нашего государства, после ликвидации эксплуататорских элементов города и деревни, положение изменилось. Поэтому постановление Комиссии Советского Контроля при СНК СССР «О рассмотрении жалоб трудящихся», утвержденное СНК СССР 30 мая 1936 г., предложило «прекратить увольнения и отказ в приеме на работу советскими, хозяйственными и другими организациями по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т. п., поскольку это не предусмотрено специальными законами»¹⁾).

Большое значение имеет судимость лица при квалификации преступления и при определении преступнику наказания. Согласно ст. 47 п. «в¹») УК РСФСР, судимость, кроме тех случаев, когда она погашена истечением установленных в законе сроков, а также кроме тех случаев, когда лицо считается несудившимся в силу истечения сроков давности (ст. 15 УК РСФСР), считается обстоятельством, отягчающим ответственность преступника. Гуманизм советского уголовного права находит свое выражение, в частности, в установленном в этой же статье правиле, которое предоставляет суду право, в зависимости от характера первого преступления, не признавать за ним значения отягчающего обстоятельства. В целом ряде случаев судимость лица за первое преступление имеет значение обстоятельства, влияющего на квалификацию нового преступления. Так, например, хищение социалистического имущества будет считаться повторным и квалифицироваться по ст. 2 или 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» лишь в том случае, если не погашена судимость лица за первое хищение. Это правило, конечно, не распространяется на те случаи, когда виновный в хищении не был осужден за первое преступление и не истекли сроки давности уголовного преследования, предусмотренные ст. 14 УК РСФСР.

Точно так же убийство может быть квалифицировано по п. «б» ст. 136 УК РСФСР, если не истекла судимость лица за совершенное ранее убийство или за нанесение телесных повреждений. Это правило также не распространяется на те случаи, когда за первое преступление лицо не было осуждено и не истекли сроки давности уголовного преследования.

¹⁾ Основные законодательные акты о труде рабочих и служащих, Госюриздат, 1953, стр. 8.

Признание лица судимым может влечь и другие последствия юридического характера, например, ограничение в прописке.

II. Судимость, как и все другие институты советского уголовного права, имеет целью борьбу с преступностью в нашей стране, ликвидацию пережитков капитализма в сознании отсталых граждан СССР. Судимость играет определенную роль и в воспитании устойчивых граждан нашей страны в духе коммунистической морали.

Судимость выполняет эти задачи различными способами.

Прежде всего, социалистическое государство после отбытия осужденным наказания посредством признания лица судимым ставит его в такие условия, которые значительно затрудняют совершение с его стороны нового преступления (например, осужденного за растрату не принимают на материально-ответственную должность).

Таким образом, Советское государство охраняет социалистические общественные отношения от возможных посягательств на них. Государство имеет полное право меньше доверять человеку, который хотя бы один раз совершением общественно-опасного деяния противопоставил свои личные интересы интересам всего советского общества. Лишь окончательный возврат к честной жизни может вернуть ему полное доверие советского народа.

В большинстве случаев лица, подвергшиеся наказанию по приговору советского суда, перевоспитываются и впредь не совершают преступлений. Об этом свидетельствует неуклонное сокращение преступности в нашей стране. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» говорится: «В результате упрочения советского общественного и государственного строя, повышения благосостояния и культурного уровня населения, роста сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга укрепились законность и социалистический правопорядок, а также значительно сократилась преступность в нашей стране».

Но иногда встречаются лица, которые даже после осуждения их советским судом снова совершают общественно-опасные действия. Правила о повторности совершения преступления, тесно связанные с существованием в советском уголовном праве института судимости, помогают ликвидировать наиболее закоренелые пережитки капитализма в сознании отсталой части нашего населения.

Признание лица судимым, как мы видели, сопряжено с известными ограничениями в его правовом положении. Это оказывает большое моральное воздействие на человека, особенно, когда он, окончив отбывать наказание, находится среди полноправных советских людей.

Нежелание претерпевать юридические последствия, связанные с признанием лица судимым, оказывает известное предупредительное воздействие как на того, кто совершил преступление (предупреждает повторное совершение преступления с его стороны), так и на остальных неустойчивых советских граждан. Предупредительное воздействие судимости в этом последнем случае проявляется особенно сильно в отношении лиц, сознание которых заражено пережитками капитализма, обыкновенно порождающими преступления сравнительно небольшой общественной опасности.

Большое значение имеет институт судимости в воспитании бдительности у советских граждан в отношениях с лицами, совершившими преступление. Известная настороженность в отношениях с осужденными обеспечивает охрану интересов социалистического государства, советских граждан.

С другой стороны, судимость обращает на него внимание советских и общественных организаций, которые оказывают на него индивидуаль-

нсе воспитательное воздействие и тем самым помогают ему стать человеком, достойным нашей советской эпохи.

III. Судимость, как мы видим, во многом напоминает наказание. Это сходство особенно резко бросается в глаза, когда наказание выражается в лишении осужденного права занимать определенную должность, лишение избирательного права и т. п. Наказание в этом случае отличается от аналогичных проявлений судимости, прежде всего, тем, что при наказании осужденный, как правило, уже обладает благом, которого он лишается (например, обладает правом занимать определенную должность), тогда, как судимость часто лишает осужденного лишь возможного блага, на право пользования которым лицо может быть никогда и не претендовало.

Но это не единственное отличие судимости от наказания. Несмотря на то, что судимость, так же, как и наказание, в конечном итоге есть следствие преступления, признание лица судимым не связано исполнением наказания. Наказание может быть еще не исполнено, а лицо уже считается судимым. Наконец, наказание может быть даже еще и не начинало приводиться в исполнение (например, при отсрочке исполнения наказания), а лицо уже считается судимым. Судимость не может быть признана и правовым последствием наказания.

Правовая природа судимости не подвергалась специальному рассмотрению в науке советского уголовного права. Однако попутные указания в этом отношении мы находим в работах советских криминалистов. Так, проф. Дурманов в работе «Понятие преступления» пишет: «...в отношении мер наказания, стоящих на грани с иными мерами принуждения, можно говорить о качественном отличии первых, в частности, они создают правовые последствия, например, судимость, неизвестные другим мерам»²⁾.

Мы не согласны с проф. Дурмановым. Судимость не может быть признана правовым последствием мер уголовного наказания. На первый взгляд может показаться, что такое утверждение ничем не может быть обосновано: срок признания лица судимым определяется размерами наказания, а в тех случаях, когда сроки исполнения различных наказаний совпадают, большое значение при определении срока признания лица судимым приобретает характер наказания.

Например, при наказании в один год ИТР срок признания лица судимым будет равен четырем годам (один год исполнения наказания + три года погашения судимости), а при наказании в один год лишения свободы срок признания лица судимым будет равен семи годам (один год исполнения наказания + шесть лет погашения судимости).

Мера наказания при определении срока признания лица судимым имеет в данном случае техническое значение. В ст. 47 УК РСФСР говорится:

«Основным вопросом, подлежащим разрешению в каждом отдельном случае, является вопрос об общественной опасности рассматриваемого преступления». На решении этого вопроса построен принцип индивидуализации наказания и основано определение срока погашения судимости. Установив общественную опасность совершенного лицом преступления, суд определяет ему конкретное наказание. При вычислении же срока погашения судимости суду нег надобности поднимать уже решенный вопрос: вынесенное наказание — удобная мера для определения этого срока. Правильность вывода о том, что мера наказания при определении срока погашения судимости имеет техническое значение, подтверждается и указаниями Пленума Верховного Суда СССР. В судебной

²⁾ Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, изд. АН СССР, 1948, стр. 193.

практике возник вопрос: когда погашается судимость граждан, приговоренных к исправительно-трудовым работам. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 10 февраля 1940 г., отметив, что по смыслу ст. 13 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик исправительно-трудовые работы являются более мягким наказанием по сравнению с лишением свободы, указал: «Такой вывод подтверждается также указанием ст. 29 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, согласно которым зачет предварительного заключения определяется из расчета трех дней исправительно-трудовых работ за один день лишения свободы... Поэтому при разрешении вопроса о погашении судимости суды должны руководствоваться тем, что осужденные к исправительно-трудовым работам до одного года включительно признаются не имеющими судимости по истечении трех лет со дня отбытия наказания, если они в течение этого времени не совершили нового преступления»³⁾.

В советском уголовном праве нет просто судимости, а есть судимость за определенное преступление. Два преступника могут быть подвергнуты одинаковому наказанию, однако их судимость может по-разному сказаться на правовом положении каждого из них.

Правовое положение осужденного за кражу социалистического имущества отличается от правового положения осужденного за кражу имущества, принадлежащего на праве личной собственности гражданам, хотя меры наказания, которым они подвергнуты за совершенные преступления, могут совпадать. Различие в их правовом положении станет явным, если в будущем каждый из них совершит хищение социалистического имущества. Первый будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 2 или 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4/VI—1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а второй — по ст. 1 или 3 этого же Указа, конечно, если в его действиях не будут установлены, кроме повторности, другие квалифицирующие хищение обстоятельства. Таким образом, хотя практически срок судимости определяется размером наказания, правовые последствия, связанные с признанием лица судимым определяются характером преступления. В связи с этим можно было бы сделать вывод, что судимость есть правовое последствие преступления. Однако правильнее считать судимость правовым последствием осуждения лица к какой-либо мере наказания за конкретное преступление. Такой вывод определяется тем, что совершенное лицом преступление удостоверяется приговором суда. Факт осуждения лица судом при решении вопроса о судимости лица имеет, прежде всего, доказательственное значение. Пока суд на основе глубокого изучения обстоятельств дела не придет к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, нельзя утверждать, что это лицо совершило преступление.

Кроме того, факт осуждения лица к какой-либо мере наказания есть свидетельство того, что для воспитания преступника необходимы меры уголовно-исправительного характера. Если суд придет к выводу, что для перевоспитания осужденного не обязательно применять меры уголовно-исправительного характера или убедится в том, что к осужденному вообще нет надобности применять меры воспитательного воздействия, он может на основании ст. 8 УК РСФСР освободить осужденного от наказания. При применении ст. 8 УК РСФСР судимость не возникает. Таким образом, лицо признается судимым лишь в случае осуждения его к какой-либо мере наказания.

³⁾ Цит. по УК РСФСР, постатейные материалы, 1953, стр. 90—91.

IV. Срок признания лица судимым начинает течь с момента вступления приговора в законную силу. Он складывается из 2-х отрезков времени — из времени исполнения наказания (от момента вступления приговора в законную силу до момента освобождения от наказания) и времени, истечение которого после освобождения от наказания необходимо для погашения судимости.

Срок погашения судимости установлен в ст. 55 УК РСФСР. Согласно этой статье, «не имеющими судимости признаются:

а) лица, по суду оправданные⁴⁾;

б) лица, условно-осужденные, которые в течение назначенного судом испытательного срока не совершили нового, не менее тяжкого, преступления;

в) лица, приговоренные к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев или ко всякой иной, более мягкой мере социальной защиты, которые в течение трех лет со дня отбытия примененной к ним соответствующей меры социальной защиты не совершили нового, не менее тяжкого преступления, а равно приговоренные к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, но не более трех лет, которые не совершили нового, не менее тяжкого преступления в течение шести лет».

Правила исчисления сроков погашения судимости, закрепленные в ст. 55 УК РСФСР, были установлены на основании ст. 10¹. Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик. Однако редакция ст. 10¹ Основных начал отличается от редакции ст. 55 УК РСФСР. В ст. 10¹ Основных начал говорится: «Не имеющими судимости признаются:

а) лица, по суду оправданные;

б) лица, условно-осужденные, которые в течение назначенного судом испытательного срока не совершили нового преступления;

в) лица, приговоренные к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев или ко всякой иной, более мягкой, мере социальной защиты, которые в течение трех лет со дня отбытия примененной к ним соответствующей меры социальной защиты не совершили нового преступления, а равно приговоренные к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, но не более трех лет, которые не совершили нового преступления в течение шести лет»⁵⁾.

В то время, как статья 10¹ Основных начал ставит условием погашения судимости, несовершение в течение указанных в статье сроков любого преступления, ст. 55 УК РСФСР, а равно и соответствующая статья УК Таджикской ССР, ставят в качестве такого условия несовершение не менее тяжкого преступления. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 10 февраля 1940 г. указал, что так как, согласно ст. 20 Конституции СССР, общесоюзный закон в случае расхождения его с законом республиканским имеет преимущество, суды при решении вопроса о погашении судимости должны руководствоваться требованиями ст. 10¹ Основных начал уголовного законодательства, согласно которой погашение судимости происходит по истечении установленных сроков, если в течение этих сроков осужденным не будет совершено любого нового преступления.

Первоначально установленный срок течения судимости может впоследствии измениться. Досрочное освобождение от наказания влечет сокращение срока признания лица судимым. Наоборот, если осужденному была предоставлена отсрочка исполнения наказания (по болезни, в силу

⁴⁾ Прав был проф. М. М. Исаев, когда писал, что это упоминание закона совершенно излишне. (Уголовное право, часть общая, 1948 г., стр. 567).

⁵⁾ Судимость лиц, которые были приговорены к лишению свободы сроком свыше трех лет, может быть погашена актом амнистии или помилования.

примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР) срок признания лица судимым соответственно удлиняется. Следовательно, срок течения судимости может изменяться в процессе исполнения наказания. В силу каких причин это происходит, мы укажем позднее.

V. Что же такое судимость по советскому уголовному праву?

В «Юридическом словаре» судимость определяется следующим образом: «Судимость — правовое состояние, созданное для лица фактом осуждения его судом к какой-либо мере наказания за совершение преступления»⁶⁾.

В других работах советских криминалистов мы определений судимости не находим.

Понятие судимости, содержащееся в «Юридическом словаре», с нашей точки зрения, может служить основой при определении судимости. В целом оно правильно раскрывает юридическую природу судимости. Представляется необходимым внести в него лишь следующие коррективы:

1) Хотя бы в общей форме раскрыть содержание «правового состояния» лица, признанного судимым;

2) указать, что правовые последствия, связанные с признанием лица судимым, определяются характером совершенного им преступления. Выше мы уже отмечали, что нет просто судимости, есть судимость за конкретное преступление;

3) отметить, что судимость создается у лица фактом осуждения его советским судом. Осуждение гражданина за границей, буржуазным судом, реакционная сущность которого давно вскрыта марксистско-ленинской теорией, не может порождать судимость с точки зрения советского уголовного права.

Исходя из вышеизложенного, можно следующим образом определить судимость: судимость по советскому уголовному праву есть поражение определенных, установленных законом прав, созданное для лица фактом осуждения его советским судом к какому-либо наказанию за конкретное преступление.

**

I. Институт погашения судимости возник в советском праве не сразу после образования социалистического государства. Ни в УК РСФСР 1922 г., ни в первоначальной редакции Основных начал не содержалось никаких правил погашения судимости. Не предусматривали погашения судимости и издаваемые в первые годы после революции и акты Советского государства об амнистии. Наоборот, само применение амнистии часто ставилось в зависимость от того, имеет ли лицо судимость за ранее совершенное преступление или нет. Так в декрете ВЦИК от 1 мая 1920 г. об амнистии говорилось, что амнистия не распространяется, в частности, на спекулянтов, имеющих более одной судимости⁷⁾. В инструкции о порядке применения амнистии к четвертой годовщине Октябрьской революции, изданной НКЮ, указывалось, что в отношении применения ст. 10 Декрета ВЦИК от 4 ноября 1921 г. «Об амнистии», которой предусматривалось право в отдельных случаях возбуждать перед Президиумом ВЦИК ходатайство о неприменении амнистии к отдельным лицам, освобождение коих может представлять опасность для республики, распределительным комиссиям следует руководствоваться «как тяжестью совершенного заключенным преступления, так и сведениями о его прежней судимости»⁸⁾.

⁶⁾ Юридический словарь, М., 1953, стр. 675.

⁷⁾ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917—1952, М., 1953, стр. 72.

⁸⁾ Там же, стр. 112 (Подчеркнуто мной — В. Ф.).

Декрет ВЦИК от 2 ноября 1922 г. «Об амнистии к пятой годовщине Октябрьской революции» в ст. 5 также указывал, что амнистия не распространяется, в частности, на лиц, осужденных за повторное совершение каких-либо преступлений, за которые осужденный уже отбыл ранее наказание⁹⁾.

Действующие в настоящее время правила погашения судимости впервые были провозглашены декретом ВЦИК и СНК 9 февраля 1925 г. «О дополнении ст. 37 Уголовного кодекса». В этом декрете говорилось: «Если в течение назначенного судом испытательного срока условно осужденные не совершат тождественного или однородного преступления, или какого-либо другого преступления, влекущего за собой лишение свободы, приговор суда считается утратившим силу, и условно осужденный признается лицом не судившимся.

То же положение применяется к осужденным к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев или ко всякой другой, более мягкой мере социальной защиты, если в течение трех лет со дня вступления приговора в законную силу они не совершат какого-либо другого преступления, а также и к осужденным к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, но не более трех лет, если они не совершат другого преступления в течение шести лет»¹⁰⁾.

Это, однако, не значит, что до февраля 1925 года судимость лица никогда, ни при каких условиях не могла быть погашена.

В «Докладе о работе УКК по делам, поступившим от главсудов, облсудов и губсудов за 1924 г. в кассационном порядке и в порядке надзора» говорилось: «...если осужденный в прошлом был осужден условно и в продолжение испытательного срока нового преступления не совершил, то указание на судимость в приговоре совершенно излишне»¹¹⁾. Таким образом, если преступник был осужден условно и в течение испытательного срока не совершил другого преступления, его судимость считалась погашенной и до 1925 года. Но кроме этого случая других правил погашения судимости в первые годы существования нашего государства не было. Советское государство существовало еще слишком короткий срок, поэтому даже для осужденных в первые два года Советской власти было рано ставить вопрос о сроках погашения судимости. Впоследствии, когда известная часть осужденных не только отбыла наказание, но и прожила некоторое время после этого с пятном судимости, Советское государство установило сроки, по истечении которых лицо считалось несудимым. У то же время следует отметить, что значительная часть правонарушителей из трудящихся имела возможность снять судимость и в первые годы существования нашего государства, так как в этот период советские суды, наказывая их, применяли в широких размерах условное осуждение, о чем прямо сказано в Программе Российской Коммунистической партии (большевиков), принятой на VIII съезде РКП(б) в 1919 г. При условном же осуждении, как мы видели, судимость могла быть погашена.

Другой причиной того, что в первые годы Советской власти погашение судимости, кроме случаев условного осуждения, не осуществлялось, являлось тяжелое внутреннее и внешнее положение молодой советской республики. Установление в этих условиях широких возможностей погашения судимости могло принести ущерб социалистическому государству.

⁹⁾ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917—1952, М., 1953, стр. 149, 150.

¹⁰⁾ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР 1917—1952, М., 1953, стр. 195.

¹¹⁾ Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР (январь 1925—май 1926). Юриздат, М., 1927, стр. 30.

1925 год был годом, завершающим период восстановления народного хозяйства. Упрочилось внутреннее и внешнее положение молодой советской республики. Появилась возможность установить в законодательном порядке сроки погашения судимости для лиц, совершивших преступления. Постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. в Основные начала была введена ст. 10¹, установившая условия погашения судимости для всех граждан СССР. На основании этой нормы УК РСФСР 1926 г. закрепил аналогичное правило в ст. 55. Со времени издания ст. 10¹ Основных начал уголовного законодательства Советское государство часто снимает судимость с осужденных и путем включения соответствующих пунктов в акты об амнистии, а также путем издания специальных постановлений. Так, снятие судимости с определенных категорий осужденных было предусмотрено в актах об амнистии от 2 ноября 1927 г. (амнистия в ознаменование десятилетия Октябрьской революции), от 24 января 1938 г. (амнистия в ознаменование 20-летия Рабоче-Крестьянской Красной Армии), от 7 июля 1945 г. (амнистия в связи с победой над гитлеровской Германией), от 27 марта 1953 г., постановлением ЦИК и СНК от 29 июля 1935 г. «О снятии судимости с колхозников», Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. «О снятии судимости с бывших заключенных, добровольно оставшихся после отбытия срока наказания для работы на строительстве канала Волга—Москва».

II. Судимость вводит ограничения в правовое положение лица и является результатом признания советским судом наличия в сознании осужденного закоренелых пережитков капитализма, нашедших выражение в совершенном им преступлении. Надобность в признании лица судимым, очевидно, отпадает по мере искоренения из сознания осужденного этих пережитков прошлого. Это служит основанием существования в советском уголовном праве института погашения судимости.

Совершенно правильно указывает проф. Дурманов: «Если в течение известного срока времени после отбытия наказания осужденный не совершит нового преступления, то, следовательно, цель исправления и перевоспитания преступника может считаться в полной мере достигнутой и потому допустимо снять с этого человека судимость. Таким образом, постановление закона о погашении судимости вытекает из принципа социалистического гуманизма, которым проникнуто все советское уголовное право»¹²).

Перевоспитание преступника происходит в процессе исполнения наказания. Однако конец исполнения наказания, кроме случаев условного осуждения¹³), не совпадает с окончанием срока судимости. Некоторый промежуток времени, разделяющий момент окончания исполнения наказания от момента окончательного погашения судимости, обусловлен, главным образом, стремлением Советского государства обеспечить охрану социалистических общественных отношений на случай, если наказание оказалось недостаточным для перевоспитания осужденного.

Срок признания лица судимым удлиняется, если осужденному была предоставлена отсрочка исполнения наказания. Такое положение вполне объяснимо. Поскольку в период отсрочки осужденный не подвергался исправительному воздействию наказания, постольку не было основания для погашения судимости.

¹²) Н. Д. Дурманов. Давность и погашение судимости, библиотека народного судьи и народного заседателя, Юриздат, НКЮ СССР, М., 1939, стр. 4. См. также его обзор изменений «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1924—1937 гг.)», «Социалистическая законность», 1938, № 4, стр. 30.

¹³) Мы считаем более правильной ту точку зрения, которая рассматривает условное осуждение как вид наказания, а не как отсрочку применения наказания.

Из сказанного можно сделать вывод, что погашение судимости есть правовое последствие исполнения наказания. Этой же точки зрения, по видимому, придерживается и проф. Герцензон, который указывает: «Основания института реабилитации в советском уголовном праве лежат в системе исправительного воздействия на осужденных, которое в сочетании с карой обуславливает широкие возможности приспособления к условиям трудового общежития лиц, отбывших наказание»¹⁴⁾.

Возникает вопрос, как в таком случае должен решаться вопрос о погашении судимости при применении ст. 15 УК РСФСР.

В ст. 15 УК РСФСР говорится: «Обвинительный приговор не приводится вовсе в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение десяти лет со дня вынесения приговора».

Как правильно указывает Т. Л. Сергеева: «Поскольку лицо в свое время было осуждено и ему было назначено определенное наказание, тем самым одновременно возникла и судимость данного лица»¹⁵⁾. Следует прийти к выводу, что истечение сроков давности приговора не может рассматриваться как обстоятельство, погашающее судимость. В противном случае могло бы создаться ничем не объяснимое положение: одно лицо, отбывшее наказание в виде 5 лет лишения свободы и таким образом подвергнутое исправительному воздействию, будет считаться судимым всю свою жизнь, если только его судимость не будет погашена актом амнистии или помилования; другое же лицо, приговоренное к 15 годам лишения свободы, но не подвергнутое наказанию, по истечении 10 лет со дня вступления приговора в силу будет считаться несудимым.

Если приговор не был приведен в исполнение, течение сроков, погашающих судимость (ст. 55 УК РСФСР) должно начинаться по истечении десяти лет со дня вступления приговора в законную силу. Основанием погашения судимости в этом случае будет безупречное поведение осужденного в течение длительного времени (10 лет). Если в течение всего этого периода им будет совершено хотя бы одно преступление, то это будет значить, что сознание осужденного не освободилось от пережитков прошлого, толкающих его на совершение общественно-опасных действий и что для искоренения их необходимы меры уголовно-исправительного воздействия. Судимость в этом случае за первое преступление не должна погашаться.

Вопрос о погашении судимости лиц, досрочно освобожденных от отбывания наказания, в настоящее время регулируется постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 20 марта 1953 г. в редакции 17 сентября 1954 г. «Об условиях погашения судимости для осужденных, освобожденных от наказания до истечения срока, установленного приговором». Согласно этому постановлению, «в том случае, когда осужденный освобождается от дальнейшего отбывания наказания по амнистии без снятия судимости или определением об условно-досрочном освобождении, сроки, погашающие судимость, должны исчисляться, исходя из размера наказания, фактически отбытого ко дню издания акта об амнистии или вынесения определения об условно-досрочном освобождении. С этого же времени начинается течение сроков, погашающих судимость»¹⁶⁾.

Это правило исчисления сроков погашения судимости вполне согласуется с тем положением, что погашение судимости есть правовое последствие исполнения наказания.

¹⁴⁾ А. А. Герцензон. Уголовное право, часть общая, изд. РИО ВЮА, М., 1948, стр. 485, 486.

¹⁵⁾ Т. Л. Сергеева. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, изд. АН СССР, 1950, стр. 161.

¹⁶⁾ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1951, № 6, стр. 5.

Советский суд определением об условно-досрочном освобождении лишь тогда освобождает лицо, совершившее преступление, от дальнейшего отбытия наказания, когда приходит к выводу, что применение к нему всего наказания не вызывается необходимостью, что осужденный быстрее перевоспитывается, чем первоначально предполагал суд, назначая наказание. В таких случаях имеются все основания считать, что осужденный и впредь будет перевоспитываться ускоренными темпами. Если во время определенного срока после досрочного освобождения от наказания осужденный не совершит нового преступления, можно придти к выводу, что доверие к нему суда оправдывается. Появляется основание и для сокращения срока течения судимости. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР и предложил при условно-досрочном освобождении от наказания определять срок погашения судимости, исходя из размера наказания, фактически отбытого осужденным ко времени вынесения определения об условно-досрочном освобождении, и с этого же времени исчислять начало течения сроков, погашающих судимость.

Что же касается оснований сокращения сроков погашения судимости при освобождении от наказания в силу издания акта об амнистии, то они тесно связаны с мотивами издания самого акта амнистии. Эти мотивы могут быть аналогичны тем, которыми руководствуется суд при вынесении определения об условно-досрочном освобождении.

Таким же образом объясняется и второе правило исчисления срока погашения судимости, установленное в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 20 марта 1953 г. в редакции 17 февраля 1954 г. Это правило сформулировано следующим образом:

«Если установленное приговором наказание снижено актом амнистии или определением вышестоящего суда, а также определением об условно-досрочном освобождении, условия погашения судимости, установленные ст. 55 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, применяются, исходя из сниженной меры наказания, а не той, которая была назначена приговором. Течение срока, установленного для погашения судимости, начинается со дня отбытия осужденным сниженной меры наказания»¹⁷⁾.

Это правило отличается от предыдущего тем, что оно предусматривает случаи не освобождения от дальнейшего отбытия наказания, а снижения наказания по сравнению с первоначально назначенным.

Иначе предлагает Пленум Верховного Суда СССР исчислять сроки погашения судимости в третьем правиле, сформулированном в постановлении от 20 марта 1953 г. в редакции 17 февраля 1954 г. Вот это правило:

«Во всех остальных случаях досрочного освобождения от наказания (например, по болезни, по зачету и пр.) сроки, погашающие судимость, определяются из назначенного, а не фактически отбытого наказания; течение же срока, погашающего судимость, должно начинаться со дня фактического освобождения от наказания»¹⁸⁾.

Применение этого правила к случаям освобождения от наказания по зачету не вызывает возражений. Правила о зачете устанавливаются в тех случаях, когда исполнение наказания оказывает большее воспитательное значение по сравнению с обычным исполнением наказания, когда правила о зачете не находят применения. Усиленное воспитательное воздействие исполнения наказания является основанием для сокращения сроков течения судимости по сравнению с теми, которые исчислялись исходя из меры наказания, назначенной приговором суда.

¹⁷⁾ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1954, № 6, стр. 5.

¹⁸⁾ Там же.

Иное положение в случае досрочного освобождения от наказания по болезни. В освобождении преступника от наказания по болезни находит выражение гуманизм советского уголовного права. Сознание преступника в этом случае, как правило, не освобождается от пережитков прошлого. Поэтому, с нашей точки зрения, при таком досрочном освобождении от наказания нет оснований для сокращения срока течения судимости. Болезнь осужденного не может рассматриваться как фактор исправительного воздействия.

Как должен решаться вопрос о судимости в случае применения ст. 8 УК РСФСР? Ст. 8 УК РСФСР разрешает суду не применять к осужденному меру наказания, если к моменту рассмотрения дела действие, совершенное им, потеряло характер общественно-опасного или сам осужденный к указанному моменту не может быть признан общественно-опасным.

В советской юридической литературе установилось мнение, что в случае применения ст. 8 УК РСФСР судимости у лица не возникает¹⁹⁾. Такое решение вопроса представляется достаточно обоснованным.

Ст. 8 УК РСФСР предусматривает два случая, когда суду разрешается не применять к осужденному наказание:

- 1) когда осужденный к моменту рассмотрения судом его дела не может быть признан общественно-опасным;
- 2) когда действие, совершенное осужденным, к указанному моменту потеряло характер общественно-опасного.

В первом случае, в связи с тем, что лицо не является общественно-опасным, не возникает необходимости оберегать социалистические общественные отношения путем признания его судимым, так как едва ли можно утверждать, что со стороны этого лица в будущем возможны преступные действия.

К этому же по существу сводится и второй случай применения ст. 8 УК РСФСР. Если действие лица к моменту рассмотрения его дела потеряло характер общественно-опасного, значит и само лицо не может быть признано общественно-опасным.

В. И. Ленин писал: «...по каким признакам судить нам о ре а л ь н ы х «помыслах и чувствах» ре а л ь н ы х личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: о б щ е с т в е н н ы е д е й с т в и я личностей, т. е. с о ц и а л ь н ы е ф а к т ы»²⁰⁾. Отсюда следует, что если действия лица не носят характера общественно-опасных, «помыслы и чувства» этого лица не являются такими, которые требуют для их искоренения мер уголовно-исправительного характера, каковыми являются наказание и отчасти судимость.

III. Вопрос о том, как исчисляются сроки погашения судимости в случае отбывания осужденным основной и дополнительной мер наказания, решается следующим образом. Срок погашения судимости следует исчислять исходя из основной меры наказания. При таком решении вопроса на первый взгляд создается ничем не объяснимое положение. В тех случаях, когда, например, ссылка без исправительно-трудовых работ назначается в качестве основной меры наказания, судимость лица погашается по истечении трех лет со дня ее отбытия. Наоборот, если ссылка без

¹⁹⁾ См., например, Советское уголовное право, часть общая, 1952, стр. 594.; Т. Л. Сергеева. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, 1950, стр. 171.

²⁰⁾ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 385.

исправительно-трудовых работ назначается в качестве дополнительной меры наказания, она не оказывает никакого влияния на срок погашения судимости. В этом случае он исчисляется, исходя лишь из основной меры наказания.

Чем определяется такое решение вопроса?

Когда дополнительное наказание назначается в качестве самостоятельной меры воспитательно-принудительного воздействия, на него ложится основная тяжесть по исправлению преступника.

Иное положение создается в тех случаях, когда аналогичная мера наказания выступает в качестве вспомогательного средства воздействия на осужденного. Дополнительное наказание здесь имеет главным образом превентивное значение. В этом отношении весьма характерно то, что ссылка в качестве дополнительной меры наказания может быть назначена обязательно без исправительно-трудовых работ. В других случаях дополнительное наказание может иметь целью главным образом заглаживание причиненного преступником вреда (возложение обязанности загладить вред). Однако во всех случаях при вынесении приговора суд основную роль в деле исправления преступника отводит основной мере наказания. К тому же исполнение дополнительного наказания производится обыкновенно после того, как на осужденного уже оказано значительное воспитательное воздействие основной мерой наказания. Поэтому здесь нет основания для удлинения срока погашения судимости.

По тем же соображениям исчисление сроков погашения судимости должно производиться уже с того момента, когда осужденным отбита основная мера наказания. Так, например, если лицо было осуждено к двум годам лишения свободы и в качестве дополнительной меры наказания — к поражению в правах сроком на пять лет, то исчисление срока погашения судимости должно производиться, начиная с того дня, когда будет отбыто два года лишения свободы.²¹⁾ Таким образом, по нашему мнению, дополнительные наказания не должны оказывать влияния на размер срока признания лица судимым.

**
*

В настоящее время в связи с разработкой нового уголовного законодательства встает вопрос о целесообразности сохранения института судимости в советском уголовном праве. Некоторые советские криминалисты предлагают отказаться от него. Представляется, что такое неправильное мнение порождено недостаточной разработкой этого института в нашей юридической науке. В настоящей статье мы пытались сделать первые шаги в освещении положительной роли судимости. В наше время не существует причин, которые бы обуславливали ее ликвидацию. Можно ли серьезно говорить, что в современных условиях устарели, например, правила, не допускающие избрания судьями и народными заседателями лиц, только что вышедших из мест лишения свободы после отбытия наказания? Разве возникли какие-либо основания для приема таких лиц на работу в органы, призванные осуществлять советскую ре-

²¹⁾ Иная точка зрения высказана авторами Комментария УК РСФСР А. Трайниным, В. Меньшагиным, З. Вышинской. Они считают, что срок погашения судимости должен исчисляться с того момента, когда будет отбита как основная, так и дополнительная мера наказания. Однако их позиция ничем не аргументирована. См. А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, Юридат, М., 1946, стр. 62.

прессию? Следует также обратить внимание на то, что ликвидация института судимости существенно поколебала бы ныне действующие правила о повторности преступлений. В этом отношении последовательную позицию занимает законодательство стран народной демократии, которое обязательным условием наступления реабилитации лиц, совершивших преступления, ставит истечение определенных в законе сроков (См., например, ст. 60 УК Народной республики Болгарии, § 67 УК Чехословацкой Народной республики и др.).

Правильное решение этого вопроса в советском уголовном праве равно как и других вопросов, касающихся судимости и ее погашения, имеет очень большое значение, так как от успешного выполнения этой задачи во многом зависит наиболее полное осуществление советским уголовным правом стоящих перед ним задач.

Кафедра уголовного права и процесса
Томского государственного университета
имени В. В. Куйбышева

А. А. ЛЮБАВИН

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПОДСУДНОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Проблеме подсудности и вопросам судебной системы уделяется крайне недостаточное внимание в нашей юридической литературе, несмотря на то, что они имеют важное политическое, теоретическое и практическое значения.

С момента принятия ныне действующего УПК судебная система претерпела ряд изменений, многократным и существенным дополнениям подвергалось и законодательство о подсудности. Сейчас, в связи с подготовкой общесоюзного УПК, необходимо глубоко проанализировать причины, с которыми связаны изменения в подсудности, изучить и обобщить большой опыт советских судебных органов и тем самым оказать законодателю помощь в укреплении социалистической законности.

Четкое, политически целеустремленное, юридически обоснованное разграничение полномочий судов по рассмотрению уголовных дел гарантирует справедливое их разрешение учрежденным государством для этого судом, способствует наиболее скорому и всестороннему рассмотрению дела с учетом его конкретных особенностей и тем самым повышает воспитательное значение правосудия.

Правильное распределение дел между различными судебными органами обеспечивает наибольший эффект в борьбе с преступлениями при наименьших затратах государственных средств.

Не имея возможности в пределах настоящей статьи рассмотреть всю проблему в целом, мы остановимся лишь на наиболее общих вопросах — на понятии и видах подсудности, поскольку при изложении этих общих вопросов в нашей уголовно-процессуальной литературе допускаются весьма спорные и даже неправильные толкования.

Уяснение сущности института подсудности и его видов поможет, как нам представляется, правильному и последовательному решению частных вопросов проблемы.

Социалистический демократизм, как основной принцип советского государства, находит свое выражение в организации и структуре всех органов государственной власти, а также в конкретном распределении прав и обязанностей отдельных государственных органов, входящих в общую систему государственного механизма.

Отвергая пресловутую буржуазную теорию разделения и независимости властей — законодательной, исполнительной и судебной (которая, кстати сказать, никогда ни в одном буржуазном государстве не была и не могла быть осуществлена), советское государственное устройство исходит из четкого и последовательного разграничения функций государ-

ственной деятельности по руководству обществом. Каждый орган государственной власти выполняет определенную функцию, пользуется правом решения тех вопросов, которые законом отнесены к его ведению.

Суд, как и другие органы государственной власти, также обязан заниматься рассмотрением лишь дел, отнесенных к его ведению. Разграничение круга вопросов, подлежащих решению суда и других органов государственной власти называется подведомственностью. При помощи подведомственности определяется компетенция всех судебных органов.

Но правосудие, как функция, складывается из разбирательства и разрешения различных гражданских и уголовных дел и осуществляется не одним каким-либо органом, а целой системой судов Советского государства. Решение вопроса о подведомственности дела суду еще не дает ответа на то, каким судом конкретно должно быть решено дело. Из этого вытекает необходимость строго разграничить полномочия судебных органов с тем, чтобы каждый из них совершал лишь определенные заранее установленные законом акты правосудия. Объем всех прав и обязанностей судебного органа образует его компетенцию, а распределение конкретных дел внутри судебной системы для рассмотрения их по первой инстанции осуществляется при помощи подсудности. Компетенция и подсудность—это два близкие, родственные, соотносительные понятия и нередко в уголовно-процессуальной литературе употребляются как равнозначные одно вместо другого, но в действительности это не одно и то же. Отождествление подсудности и компетенции происходит вследствие того, что в термин «подсудность» вкладывается различное содержание, по-разному определяется это понятие.

Если под компетенцией суда общепринято понимать общий круг его деятельности, пределы и степень власти по совершению определенных действий, то с понятием подсудности дело обстоит сложнее. Толковые словари придают этому слову различные оттенки. Даль определяет подсудность как «подлежание, подчинение известной судебной власти в случае предания суду, как подведомственность суду». В словаре Ушакова подсудность это «круг дел, относящихся к ведению данной судебной инстанции».

В советской уголовно-процессуальной литературе под подсудностью обычно понимают «юридическое свойство дела — совокупность признаков, по которым оно подлежит рассмотрению того или иного суда»¹⁾, или просто «признаки, в силу которых дело подлежит рассмотрению в том или ином суде»²⁾. Такое понимание подсудности нам представляется не совсем правильным. Подсудность не есть признаки дела или только его свойство. Подсудность — это, прежде всего, свойство судебного органа, его право и обязанность на рассмотрение конкретного круга дел. Подсудность — это принадлежность дела суду, определяемая признаками дела, а не сами признаки или их совокупность.

Содержание и объем прав и обязанностей определяются законодателем в зависимости от положения суда (от его места в судебной системе, задач, компетенции и т. д.) и от свойств уголовных дел, точнее было бы сказать, от свойств преступлений (от степени их общественной опасности, места, времени совершения, объекта преступного посягательства и др. признаков).

Подсудность не является «свойством дела» не потому, что изменение подсудности может произойти без изменения свойств дела, как пи-

¹⁾ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 192.

²⁾ Б. А. Галкин и Н. Я. Калашникова. Советский уголовный процесс. М., 1953, стр. 113. Так же определяет и проф. М. С. Строгович. Уголовный процесс, 1946, стр. 81.

шет об этом Л. Н. Гусев³⁾), а потому, что свойство дела, его признаки — лишь часть оснований, определяющих подсудность наряду с признаками, характеризующими данный суд и его задачи в целом.

Например, до создания линейных судов транспорта все дела о преступлениях на транспорте рассматривались общими судами. После образования судов, имеющих задачей борьбу с преступлениями на транспорте, в ведение этих судов были переданы все уголовные дела о преступлениях, подрывающих правильную работу транспорта.

Исходя из задач конкретного судебного органа, законодатель указывает признаки дел, по которым определяется подсудность. Признаки дела лежат в основе определения подсудности, но не являются ею. То, что, например, действия обвиняемого квалифицированы по ст. 109 УК РСФСР, преступление совершено в таком-то месте и им причинен ущерб правильной работе железнодорожного транспорта — это еще не подсудность, а лишь основания, по которым определяется конкретный транспортный суд, уполномоченный законом на рассмотрение этого дела. Таким образом, признаки определяют принадлежность дела суду, но не являются подсудностью.

Определить подсудность — это значит установить полномочный на рассмотрение данного дела суд, т. е. выяснить, какой из судов советской судебной системы наделен правом и обязан рассмотреть дело.

Подсудность — это своего рода политический регулятор-распределитель, при помощи которого вся масса уголовных и гражданских дел направляется в надлежащие суды.

Подсудность так же, как и компетенция, право суда, но не всякое право, а лишь право на рассмотрение дела в судебном заседании в качестве суда первой инстанции. В этом смысле «подсудность» уже «компетенции». Поясним это примером: согласно ст. 21 Закона о судостроительстве, народный суд рассматривает: а) уголовные дела — о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства граждан — об убийствах, нанесении телесных повреждений и т. д., т. е. статья дает перечень дел, подлежащих рассмотрению в народном суде и тем самым определяет его предметную подсудность и одновременно раскрывает часть его компетенции. Но уже ст. 27 Закона о судостроительстве, определяющая **право** суда до рассмотрения дела в судебном заседании (т. е. также раскрывая его компетенцию), не имеет никакого отношения к подсудности.

Расширение подсудности всегда влечет расширение компетенции суда, но не наоборот. Так, например, вследствие передачи большинства дел о преступлениях, квалифицируемых по указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года в ведение народного суда увеличивает не только круг дел, рассматриваемых народным судом, но и увеличивает и право народного суда на применение наказания с 10 лет лишения свободы до 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Следовательно, расширение подсудности повлекло и расширение компетенции. Однако расширение прав народного суда, связанное, например, с восстановлением в 1934 г. ликвидированных ранее подготовительных заседаний по преданию суду, расширило компетенцию народных судов, но не оказало никакого влияния на подсудность.

Таким образом, хотя понятия «подсудность» и «компетенция» близки по своему содержанию, но не совпадают и поэтому не всегда могут быть употребляемы одно вместо другого. Понятие «компетенция» чаще всего употребляется в науке судостроительства, термин «подсудность» — в уголовном процессе. Однако это не означает, что подсудность чисто процессуальное понятие.

³⁾ Л. Н. Гусев. Подсудность уголовных дел. М., 1955. стр. 13.

Подсудность, как правовой институт, стоит на грани этих дисциплин и является общим связующим звеном законодательства о судоустройстве и уголовно-процессуальном законодательстве. Такое положение института подсудности обязывает учитывать при его изучении не только процессуальную сторону вопроса, но и судоустройственную, так как особо важная политическая роль подсудности раскрывается именно в ее судоустройственном значении.

Чрезвычайно большую роль институт подсудности приобретает тогда, когда различные виды судов, образующих судебную систему государства, имеют неодинаковую структуру, построены по разным принципам и используют различный процессуальный порядок.

Судебная система СССР построена на принципе единства суда и равенства всех граждан перед судом и законом. При рассмотрении дела в любом суде Советского государства обвиняемый имеет такие процессуальные права, использование которых гарантирует от неосновательного и несправедливого осуждения.

Исходя из задачи максимального приближения суда к населению и привлечения трудящихся к делу управления государством, советский законодатель чрезвычайно широко определяет пределы подсудности народного суда, выражая величайшее доверие тому суду, все члены которого избираются гражданами района всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

При распределении дел между судами Советское государство руководствуется задачей обеспечить наиболее справедливое разрешение дела надлежащим судом, обеспечить беспристрастность, полноту и быстроту при решении дела, что в конечном итоге усиливает воспитательное значение судебного процесса.

**

Для правильного отправления правосудия необходимо, чтобы уголовные дела рассматривались именно теми судами, к ведению которых они отнесены, так как самое строение суда, пределы установленной законом репрессии определяются в зависимости от свойства и тяжести преступлений. Государство предоставляет каждому судебному органу полномочия на рассмотрение лишь определенного круга дел, учитывая наличие необходимых объективных условий, которыми располагает этот суд для выполнения общих задач правосудия при разрешении им конкретного дела.

Несмотря на то, что все суды в СССР составляют единую систему, каждое звено имеет определенные отличия, в силу которых именно оно оказывается наиболее способным при данных обстоятельствах правильно выполнить карательно-воспитательную задачу правосудия. И поэтому именно этот орган, а не какой-либо другой, должен рассматривать дело.

Народный суд, например, обладает всеми средствами для установления истины по делу и определения степени социальной опасности преступления, но ему не предоставлено право назначения высшей меры наказания и поэтому, естественно, что он не может рассматривать дела о тех преступлениях, по которым возможен приговор к этой мере наказания. В других случаях специфика объекта преступного посягательства, обстановка, в которой совершено преступление, и степень социальной опасности самого преступника могут быть гораздо лучше и полнее познаны и оценены, если судебный орган построен применительно к этим особенностям и поэтому в таких случаях не народный суд, а суд специальный с большим успехом справится с задачей разрешения конкретного дела.

Правила о подсудности имеют серьезное значение и для обвиняемого, который вправе требовать компетентного суда. Нарушение под-

судности может быть связано с большим ущербом для обвиняемого, так как он может быть лишен возможности представления доказательств, лишен полного и всестороннего рассмотрения дела именно тем судом, который по закону обязан рассмотреть его. С этой стороны правила о подсудности гарантируют осуществление процессуальных прав обвиняемого и приобретают особо важное значение в связи с тем, что основная масса дел рассматривается народным судом, непосредственно связанным с местными условиями, учитывающим конкретную обстановку и особенности данного района и быта населения.

Кроме того, государство устанавливает самое количество судов в соответствии с предполагаемым числом дел. Нарушение законов о подсудности может повлечь неравномерность распределения дел между судами, в результате которой часть судов была бы перегружена делами и не смогла бы своевременно рассмотреть их, другая же часть судов работала бы мало вследствие незначительного количества поступающих дел. Следовательно, правила о подсудности способствуют наиболее всестороннему и скорому рассмотрению дел, в то же время дают возможность органам власти организовать осуществление правосудия при минимальной затрате народных средств.

И, наконец, соблюдение правил о подсудности имеет важное значение для наиболее эффективного выполнения воспитательной задачи правосудия. Рассмотрение дела судом по месту совершения преступления привлекает к себе больше внимания населения и оказывает на присутствующих в суде огромное воспитательное воздействие.

Учитывая эти положения, советский законодатель придает чрезвычайно серьезное значение соблюдению правил о подсудности. Суд в ряде случаев, помимо просьбы и желания сторон, обязан отменить приговор, вынесенный с нарушением подсудности, так как нельзя признать действительным приговор, вынесенный судом, который не признан законом полномочным на рассмотрение дела. Поэтому суд обязан с особым вниманием относиться к приему дел в свое производство. Суд вправе и даже обязан принять к своему производству подсудное ему дело, ибо отказ в его принятии—есть отказ в правосудии, что равносильно бездействию власти. В то же время принятие и рассмотрение судом дела, превышающего его полномочия, влечет за собой недействительность приговора, как постановленного с превышением власти. Ст. 419 УПК РСФСР, определяя последствия нарушения правил о подсудности судом первой инстанции, предписывает судам второй инстанции при кассационном рассмотрении дела безусловную отмену тех приговоров, которые вынесены с превышением предметной подсудности. Если же приговор вынесен с нарушением правил местной подсудности и по содержанию не вызывает сомнения в своей правильности, кассационная инстанция может оставить приговор в силе, однако она обязана указать нижестоящему суду «в порядке надзора» на неправильность его действий.

Вопрос о подсудности дела при поступлении его в суд решается самостоятельно тем судом, к которому оно поступило. Из акта о принятии дела к своему производству вытекает обязанность для сторон подчиняться решениям суда, ведущего это дело. Однако они вправе требовать надлежащего суда. Это право сохраняется за сторонами в течение всего процесса, вплоть до кассационного рассмотрения дела, за судом же—до того момента, пока он не приступил к проверке доказательств (ст. 39 УПК РСФСР). Правила, закрепленные ст. 39 УПК РСФСР, следует распространять лишь на нарушения местной подсудности или, как выражается закон, «когда дело подсудно какому-либо другому такому же суду» и не касается превышений предметной подсудности, поскольку рассматривающий дело суд в любом положении процесса обязан отка-

заться от рассмотрения дела, если он обнаружит, что превысил свои права. Такое решение непосредственно вытекает из ст. 419 УПК РСФСР, признающей необходимость отмены приговора, вынесенного судом с превышением власти.

Суд обязан в любой момент рассмотрения дела разрешить вопрос о нарушении правил о местной подсудности, если об этом поступили ходатайства сторон.

Решение суда о подсудности дела, поставленное в подготовительном заседании может быть опротестовано прокурором в вышестоящий суд. Обвиняемый, если он не согласен, обжалует это решение в форме заявления ходатайства в момент судебного рассмотрения дела в тот суд, который приступил к разбирательству дела по существу. Обвиняемый не может обжаловать это решение в вышестоящий суд, поскольку он вообще не имеет права обжалования определения о предании суду.

ВИДЫ ПОДСУДНОСТИ

Правовые нормы, регулирующие подсудность, различны по своему содержанию, т. е. по предмету их регулирования. Одни устанавливают общие правила для всех дел, согласно которым последние распределяются между судами, другие определяют подсудность лишь конкретных дел.

При помощи первых распределяются все дела между судами, составляющими судебную систему государства. Совокупность этих правовых актов составляет содержание так называемой обыкновенной подсудности.

Другие правовые акты определяют подсудность только отдельных дел, эти акты издаются лишь в связи с конкретными делами. Это чрезвычайная подсудность. При чрезвычайной подсудности суда, как постоянно функционирующего органа не существует, хотя возможность его созыва и предусматривается законодательством. Этот особый суд не имеет заранее установленного для него круга дел, а каждый раз созывается решением высшего органа государственной власти, которым поручается ему разрешить определенное дело. Иногда же высший орган государственной власти своим актом создает специальный суд, уполномоченный на рассмотрение только одного дела, о каком-либо наиболее опасном для господствующего класса преступлении. Чрезвычайная подсудность в условиях победы пролетариата—это экстраординарная мера, один из методов борьбы с классовыми врагами. В период гражданской войны, когда следовали одна за другой попытки контрреволюционных заговоров, а также в мирное время, в период особого обострения классовой борьбы. Советское государство в некоторых случаях вынуждено было применять экстренные меры по борьбе с особо опасными преступлениями.

До принятия закона о судостроительстве 1938 г. чрезвычайной подсудностью была подсудность специального присутствия Верховного Суда СССР. Специальное присутствие не имело заранее установленного круга дел, отнесенных к его ведению, а создавалось каждый раз постановлением Президиума ЦИК СССР для рассмотрения отдельного дела. Так, например, для рассмотрения дела промпартии было образовано специальное присутствие и в Постановлении ЦИК конкретно названы фамилии членов состава суда и обвинителя. Особый состав суда был создан и для рассмотрения дела презренных изменников Родины и врагов Советского государства, возглавляемых Берия.

Чрезвычайная подсудность дает возможность высшим органам государства поручить разрешение особо опасных, политически наиболее важных уголовных дел составу суда, облеченному высоким доверием Партии и Правительства, способного правильно оценить с точки зрения

интересов рабочего класса опасность конкретного преступления и справедливо карать лиц, посягнувших на благо народа.

Обыкновенную подсудность, нормами которой регулируется распределение всех дел между судами советской судебной системы, в советской процессуальной литературе иногда делят на подсудность общую и специальную. Так, например, по мнению проф. М. А. Чельцова, общая подсудность в виде общего правила устанавливает подсудность общих судов: народного, областного, Верховного и др.

Подсудность специальная или особенная, так же, как и подсудность общая, основывается на правовых нормах, относящихся к целой категории дел, а не к отдельному делу, как это предусматривает чрезвычайная подсудность. От общей же она отличается тем, что является изъятием из нее. Эти изъятия «предусматривают отдельные виды дел по их содержанию, по субъекту преступления или по обстоятельствам места и времени»⁴⁾. В дальнейшем проф. М. А. Чельцов рассматривает специальную подсудность, как подсудность дел специальным судам: военным трибуналам и линейным судам транспорта. Таким образом, проф. М. А. Чельцов считает, что подсудность общих судов советской судебной системы и подсудность специальных судов различаются по методу регулирования. Однако это положение не может не вызвать возражений.

Методы регулирования подсудности, характер правовых норм, определяющих круг уголовных дел, отнесенных к ведению областных (или им равных), вышестоящих судов и специальных судов едины и с точки зрения способа регулирования не имеют своеобразия. Различие в порядке определения подсудности имеется только между народными и всеми другими судами советской судебной системы, но ни в коем случае не между общими и специальными судами. К ведению народного суда относятся все дела, за исключением дел, рассмотрение которых поручено другим судам. Подсудность же областных (и им равных), Верховных судов, военных трибуналов и линейных судов транспорта устанавливается по одним принципам — путем перечня уголовных дел или путем установления определенных родовых признаков в зависимости от содержания преступления, родового или специального объекта преступного посягательства, от лиц, участвующих в совершении преступления, от условий места и времени. Так, например, по роду дел: дела о контрреволюционных преступлениях рассматриваются областными судами, дела о воинских преступлениях — военными трибуналами; по субъекту преступления: дела о должностных и хозяйственных преступлениях председателей колхозов рассматриваются областными судами, дела о должностных и хозяйственных преступлениях работников железнодорожного и водного транспорта — линейными судами транспорта, дела о преступлениях военнослужащих — военными трибуналами и т. д. Следовательно, с точки зрения метода регулирования нет никаких специфических особенностей между нормами, регулирующими подсудность общих и специальных судов, а отсюда и метод регулирования ни в коем случае не может служить основанием для деления подсудности обыкновенной на общую и особенную, так как он вытекает из характера правовых норм. О подсудности специальных судов, как о специальной подсудности, можно говорить лишь в смысле особенностей рода, характера дел, отнесенных к ведению этих судов.

Обыкновенная подсудность в зависимости от содержания правовых норм разделяется на родовую или предметную и территориальную или местную.

⁴⁾ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 194.

Правилами о предметной или родовой подсудности устанавливается круг дел, подлежащих рассмотрению конкретному роду судов в зависимости от содержания (рода) дел. При определении предметной подсудности уголовного дела выясняется звено судебной системы, т. е. народный, областной, специальный и др. суд, которому предоставлено законом право рассмотрения этой категории дел.

Но так как каждое звено судебной системы (за исключением Верховного Суда СССР) состоит из целого ряда однородных судов, то возникает необходимость разграничить предмет их ведения в зависимости от места их нахождения. Правила, служащие этой цели, и составляют содержание территориальной или местной подсудности.

Основным признаком предметной подсудности по советскому закону является квалификация преступления, согласно норм УК, так как при помощи этого признака легче всего определить степень общественной опасности преступления.

Наряду с этим признаком законодатель использует и ряд других признаков уголовного дела: мера наказания (народному суду не подсудны дела о преступлениях, за которые может быть назначена высшая мера наказания), специфика объекта преступного посягательства (дела о преступлениях, нарушающих нормальную работу транспорта, отнесены к ведению транспортных судов, дела о преступлениях, подрывающих обороноспособность Советского государства,—рассматриваются военными трибуналами), личность обвиняемого, место и время совершения преступления и др.⁵⁾. Вся совокупность этих признаков дает возможность избрать для рассмотрения дела такой суд, который способен наиболее полно, беспристрастно, правильно разрешить дело с учетом всех его особенностей и определить справедливое наказание.

Судебная система СССР построена по принципу единства судов, в ней нет ни сословных, ни кастовых судов, поэтому нет необходимости для конструирования наряду с предметной и местной особой персональной подсудности. Однако использование законодателем в качестве признака предметной подсудности должностного положения личности обвиняемого привело к тому, что в нашей учебной и монографической литературе появился третий вид подсудности—персональная подсудность⁶⁾.

Такой взгляд представляется ошибочным, так как он противоречит ст. 5 Закона о судостроительстве и основным принципам советского уголовного процесса.

Наличие такого деления подсудности в советской процессуальной литературе объясняется ничем иным, как некритическим воспроизведением положений буржуазной юриспруденции. Не только в буржуазном, но еще и в феодальном, инквизиционном процессе подсудность делилась на общую и особенную, или привилегированную. Там это деление имело практический смысл и значение, поскольку соответствовало фактическому положению вещей. Особенная подсудность выражала привилегированное положение отдельных сословий и классов, закрепляла неравенство перед судом.

В Советском государстве все граждане равны перед судом и законом. Подсудность специальных судов отличается от подсудности народ-

⁵⁾ Утверждение Л. Н. Гусева о том, что в действующем законодательстве «...подсудность уголовного дела по предметному признаку дела исходит исключительно из квалификации преступления» (стр. 21, цитированной выше работы) противоречит, например, ст. 60 Закона о судостроительстве, Постановлениям ЦИК и СНК от 27 апреля 1930 г., от 7 июня 1934 г., где в основу предметной подсудности положен объект преступного посягательства.

⁶⁾ Проф. М. С. Строгович. Уголовный процесс М., 1946 г.; учебное пособие «Советский уголовный процесс» под ред. Карева. М., 1953 г. (автор главы о подсудности доц. Савгирова); работа Л. Н. Гусева «Подсудность уголовных дел», М., 1955 г.

ного, областного и других судов самим характером, свойством и особенностями преступлений, а не привилегированным положением лиц, дела о преступлениях которых отнесены к ведению специальных судов. Личный признак используется советским законодательством в определении подсудности, однако сама сущность так называемой «персональной» подсудности, ее природа совершенно иная. Кроме внешнего сходства в словах, между персональной подсудностью в буржуазном процессе и условиями, относящимися к личности обвиняемого, которые оказывают влияние на предметную подсудность в советском уголовном процессе, нет ничего общего.

Основная задача персональной подсудности в буржуазном процессе сводится к обеспечению привилегий для господствующего класса, отдельных сословий, корпораций и должностных лиц. Буржуазия, формально признавая принцип равенства всех перед законом, фактически устанавливает различный порядок ответственности, предоставляя различные привилегии и преимущества представителям своего класса. Ярким примером того может служить законодательство дореволюционной России. Так, согласно ст. 181 Устава о наказаниях из компетенции мировых судей изымались все дела о кражах, мошенничестве, присвоении или растрате, если эти преступления совершены дворянами, священниками, чиновниками и другими «почетными гражданами» (т. е. купцами, промышленниками и т. д.).

Государственная канцелярия в своем объяснении причин, побудивших принять это правило, не считала нужным скрывать истинного мотива такого решения вопроса, указывая, что общий порядок «...оказывается достаточным только для людей низших сословий, но неудобно распространять силу этих статей на дворян и лиц других привилегированных сословий»⁷⁾. В дореволюционной России преступления по службе должностных лиц рассматривали только вышестоящие суды: судебные палаты с участием сословных представителей, сенат и специальное судилище—верховный уголовный суд, и лишь преступления мелких чиновников (до 9 класса) рассматривались в окружных судах. По мнению составителей судебных уставов, «...суд по делам о преступлениях и проступках по службе может быть вверен только судилищам высокопоставленным, только судьям, которые представляют надлежащее ручательство по своему просвещенному уму и высокому положению в обществе»⁸⁾. Так объясняли составители судебных уставов привилегированную подсудность должностных лиц. Фактически же это означало, что экономическое неравенство через персональную подсудность находило прямое подтверждение в законе и влекло за собой политическое неравенство.

В Советском государстве, где с построением социалистического общества обеспечено подлинное равенство всех граждан, не может быть и речи о привилегиях какого-либо класса, сословия, членов какой-либо общественной организации и других лиц. Законы Советского государства едины и в равной мере обязательны как для руководящих работников, так и для рядовых советских граждан вне зависимости от того, идет ли речь о законах в области государственного, гражданского, уголовного и других отраслей права. На необходимость строжайшего соблюдения законности всеми гражданами и должностными лицами неоднократно обращалось внимание в решениях КПСС и выступлениях руководителей Партии и Правительства.

⁷⁾ Макалинский. «Практическое руководство для судебных следователей», т. 1, стр. 155, 1894 г.

⁸⁾ Там же.

Особое внимание соблюдению государственной и партийной дисциплины уделил XIX съезд КПСС. Учитывая, что Коммунистическая партия Советского Союза является единственной правящей партией в стране, где народ в членах партии видит самоотверженных борцов за дело коммунизма, не жалеющих своих сил, даже жизни, ради осуществления этой задачи, съезд единогласно потребовал беспощадного наказания тех, кто не оправдывает это доверие.

В отчетном докладе ЦК на XIX съезде КПСС говорилось, что «...у нас в партии одна дисциплина и для рядовых членов партии, и для руководителей, что советские законы одинаковы для всех советских людей, больших и малых. Для руководителей, повинных в недобросовестном отношении к выполнению решений партии и правительства, допускающих беззаконие и произвол, не может быть никаких скидок на их положение»⁹).

Съезд строжайше осудил отдельных руководящих работников, пытавшихся установить на вверенных им для руководства предприятиях и учреждениях «свои порядки», «свою дисциплину»¹⁰).

Высокое должностное положение обвиняемого ни в коем случае не может быть основанием для снижения ответственности. Однако подлинное равенство должностных лиц с прочими гражданами не всегда означает равный, одинаковый порядок привлечения к ответственности. Исключение из общего порядка привлечения к уголовной ответственности перед судом по советскому действующему праву проводится по должностным преступлениям лишь строго определенной категории должностных лиц. При этом нужно иметь в виду, что фактическим основанием особого порядка ответственности должностных лиц и изъятия из общих правил о подсудности является не личность обвиняемого, а сам характер совершенного преступления, его общественная опасность. Личный признак в этих случаях выступает в качестве наиболее осязаемого, наиболее просто определяемого внешнего фактора, при помощи которого устанавливается степень общественной опасности преступного посягательства и специфика преступления. Бесспорно, что личность обвиняемого органически связана с совершенным им преступлением, так же, как и социальная опасность тех или иных преступных действий зависит от общественного положения лиц, совершивших преступление, связанное с нарушением возложенных на них обязанностей.

Наше законодательство учитывает это в некоторых случаях непосредственно в санкциях статей уголовного кодекса, признавая особо опасными те из однородных преступлений, которые совершены должностными лицами, занимающими ответственное положение, например, ч. II, ст. 117 УК РСФСР. Но для уголовного процесса признак личности обвиняемого имеет и другое значение. Здесь дело не только в высшем или низшем пределе санкции, но также и в тех фактических возможностях, которыми располагает суд для правильной оценки характера преступления и фактической опасности для интересов Советского государства тех или иных действий.

Естественно, что одинаковое с точки зрения юридической квалификации злоупотребление служебным положением рядового служащего и руководителя центрального аппарата требует различного подхода к оценке степени опасности совершенных им преступных действий. Если в первом случае дело может быть с успехом рассмотрено и разрешено народ-

⁹ Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 89.

¹⁰ Н. С. Хрущев. Доклад XIX съезду партии об изменениях в уставе ВКП(б).

ным судом, который, осуществляя правосудие, обязан применять единые советские законы с учетом конкретных местных условий, то во втором случае сам характер преступных действий по своему значению выходит за рамки местных условий. Здесь должны учитываться обстоятельства, имеющие значение для всей территории области, союзной республики, или даже всего Союза в целом.

Поэтому не личность обвиняемого, а характер совершенного им преступления определяет изъятие этой категории дел из подсудности народного суда и передачу их в вышестоящие суды.

В других случаях совершение служебного преступления должностным лицом презюмирует нанесение ущерба определенному виду общественных отношений. Так, совершение преступления военнослужащим наносит ущерб интересам обороны государства, защита которых от преступных посягательств вверена военным трибуналам. Поэтому всякое дело о преступлении военнослужащего подсудно военному трибуналу.

Должностные преступления работников транспорта наносят ущерб его правильной работе. А уголовно-правовая охрана правильного функционирования железнодорожных и водных путей сообщения возложена государством на линейные суды транспорта¹¹⁾. Отсюда дело о всяком служебном преступлении работника транспорта подсудно линейным или окружным судам транспорта по принадлежности. В то же время дело о совершении любого должностного преступления начальником пристани или отделения дороги и т. п. рассматривается народным судом на общих основаниях. Следовательно, даже в тех случаях, когда подсудность дела закон непосредственно связывает с должностным положением обвиняемого, то совсем не имеется в виду создание каких-либо привилегий для этой категории лиц, а учитывается лишь специфика совершенных этими лицами преступлений, степень их общественной опасности или своеобразие непосредственного объекта преступного посягательства, условий, места и времени совершения преступления.

Попытка сконструировать персональную подсудность находится в противоречии с советским законодательством.

Ст. 5 Закона о судостроительстве, исходя из Конституции СССР, предусматривающей равноправие граждан во всех областях жизни, закрепляет принцип «единого и равного для всех граждан суда, независимо от социального, имущественного и служебного положения граждан и их национальной и расовой принадлежности». Этот принцип твердо проводится нашим законодательством. В основу разграничения подсудности положен не персональный признак уголовного дела, т. е. зависимость «от служебного, должностного и общественного положения обвиняемого», как утверждает Л. Н. Гусев¹²⁾, а степень общественной опасности преступления и его специфика. При этом степень общественной опасности преступления связана с правовым положением лица, его совершившего.

Чем больше прав предоставлено тому или иному лицу, которое пре-

¹¹⁾ Мы не останавливаемся здесь на непоследовательности практики транспортных судов, которые принимают к своему производству дела о кражах личных вещей у пассажиров, о хулиганстве, о преступлениях против личности, об имущественных и должностных преступлениях работников ОРСов и других обслуживающих транспорт организаций. Эти дела, хотя и связаны с работой транспорта, но, как правило, не могут причинять ущерб нормальной его работе и поэтому должны рассматриваться в общих судах. Передача этих дел в народные суды позволила бы разгрузить их и сократить их число, направила бы внимание транспортных судов на борьбу с преступлениями, представляющими действительную угрозу для правильной работы транспорта. Практическое проведение в жизнь этого мероприятия позволило бы осуществить и значительную экономию государственных средств. Но это уже другой вопрос.

¹²⁾ Л. Н. Гусев. «Подсудность уголовных дел». М., 1955 г., стр. 25.

ступно злоупотребляет этими правами, тем больший ущерб будет причинен Советскому государству. Отсюда следует, что если законодатель требует рассматривать уголовные дела о преступлениях старших и высших офицеров Советской Армии не в трибуналах военных соединений, а в вышестоящих трибуналах и военной коллегии Верховного Суда СССР, то основанием такого решения вопроса является не должностное положение этих лиц, а степень опасности совершенных ими преступлений, необходимость обеспечить беспристрастное, всестороннее и справедливое разрешение дела.

Таким образом, ни законодательство о подсудности, ни теоретические соображения не дают основания для выделения из предметной подсудности особого вида персональной подсудности.

Наряду с указанными основаниями деления в процессуальной литературе проводится деление подсудности также в зависимости от влияния воли сторон на выбор того или иного суда. В тех случаях, когда подсудность дела устанавливается законом в соответствии с имеющимися в деле признаками независимо от воли сторон, тогда мы имеем дело с обязательной или законной подсудностью. Когда же выбор суда зависит от усмотрения сторон (потерпевшего — в уголовном процессе, истца — в гражданском), тогда говорят о добровольной подсудности. Последняя также предусматривается законом. Однако стороны могут выбрать для рассмотрения своего дела лишь такой суд, который компетентен на рассмотрение данного круга дел, т. е. без превышения предметной подсудности. Добровольная подсудность использовалась советским законодательством сразу же после Октябрьской революции для третейских судов. Не получив большого развития при рассмотрении уголовных дел, она сравнительно широко применялась в гражданском процессе при разрешении споров между гражданами.

Добровольная подсудность чаще всего применяется как разновидность территориальной подсудности для выбора надлежащего суда среди одноименных судов, но иногда допускается ее применение и при выборе судов, относящихся к различным типам. Так, например, в период существования адатских и шариатских судов в национальных окраинах Советского государства потерпевший от преступления имел право выбора между указанными судами и действовавшими параллельно с ними советскими народными судами.

В настоящее время при разрешении уголовных дел, в силу особого политического значения института подсудности, государство не может представить обвиняемому право свободного выбора суда, а соглашение по этому поводу между государственным обвинителем — прокурором и обвиняемым просто немыслимо, поскольку оно противоречит основным началам уголовного процесса.

В соответствии с действующим законодательством органы расследования, прокуратура и суд при определении подсудности каждого дела руководствуются только двумя группами норм, объединяемых подсудностями родовой или предметной и территориальной или местной.

Предметная подсудность

Прежде чем перейти к разрешению поступившего уголовного дела, по существу, суд должен убедиться в том, имеет ли он право на его рассмотрение, входит ли разрешение этого дела в круг его обязанностей, т. е. суд должен установить подсудность уголовного дела. От разрешения этого вопроса зависит дальнейшее направление дела. При положительном ответе суд принимает дело к своему производству, при отрицательном — передает его в другой суд или административный орган.

Каждое звено судебной системы наделяется такой совокупностью правовых средств, которая необходима для разрешения отнесенных к его ведению дел. Поэтому суд должен удостовериться, прежде всего, в том, не превышает ли он своих полномочий, принимая дело к своему производству, подсудно ли ему поступившее дело по предмету, признается ли он государством, располагающим достаточными фактическими и правовыми средствами для выполнения задач, связанных с разрешением данного дела.

Родовая подсудность дела по советскому уголовно-процессуальному законодательству чаще всего определяется юридической оценкой факта, согласно нормам уголовного права. При этом возникает вопрос, чем должен руководствоваться суд: той ли квалификацией приписываемых обвиняемому действий, которая дана органами обвинения, или же суд может сам, опираясь на факты, изложенные в обвинительном акте, проверить и, если это потребует, изменить квалификацию преступления и в соответствии с этим определить подсудность дела?

Согласно п. «б» ст. 236 УПК РСФСР и постановления 54 Пленума Верховного Суда СССР подготовительное заседание обязано рассмотреть вопрос о правильности квалификации предъявленного обвинения.

Отсюда следует, что юридическая оценка фактов, изложенных в обвинительном акте, независимо от того, представляет ли этот акт заявление частного обвинителя или обвинительное заключение, утвержденное или составленное прокурором, всегда принадлежит суду. Поэтому при определении подсудности суд должен исходить не из юридической квалификации обвинителя, а из фактического содержания предъявленного обвинения¹³⁾, т. е. из тех обстоятельств, которые содержатся в обвинительном акте. Обратное решение вопроса поставило бы суд в зависимое положение от органов обвинения или жалобщика или, точнее, в зависимость от их юридической неосведомленности.

Так, например, в военный трибунал поступило дело по обвинению Н. Действия Н. квалифицированы органами предварительного следствия как террористический акт. Военный трибунал, рассмотрев дело в подготовительном заседании пришел к выводу, что в соответствии с фактами, изложенными в обвинительном заключении, в действиях Н. имеется состав преступления, предусмотренный ст. 139, а не ст. 58^а УК РСФСР. В соответствии с этой новой квалификацией военный трибунал вправе и даже обязан передать дело в народный суд. Здесь также необходимо учитывать и то положение, что подсудность уголовного дела по роду преступления определяется тем обвинением, которое служит основанием для предания обвиняемого суду, а не последующими мнениями суда о достоверности или недостоверности этих фактов. Поскольку суд в подготовительном заседании лишен возможности производить оценку достоверности фактов, приводимых в подтверждение обвинения, постольку он обязан исходить из них как из установленных. Если же в ходе дальнейшего рассмотрения дела в стадии судебного разбирательства часть фактов будет отвергнута или появятся новые обстоятельства, влекущие рассмотрение дела в вышестоящем суде, то и тогда суд не входит в оценку достоверности этих фактов, точнее сказать, суд не имеет права сделать положительные выводы из оцененных им фактов, а направляет дело по подсудности. Это вытекает из того, что суд, неправомочный на вынесение решения, связанного с этими фактами, не может быть признан способным оценить и истинность этих фактов.

Понятие фактического состава при определении подсудности нельзя ограничивать лишь теми фактами, которые имеют значение только для

¹³⁾ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951 г., стр. 195.

материального уголовного права, т. е. фактами, влекущими материально-правовые последствия, влияющими на квалификацию преступления и меру наказания. Наряду с этими фактами сюда должны быть включены и обстоятельства, с которыми связаны только процессуальные последствия, в том числе и обстоятельства, влияющие на подсудность. К числу их относится ряд специально выделенных в законе оснований или признаков подсудности, которыми определяется род дела.

Таковыми являются: характер и степень тяжести совершенного преступления, субъект преступления, место и время совершения преступления, объект преступного посягательства и др. признаки. Таким образом, под фактическим составом предъявленного обвинения следует понимать всю совокупность фактов, влияющих на подсудность дела.

Однако в основу предметной подсудности советский законодатель положил систему перечня преступлений. Указанные выше признаки применяются наряду с перечнем конкретных составов преступлений, а также служат основаниями к изъятиям из общего порядка подсудности. Система перечня исключительно проста по своему применению. Она способствует ликвидации каких-либо недоразумений по вопросу подсудности и тем самым служит ускорению процесса.

Местная (территориальная) подсудность

Правила о предметной подсудности позволяют распределить все уголовные дела между судами различного рода, но их явно недостаточно для того, чтобы определить среди множества одноименных судов тот, которому надлежит рассмотреть конкретное дело. Только для определения подсудности Верховного Суда СССР (поскольку он является единственным в стране) правила о предметной подсудности оказываются исчерпывающими, во всех же остальных случаях они должны быть дополнены правилами о местной подсудности. Благодаря правилам о местной подсудности вся масса уголовных дел распределяется между судами, наделенными равными правами и процессуальными возможностями.

Правильный выбор места рассмотрения дела обеспечивает наибольшее воспитательное воздействие судебного процесса на население, способствует наиболее скорому рассмотрению дела, обеспечивает максимальное сокращение государственных средств, а также времени, затрачиваемого участниками процесса на рассмотрение дела. Правила о местной подсудности имеют серьезное политическое значение, а не несут только «технический характер»¹⁴⁾. Они теснейшим образом связаны с принципами уголовного процесса, обеспечивая непосредственность, полноту и быстроту рассмотрения дела в суде и тем содействуют достижению целей правосудия.

Правила о местной подсудности, с другой стороны, служат гарантией интересов обвиняемого, который чаще всего заинтересован в том, чтобы дело о нем рассматривалось там, где всем известна его жизнь, где судьи способны при рассмотрении дела учесть местный быт и условия.

Таким образом, политическое значение местной подсудности несомненно, хотя и неравнозначно значению предметной подсудности.

Нарушение правил о местной подсудности может понизить воспитательное воздействие судебного разбирательства, вызвать волокиту в рассмотрении дела, может серьезно затруднить пользование доказательств, вызвать необоснованные материальные издержки государства и участников процесса, поэтому вышестоящий суд при проверке дела в кассационном порядке, не отменяя приговора, обязан указать суду

¹⁴⁾ М. А. Ч е л ъ ц о в. Советский уголовный процесс. М. 1951 г., стр. 197.

первой инстанции на допущенные нарушения (ст. 419 УПК РСФСР) с тем, чтобы последний впредь не допускал подобных нарушений.

Учитывая все перечисленные обстоятельства, закон устанавливает конкретные основания для определения подсудности и в то же время, руководствуясь принципом целесообразности, предоставляет широкие права суду при разрешении вопроса о подсудности.

Основным признаком территориальной подсудности является место совершения преступления. «Каждое дело подлежит рассмотрению в том суде, в районе которого было совершено преступление», — гласит ст. 29 УПК РСФСР.

Это основание в наибольшей степени удовлетворяет возможность достижения задач, поставленных перед правосудием. В месте совершения преступления проживает большинство свидетелей, здесь же обычно остаются все следы от совершенного преступления, поэтому рассмотрение в ближайшем к этому месту суде (в участок которого входит место совершения преступления) способствует наиболее полному и быстрому собиранию и проверке доказательств, позволяет собрать при судебном рассмотрении дела широкую аудиторию граждан, которым еще до суда известно о совершенном преступлении. Все это в совокупности повышает воспитательное значение судебного разбирательства.

Вопрос об установлении места совершения преступления в подавляющем большинстве случаев не вызывает затруднений. Местом совершения преступления признается та местность, в которой совершены все действия, образующие по закону состав преступления. Некоторые осложнения возникают лишь при определении места совершения преступления при длящихся, продолжаемых преступлениях, преступлениях, совершаемых на расстоянии, при преступлениях, когда преступные действия и наступившие последствия пространственно разобщены, при определении места преступного бездействия, а также групповых преступлениях, когда соучастники находятся в разных местах, но эти случаи не так часты в практике, и поэтому нет необходимости сейчас подробно на них останавливаться.

Однако место совершения преступления, будучи главным признаком определения местной подсудности, не может быть признано единственным.

В одних случаях место совершения преступления остается неизвестным в течение всего процесса, в других — преступление совершено за границей, в третьих — рассмотрение дела по месту совершения преступления вызовет серьезные неудобства для суда, большие затраты на проведение процесса и т. д.

Все это приводит к тому, что закон, наряду с местом совершения преступления, выдвигает ряд дополнительных признаков, благодаря которым достигается наиболее целесообразный в данных условиях выбор места рассмотрения дела.

Таким основанием УПК всех союзных республик (за исключением УПК УзССР) называют место возбуждения уголовного дела. «...Если определить место совершения преступления невозможно, дело подсудно тому суду, в районе которого возбуждено уголовное преследование», — гласит ст. 29 УПК РСФСР.

Дополнительный признак местной подсудности — район возбуждения уголовного дела применяется лишь тогда, когда невозможно установить место совершения преступления. Например, в поезде Москва — Владивосток в Новосибирске обнаружен труп убитого, установить место совершения преступления не удалось. Обвиняемый задержан в Ташкенте. Дело подсудно новосибирскому суду по месту возбуждения уголовного дела.

Следовательно, при неизвестности места совершения преступления, дело рассматривается судом по месту обнаружения преступления. В силу ст. ст. 2 и 3 УК РСФСР это же правило распространяется и на преступления, совершенные за границей. Дело об этих преступлениях, согласно ст. 94 УПК РСФСР, возбуждается тем органом уголовного преследования, который имеет законный повод и достаточные основания для возбуждения уголовного дела, и подсудно суду по месту возбуждения дела.

Остальные категории дел могут рассматриваться по месту жительства обвиняемого¹⁵⁾, по месту его обнаружения (дела о самовольном уходе с предприятий).

По месту задержания обвиняемого могут рассматриваться дела о преступлениях, совершенных за границей.

Своеобразное положение о местной подсудности содержит УПК Азербайджанской ССР. Кроме указанных оснований, ст. 29 этого кодекса предусматривает возможность рассмотрения дела по месту жительства обвиняемого по преступлениям, за которые не может быть назначено лишение свободы, при условии сознания обвиняемого. Это же правило распространяется и на дела о преступлениях, за которые может быть назначено лишение свободы на срок до одного года, если обвиняемый не требует разбора дела по месту производства расследования. Правильность и целесообразность этих положений вызывает серьезные возражения. Вполне допустимо, что отдельные категории дел могут рассматриваться по месту жительства обвиняемого, но ставить это в зависимость от меры наказания и тем более от того, сознался или нет обвиняемый на предварительном следствии, ни в коем случае нельзя.

В советском уголовном процессе сознание обвиняемого никогда не было «царицей доказательств». Во всех случаях оно нуждается в проверке путем использования других доказательств.

¹⁵⁾ Например, согласно разъяснению Пленума Верховного Суда (протокол № 2 от 2/II—1925 г.), дела о контрабанде могут рассматриваться не только по месту совершения преступления, но и по месту жительства обвиняемого.

А. Л. РЕМЕНСОН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЕАКЦИОННОЙ БУРЖУАЗНОЙ БИОКРИМИНОЛОГИИ

* В настоящей статье автор не ставит перед собой задачу доказательства научной несостоятельности биокриминалогических теорий, так как выполнение этой задачи выходит за пределы темы статьи. Разоблачению антинаучности биокриминалогических теорий посвящено большое число произведений как русских дореволюционных, так и иностранных прогрессивных ученых. С марксистских позиций антинаучный характер буржуазной биокриминалогии разоблачен во многих трудах советских психологов, этнографов, антропологов и юристов.

В ожесточенной идеологической борьбе против лагеря мира, демократии и социализма империалисты и их ученые лакеи не брезгуют никакими средствами.

Одним из наиболее широко распространенных в современной буржуазной науке направлений является теория о биологической, физиологической и психологической первооснове всех отраслей общественной жизни людей.

Биологическими закономерностями объясняется вся человеческая история, литературное творчество людей, искусство и политика. Стремление к прогрессу без зазрения совести объявляется следствием патологических черт личности как отдельных людей, так и передовых классов.

Лженаучность этих теорий неопровержимо доказана марксистско-ленинской теорией.

«Закон» фатальной обусловленности судьбы человека биологическими факторами, наследственностью рассматривается Коммунистической партией, как глубоко реакционный, находящийся в глубоком противоречии с практикой социалистического строительства, успешно перевоспитывающего людей в духе социализма и ликвидирующего пережитки капитализма в сознании людей¹⁾.

Мошенническая попытка подменить биологическими закономерностями закономерности социальные, стремление свести социальное к биологическому — одно из важнейших направлений бешеной атаки империализма на марксизм.

Весьма ярко проявляется это и в области теории государства и права. Биологические, расовые, психологические теории о государстве и

¹⁾ См. постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», опубликованное в «Правде», № 183 от 5 июля 1936 г.

праве в настоящее время являются одними из наиболее господствующих в буржуазной лженауке.

В настоящее время общезвестно, что одним из важнейших направлений в империалистической «науке» уголовного права США является так называемое биокримнологическое направление, которое иначе называют неоломброзианство (что не совсем точно).

В погоне за максимальной прибылью империалисты главной агрессивной державы США ведут подготовку к развязыванию третьей мировой войны, ожесточенное наступление на права и интересы трудящихся.

Осуществляя свою реакционную политику борьбы против мира, демократии и социализма, империалистические силы не гнушаются никакими средствами. В арсенале их идеологического оружия не последнее место занимают собранные с мусорных свалок науки человеконенавистнические теории антропологического направления в уголовном праве. Эти теории подвергаются небольшой реставрации и пускаются в ход под вывеской новейших достижений науки.

Опасность антропологических теорий определяется не только тем, что они пытаются снять с буржуазии ответственность за порождаемое ее господством огромное число преступлений, но также и тем, что антропологические теории — это «научная» база для оправдания чудовищного произвола, применения смертной казни, пожизненного заключения, кастрации и стерилизации.

Тот, кто утверждает, что человек по биологической своей природе фатально обречен на совершение преступлений, тот последовательно требует уничтожить или изолировать такого человека, не дожидаясь, пока он совершит преступление.

Поэтому законодательное закрепление и практическое осуществление требований антропологической теории в уголовном праве равнозначно произволу и разрушению законности.

В связи с этим всестороннее беспощадное разоблачение антропологических теорий в праве является одной из актуальных боевых задач советских юристов.

В советской науке уголовного права дается правильная в целом оценка антропологического направления, как архиреакционного и глубоко антинаучного. Однако представляется, что такая оценка была бы еще более точной и убедительной, если бы советские криминалисты обратили больше внимания на некоторые моменты истории появления ломброзианства.

**

Почти во всех изданиях учебника общей части уголовного права, разработанного Всесоюзным институтом юридических наук, ничего не говорится о предшественниках Ломброзо. Читая соответствующие главы этих учебников, можно прийти к выводу, что у Ломброзо вообще не было предшественников.

Так, в учебнике 1948 г. подчеркивается, что антропологическое направление в уголовном праве впервые возникло в Италии и автором его программно-политических предложений был Ломброзо. В учебнике 1938 г. указывается, что первая работа о преступном человеке появилась в 1871 г., т. е. приводится дата начала опубликования сочинения Ломброзо «Преступный человек»²⁾. К этому же времени относит появление

²⁾ Сочинение Ломброзо под заглавием „L'uomo delinquente in rapporto all'antropologia, giurisprudenza ed alle discipline carcerarie“ — выходило с 1871 по 1876 гг. в *Atti dell'Istituto Lombardo*.

антропологического направления и учебник 1943 г. Авторы учебника 1952 г. относят появление антропологического направления (так называемое ломброзианство, как пишут в скобках авторы) к 80-м годам XIX века.

Так ли это?

Представляется, что не так.

У Ломброзо были предшественники. Важнейшие из них задолго до Ломброзо и независимо от него «обосновали» наличие особого типа преступного человека. Эти важнейшие предшественники Ломброзо, предвосхитившие его идеи и выводы, были, в частности, биокриминологи Англии.

К числу их следует прежде всего отнести английского врача Причарда (1786—1848). В своем «Трактате о помешательстве» («Treatise of Insanity») этот врач развил теорию нравственного помешательства (*moral insanity*). Следует отметить, что понятие нравственного помешательства впервые появляется именно в «трудах» Причарда. («Treatise of Insanity and other disorders affecting of mind», вышла в 1835 г., и «On the Different Forms of Insanity of Relation to Jurisprudence», вышла в 1842 г.).

Нравственным помешательством Причард объявил группу различных расстройств психики, которая характерна следующими признаками: а) видимая нормальность интеллекта, б) нарушение аффективной и волевой сферы.

Объездив все психиатрические больницы Англии и побывав в аналогичных учреждениях на континенте, Причард утверждал, что болезненное состояние коррелирует с преступлением. В случаях нравственного помешательства часто существует сильное наследственное предрасположение.

Понятие нравственного помешательства, созданное Причардом, прочно вошло в арсенал уголовной антропологии, как одно из важнейших ее элементов (но только под несколько иным названием — *moral imbecility*, т. е. нравственное слабоумие). Для этого достаточно указать на работы Маудсли, Горинга, работы современных американских криминалистов Абрахамсена, Годдарда, Глюка, Карпмена, Тиллима и др. Эта теория нашла практическое применение в деятельности правосудия США.³⁾

В пределах данной статьи нас, однако, интересует прежде всего судьба выдвинутой Причардом теории нравственного помешательства в Англии XIX века.

Теория нравственного помешательства хорошо привилась в уголовной антропологии, особенно в Англии. Эту антинаучную теорию в середине и во второй половине XIX в. «разрабатывает» и «обогащает» директор манчестерской психиатрической больницы Генри Маудсли, которого буржуазные криминалисты единодушно называют главным представителем теории нравственного помешательства.

Его основные труды вышли раньше трудов Ломброзо. Когда последний еще только писал «*Luomo delinquente*», многие книги Маудсли уже были переведены на ряд иностранных языков. В русском переводе вышли:

«Наследственность в здоровье и болезни», перевод, СПб., 1886 г., издание А. Е. Рябенко;

«Физиология и патология души», перевод Н. Исаина, издание О. И. Бакета, СПб., 1871 г.

«Ответственность при душевных болезнях», перевод О. А. СПб., 1875 г.

«Об отношениях между телом и духом».

³⁾ Яркий пример этому приводит Ц. М. Фейнберг в книге «Вопросы вменяемости и судебно-психиатрической экспертизы в Англии и США». М., 1944, стр. 46—48.

Три лекции, прочитанные в Лондонской королевской коллегии в 1870 г., перевод с англ. Безобразовой Е. Д., Казань, 1871 г.

Основные идеи работ Маудсли таковы:

Нравственное чувство является врожденным. Оно приобретает сознательно, но потом переходит в бессознательную способность и передается как инстинкт. Поэтому отличие людей дается не воспитанием или условиями, а природой. «Судьба людей создается их предками и никто, как бы он ни был силен, не может избежать их тирании над своей организацией...»⁴⁾.

Дурной дурен лишь в силу наклонностей его природы⁵⁾. Преступники не аномалии или случайности...⁶⁾ Истинный вор и истинный поэт в самом деле рождаются, а не делаются⁷⁾. Преступники—это выродившаяся разновидность человеческого рода, люди, отмеченные рукой природы, призванные и назначенные для совершения постыдного дела⁸⁾.

Поэтому любые меры перевоспитания обыкновенных преступников безнадежны⁹⁾. Преступный психоз — это духовная сторона невроза и наказания бессильны в деле прочного исправления. Волка всегда будет тянуть в лес¹⁰⁾.

Преступление рассматривается Маудсли как один из признаков нравственного помешательства, обнаруживающийся раньше других умственных расстройств.

Такова основная идея Маудсли.

Остается добавить, что Маудсли в полном соответствии с метафизикой утверждал, что природа не делает скачков и что поэтому попытка резко и определенно разграничить душевнобольных и здоровых является тщетной¹¹⁾, определение помешательства не должно быть дано в законе¹²⁾, само преступление есть один из признаков помешательства, признак, который проявляется ранее всех других умственных расстройств¹³⁾.

Привилегию на нравственное помешательство Маудсли отдает низшим слоям общества и без зазрения совести пишет: «Когда человек из низших слоев общества страдает *moral imbecility*, он обыкновенно совершает какой-либо проступок и попадает в тюрьму без всяких рассуждений о том, насколько он заслужил свою участь»¹⁴⁾.

Какие же средства борьбы с преступностью предлагает Маудсли? Это — уменьшение зарплаты рабочим, так как чем меньше зарплата, тем более трезвый и воздержанный образ жизни ведут рабочие, меньше пьянствуют и развратничают¹⁵⁾.

Далее—осторожное по форме, но весьма прозрачное предложение прекратить размножение людей, лишенных принадлежности человека-здорового и устойчивого душевного устройства¹⁶⁾. Маудсли не писал, какими мерами это следует проделать, но вряд ли ему не было известно, что мерами насильственного предотвращения размножения человека являются изоляция, кастрация и стерилизация.

⁴⁾ Маудсли. «Ответственность при душевных болезнях», стр. 23, 25. Точность перевода проверена по подлиннику 1874 г.

⁵⁾ Там же, стр. 26—27.

⁶⁾ Там же, стр. 31.

⁷⁾ Там же, стр. 32.

⁸⁾ Там же, стр. 32.

⁹⁾ Там же, стр. 27.

¹⁰⁾ Там же, стр. 35.

¹¹⁾ Маудсли, там же, стр. 44.

¹²⁾ Там же, стр. 89.

¹³⁾ Там же, стр. 70.

¹⁴⁾ Там же, стр. 231.

¹⁵⁾ Там же, стр. 351.

¹⁶⁾ Там же, стр. 342.

Наконец, Маудсли предлагает принимать меры предосторожности к лицам, предки которых были «нравственно дурными» людьми.

«Благоразумие, — пишет он, — требует отметить большим вопросительным знаком всякого, повидимому, самого добродетельного человека, происходящего из заведомо нравственно-дурной природы, так как слишком вероятно, что такой человек при первом же достаточно сильном искушении и испытании не замедлит треснуть по всем нравственным швам»¹⁷⁾.

Что касается лиц, совершивших преступление, то они, хотя и являются нравственно помешанными, т. е. душевнобольными, несомненно, подлежат наказанию, но при этом безразлично и «не имеет никакого значения, осужден ли преступник к тюрьме или к сумасшедшему дому»¹⁸⁾. И в том, и в другом случае преступников так же, как и прочих душевнобольных, надо заставлять работать¹⁹⁾.

С полной откровенностью Маудсли провозглашает свои расистские установки, наглядно показывая неразрывную идейную связь антропологических теорий преступности с расизмом. Колониальные народы он вообще не считает возможным отнести к человеческому роду. «Австралийский дикарь — не человек», — провозглашает Маудсли²⁰⁾. Дикарям совершенно чужда добродетель, милосердие, возвышенные идеи нравственности; в устройстве их нервов не лежит даже возможность таких идей. Между дикарями и цивилизованными народами различие не меньше того, которое часто существует между одним видом животных и другим видом²¹⁾. Как правило, этому сопутствует тупость ума²²⁾. Что же касается самого понятия нравственность, то здесь Маудсли твердо стоит на почве миллевского утилитаризма с той, однако, существенной разницей, что утилитаризм Маудсли имеет ярко расистскую окраску. «Нравственное чувство, — пишет он, — одобряет все поступки, клонящиеся к преуспеваю расы...»²³⁾.

Нравственно то, что полезно англосаксам, безнравственно то, что вредно англосаксам; тот, кто вредит англосаксам, нравственно помешанный — вот кредо Маудсли.

Даже краткое изложение теории Маудсли дает все основания для того, чтобы оценить его биокриминологические воззрения, как крупнейший «вклад» в биокриминологическую «науку», «вклад», вряд ли серьезнее уступающий по своему значению теориям самого Ломброзо.

В связи с изложенным приходится сожалеть, что наши ученые-психиатры (Фейнберг Ц. М. в «Учении о вменяемости в различных школах уголовного права», редакторы «Судебной психиатрии» — Ц. М. Фейнберг, А. Н. Бунеев, М. О. Гуревич, А. М. Халецкий) вместо того, чтобы подвергнуть беспощадному разоблачению теорию нравственного помешательства, обходят полным молчанием и эту теорию, и ее представителей.

Несколько позже появляются «труды» английских тюремных врачей Никольсона и Томсона. Эти врачи так же, как и Ломброзо, незадолго до опубликования его работ, производили массовое и, как они утверждают, «подробное» изучение «тела и, главным образом, души» заключенных.

¹⁷⁾ Маудсли. «Наследственность в здоровье и болезни», стр. 9.

¹⁸⁾ Маудсли. «Ответственность при душевных болезнях», стр. 27 (впрочем, двумя страницами дальше Маудсли пишет, что тюрьма — это лучшая система для лечения помешанных преступников).

¹⁹⁾ Там же, стр. 29.

²⁰⁾ Маудсли. «Физиология и патология души», стр. 240.

²¹⁾ Там же, стр. 166—167.

²²⁾ Маудсли. «Ответственность при душевных болезнях», стр. 66.

²³⁾ Там же, стр. 68 (см. также «Об отношениях между телом и духом», 1870 г., перевод с англ. Безобразовой Е. А., Казань, 1871 г., стр. 51).

Особенно подробно и тщательно описывает результаты исследования преступников Б. Томсон в работах 1870 г., т. е. опубликованных на несколько лет раньше трудов Ломброзо. Б. Томсон в течение своей 18-летней врачебной практики при тюрьме (Томсон был главным врачом общей Шотландской тюрьмы в Perth — главная одиночная тюрьма Шотландии) «анализировал» не только внешние, но и внутренние анатомические признаки преступников. Цитируя одного тюремного врача, Томсон писал, что он всегда был поражен той патологической совокупностью, которая раскрывалась перед его глазами при вскрытии преступника. Почти не было возможности, утверждал он, определить болезнь, от которой умер преступник, подверженный исследованию, так как большей частью трудно было отыскать хоть один орган, не представлявший каких-либо патологических признаков. Таковы внутренние особенности физической организации преступников, по мнению Томсона. Что касается внешних признаков, то они таковы: низкий рост, какой-то особенный холодный взгляд, очень часты искривления позвоночника, недостатки речи, косоплоскость, глухота, глупое и дьявольское выражение лица²⁴). Расщепление твердого нёба, глухота, врожденная слепота, паралич, эпилепсия и золотуха — обычные признаки врожденного слабоумия.

Томсон вычисляет ряд физических симптомов инстинктивного преступника, которые в дальнейшем подхватываются всеми биокриминалогами и входят в «золотой» фонд биокриминологии.

Вместе с совершением преступления у преступника исчезают последние следы нравственности. Из 410 изученных убийц, указывает Томсон, только один обнаружил искреннее раскаяние²⁵). Привычные же преступники вообще лишены нравственных чувств. Наследственные наклонности к преступлению находятся в близком родстве с душевными болезнями, например, эпилепсией, и сами представляют собой не что иное, как душевную болезнь. Еще в 1866 г. Томсон утверждал, что 12% преступников являются просто-напросто слабоумными²⁶). Томсон «развил» и «углубил» теорию нравственного помешательства. Среди биологических и психических факторов преступности Томсон выделяет, как главный психический фактор. Преступник — продукт вырождения, полукцивицированный дикарь. Его наследственная природа непреодолима. «Если удастся сделать старого вора честным человеком, — пишет Томсон, — то и старую лисицу можно будет обратить в дворовую собаку»²⁷).

Большая часть преступлений наследственна. («Journal of mental Science» V. XV, стр. 488). Отмечая неразрывную связь пауперизма и преступности, Томсон, вместо того, чтобы признать причиной преступлений отчаянную нужду трудящихся, переворачивает истину кверху ногами и провозглашает, что $\frac{5}{6}$ пауперизма имеет наследственные корни. Таким образом, получается, что не капитализм истинный источник пауперизма и преступности, а передающиеся по наследству биологические качества организма.

Тщательно подытожив, во сколько рецидивисты обходятся обществу и найдя, что слишком дорого (по расчетам Томсона стоимость преступлений 485 рецидивистов равна 132.020 фунтов стерлингов), учитывая, что наследственные наклонности к преступлению неизлечимы, Томсон делает вывод: каста людей с преступными наклонностями должна быть

²⁴) B. Tomson „The psychology of criminals“, Journal of mental Science, October, 1870.

²⁵) См. „Journal of mental Science“, October, 1866.

²⁶) Цит. по Маудсли «Физиология и патология души», СПб, 1871 г., стр. 374.

²⁷) Цит. по Ферри «Уголовная социология», стр. 145.

разрушена²⁸⁾), краткосрочные наказания крайне вредны, для привычных преступников необходимо пожизненное заключение²⁹⁾).

Так английские биокриминологи еще в прошлом веке, раньше Ломброзо, начали антропологическое исследование преступников и до опубликования его трудов пришли к выводу о необходимости самыми суровыми средствами уничтожать преступность.

Томсон был одним из крупнейших представителей антропологического направления в XIX веке.

Об этом свидетельствует широкая известность его исследований и выводов. Работы Томсона хорошо были известны в Италии. Так, итальянский биокриминолог Ферри высоко оценивает изыскания Томсона и наряду с трудами Никольсона называет их весьма удачными³⁰⁾.

Об исследованиях Томсона было известно и среди русских криминалистов³¹⁾.

Известность трудов Томсона не случайна. Она вызвана не только указаниями Томсона, что он, якобы, обосновывает свои выводы колоссальным материалом — итогами наблюдений над 5000 арестантами. Внимания к своим работам Томсон достиг также и тем, что формулировал свои заключения в категорической форме, не допускающей опровержений. Главное же, что обеспечило широкую известность «научных» трудов Томсона — это выдвинутая им идея: «раз преступники неизлечимы, преступная каста должна быть разрушена» и предложение о пожизненном заключении.

Сказанное в значительной мере объясняет вывод английского антрополога Ellis, а о том, что труды Томсона дали толчок к изучению преступности во всей Европе³²⁾.

Стоит отметить, что в книге Ц. М. Фейнберг «Учение о вменяемости и невменяемости в различных школах уголовного права» не дано правильной оценки работам Томсона. Автор не упоминает о реакционных предложениях Томсона и считает нужным даже оговориться, что на взглядах Томсона о вырождении отразились те ужасные условия, в которых жили в 40—50 годах рабочие Англии³³⁾. Такая оговорка вряд ли уместна. Делая ее, Ц. М. Фейнберг невольно ослабляет резко отрицательную оценку ненаучных и реакционных теорий Томсона.

²⁸⁾ В. Томсон „The hereditary nature of crime“ Journal of mental Science. January, 1870 цит. по статье В. Минцлов, «Юридический вестник», 1881 г., т. VIII, стр. 387.

²⁹⁾ „Journal of mental Science“ v. XVI p. 335, 339, 350.

³⁰⁾ Ферри, Энрико. «Преступление как социальное явление». «Проблемы преступности», сборник второй, Госиздат, Украина, 1924 г., стр. 10. Ферри, предлагая продление срока заключения преступнику по усмотрению тюремной администрации, ссылается на авторитет Томсона (см. его «Уголовную социологию», М., 1908 г., стр. 518, перевод Познашева). На Томсона часто ссылается и Ломброзо. См., например, «Преступление», перевод с англ., 1900 г., СПб., стр. 102 и др. Ломброзо были известны и труды Никольсона, на которые он ссылался в „Luomo delinquente“, изд. 1884 г., гл. 8 для доказательства умственной неполноценности преступника.

³¹⁾ См. Таганцев. «Русское уголовное право», т. II, 1902 г., стр. 932; М., Чубинский, «Курс уголовной политики», СПб., 1912 г., стр. 246. Р. Минцлов, «Особенности класса преступников», «Юридический вестник», 1881 г., т. VIII, стр. 387 и др. Фейнницкий считает Томсона одним из главных представителей теории преступного помешательства (в «Учении о наказании», стр. 33 Н. Д. Сергеевский указывал, что Томсон — глава теории о том, что стремление к совершению преступления есть вид душевной болезни, «Русское уголовное право», изд. 4, 1900 г., стр. 12). См. также Попов М. Ф. «Краткий очерк современного состояния учения о преступнике с точки зрения уголовно-антропологической», Томск, 1898 г., Речь на торжественном собрании Императорского Томского университета.

³²⁾ Havelock Ellis «Преступник», перевод с английского А. М. Гинзбурга под ред. проф. П. А. Синарского, Южно-русское книгоиздательство, Киев—Харьков, 1898 г., стр. 29. Точность перевода проверена по подлиннику 1890 г.

³³⁾ Ц. М. Фейнберг. «Учение о вменяемости в различных школах уголовного права», М., 1946, стр. 41.

Выводы из исследований Томсон опубликовал в лондонском журнале психиатрии в 1870 г. в статьях под характерным названием: «Психология преступников» и «Наследственная природа преступления». Следует сказать, что это не единственные работы по уголовной антропологии, проведенные в Англии в годы, предшествующие появлению трудов Ломброзо.

В 1869 г. на Exeter meeting of British Association, доктор G. Wilson делает доклад под названием: «Моральное слабоумие привычных преступников по данным измерения черепов» («The moral imbecility of Habitual Criminals as exemplified by Cranial measurements»).

Выводы доклада были построены на результатах измерения 464 голов преступников. Из этих измерений G. Wilson сделал совершенно произвольное заключение, что привычные воры имеют ясно выраженные симптомы недостаточного развития черепа, особенно спереди. «Недоразвитие черепа, — замечает он, — тесно связано с физическими недостатками; сорок процентов преступников более или менее инвалидны, и этот процент значительно возрастает у профессиональных воров». Это, так сказать, экспериментальная база. А вот вывод: «Арестованным нельзя предоставлять свободы до тех пор, пока не будет явных доказательств, что они не опасны для общества»³⁴).

В расшифрованном виде эта формулировка гласит: преступник до тех пор должен находиться в заключении, пока не избавится от недостатков строения черепа, т. е. до самой смерти.

19 июля 1873 г. в «British Medical Journal» доказывается наследственность слабоумия. Посвященная этому вопросу статья Г. Д. Гардена многозначительно называлась «О средствах к пресечению распространения помешательства».

Труды английского тюремного медика Д. Никольсона под общим названием «The morbid Psychology of Criminals» публикуются в течение трех лет, с 1873 по 1875 гг., т. е. одновременно с трудами Ломброзо и за несколько лет до их окончания.

Преступники объявляются им ненормальными, психически больными. Это результат наследственности или влияния других психических больных.

«Ни один преступник, если его умственные способности нормальны, не станет совершать преступлений, за которые он может быть подвергнут неприятным наказаниям», — пишет Никольсон³⁵) и продолжает: «Лишь бездельники и мерзавцы, которые в конце концов требуют вмешательства врачей, совершают преступления и подвергаются наказанию. Несмотря на то, что они ненормальны, им нельзя делать никаких льгот, и они все же должны быть наказаны, иначе это будет опасно для общества»³⁶).

Таковы лишь некоторые выдержки из объемистого сочинения Никольсона, где он самым подробным образом описывает якобы существующие психические аномалии преступников.

Вместе с английским медиком Говером Д. Никольсон мечтает о «том времени, когда путем мудрого санитарного законодательства будет поставлен предел распространению слабоумных, наполовину развитых по уму и телу людей»³⁷).

Последние статьи Никольсона по уголовной антропологии публикуются в лондонском журнале психиатрии в 1875 г. Однако на этом не затихает уголовно-антропологическое «творчество» в Англии. Вслед за

³⁴) Цитирую по Havelock Ellis «Преступник», стр. 29.

³⁵) „Journal of mental Science“ v. XX (1874—1875), p. 172.

³⁶) „Journal of mental Science“, там же, стр. 172—173.

³⁷) Там же, стр. 540.

Томсоном и Никольсоном к исследованию психической и социальной симптомологии преступников приступают священник J. W. Horsley, публикующий в 1887 г. «Тюремные очерки», Michael Davitt, публикующий «Листки из тюремного дневника» и «Сцены из мира безмолвия», которые печатаются в Blackwood-ском периодическом журнале в 1889 г. В этом же году священник W. D. Morrison в апрельском журнале психиатрии публикует статью «Reflections on the Theory of Criminality», вызвавшую одобрение Ломброзо³⁸⁾.

За некоторое время до этого Mayhew издает 4-томное исследование «Лондонские рабочие и лондонские нищие»³⁹⁾.

Книги Mayhew'a появляются с 1847 г. О взглядах автора достаточно свидетельствует следующая выдержка: «Опасные классы наших городов, бродячие и дикие, отличаются теми же антропологическими признаками, как и кочевые племена кафры, фаллахи и пр., особенно большим развитием челюстей». Эта выдержка вряд ли нуждается в комментариях. Ясно также, для чего понадобилось фашисту Ферри приводить ее в своей «Уголовной социологии» (стр. 43).

На рубеже XX века Ellis отмечает, что эти труды не лишены значения и в настоящее время⁴⁰⁾.

В начале 70-х годов упорные «исследования» преступников ведет в Англии д-р Wans Clark, бывший начальником Woking Prison. Он составляет медицинские биографии сотен преступников и на основе осмотра около тысячи заключенных делает 111 портретов преступников, приходя к выводу об уродливости головы преступников и «противности» их физиономии.

Характеризуя эти рисунки, Ellis писал: «Некоторые черепные и лицевые особенности, подмеченные антропологами, были до того рельефны в этих рисунках, что необходимо упомянуть, что они были сделаны на несколько лет раньше обнаружения сочинения Ломброзо»⁴¹⁾.

Теория о том, что преступление есть выражение атавизма, проникает и в литературу по истории уголовного права.

Так, Z. Owen Pike в «Истории преступлений в Англии» («History of Crime in England», 1876 г., 2-nd Series) пишет, что современные преступники — это люди с качествами (характером и привычками) далекого прошлого, унаследованными через ряд поколений, это дикари, живущие в нашем обществе.

Конец XIX века завершается опубликованием в «Journal of mental Science» статьи анонимного автора, в которой доказывалось, что преступники — это органические вырождающиеся, которых нельзя исправить и надо пожизненно лишать свободы, лишать возможности половой жизни или уничтожать.

Эту статью подверг уничтожающей критике возмущенный предложениями автора русский криминалист Д. Дриль⁴²⁾.

О развитии идей уголовной антропологии в Англии красноречиво свидетельствует то, что на сессии British Association for the Advancement of Science в 1892 г. была выделена специальная секция уголовной антропологии.

К этому же времени (1897 г.) главным тюремным инспектором в Англии был назначен Гриффитс, который на Женевском конгрессе уго-

³⁸⁾ Тот же Моррисон рекомендует применение к преступникам наказания электрическим током, с чем вполне соглашается Ферри. См. «Уголовная социология», стр. 518—519.

³⁹⁾ Эту книгу использует Ломброзо в своей работе «Преступник», перевод с английского Б. И. Бородин, СПб, 1900 г., стр. 20, 102.

⁴⁰⁾ Havelock Ellis, цит. соч., стр. 30.

⁴¹⁾ Там же, стр. 43.

⁴²⁾ Д. Дриль. «Новые веяния», журнал Министерства юстиции, 1897 г.

ловной антропологии в августе 1896 г. заявил о своем полном согласии с основными положениями антропологической школы.

Крупнейшим биокриминалогом Англии конца XIX века был Ellis, сочинения которого стали широко известны в Европе⁴³). Одним из важных составных элементов «научной» базы его теорий являлись расистские измышления английской этнографии и антропологии того времени.

Описывая быт колониальных народов, английские расисты-этнографы всячески подчеркивают нравственную бесчувственность туземцев⁴⁴), приписывают туземцам тупоумие, лукавство, непреодолимую склонность к воровству⁴⁵), внушают читателям мысль о якобы инстинктивной жестокости аборигенов колонии⁴⁶). Эти измышления тщательно подбираются Ellis-ом и используются для доказательства родства преступников с туземцами — представителями «низших» рас, к числу которых Ellis относит в первую очередь египтян, китайцев и аннамитов, с нескрываемой ненавистью сравнивая их с низшими животными.

Расистские установки этого биокриминалога, таким образом, не подлежат никакому сомнению.

О том, насколько противоречат науке клеветнические утверждения приведенных «ученых» о преступности так называемых низших рас, красноречиво свидетельствуют многочисленные данные этнографии. Так, русский исследователь Потанин в очерках о Северо-Западной Монголии писал еще в прошлом веке, что «жизнь монголов проходит тихо, нравы их мягки, о зверском обращении с женами или детьми не слышно; преступления, особенно убийства, встречаются редко, иностранец может спокойно путешествовать по стране».

Не менее реакционными являются и установки Ellis'a по вопросу о реформе уголовного права и тюремной системы. Он — за сохранение смертной казни и решительно возражает против какой бы то ни было торопливости в ее отмене, так как пожизненное заключение не защищает общество⁴⁷). Он за то, чтобы преступника держать в тюрьме до тех пор, «пока не будет логических оснований считать, что он не представляет больше опасности». Преступник должен содержаться так, чтобы не иметь соприкосновения с товарищами-преступниками, т. е. в одиночках. Условное освобождение должно быть ограничено. Ellis требует перейти к системе неопределенных приговоров, называя эту систему замечательной и хвастливо подчеркивая, что честь изобретения этой систе-

⁴³) Об этом свидетельствует факт издания и переиздания целого ряда его работ в Германии, Италии, России и других странах. Отметим также, что Ellis был далеко не одинок в Англии 90 годов XIX века. Так, в 1892 г. в Лондоне опубликована работа Straham „Instinctive Criminality“, которая посвящена вопросам „преступной наследственности“, в 1891 г. там же выходят работы Morrison, a: „Crime and its Causes“, „Juvenile offenders“. Все эти работы использует Ферри, цит. соч. стр. 143, Ломброзо „Преступник“, стр. 104.

⁴⁴) См. напр., Tregar „The Maories of New Zealand“, Journal Antrop. Institute Nov. 1889.

⁴⁵) Так, британский ревизор о жителях Британской Новой Гвинеи писал: «Они закоренелые воры, но не испытывают ни малейшего стыда, если их поймают. Они часто утверждают, что испытывают, как неодолимая сила заставляет их протягивать руку и прикрывать ею предмет, который им нравится, но не составляет их собственности» Report of British Special Commissioner, 1887. см. Ellis, цит. соч., стр. 116.

⁴⁶) Например, Kitt „Serious Crime in an Indian Province“, 1889.

⁴⁷) Цит. соч., стр. 211.

мы принадлежит англичанину Фридриху Hill'у⁴⁸). Рассматривая преступников, как помешанных, Ellis требует наказывать психически больных наравне со всеми остальными. Заключение медицинских экспертов должны быть для суда обязательными. Прения сторон должны быть изгнаны из процесса. Юриспруденция, как самая схоластическая наука, должна возродиться под влиянием методов естественных наук, пишет Ellis. Эти взгляды Ellis широко пропагандировал в Европе и в Америке⁴⁹).

Приведенные изречения Ellis'a дают полное основание считать, что в его лице Англия в конце XIX века имела совершенно последовательного махрового, архиреакционного биокриминолога, ничем не уступавшего итальянским, немецким и другим «корифеям» уголовной антропологии, и отнюдь не случайно книгу Ellis'a «Преступник» Ферри относит к числу лучших трудов по уголовной антропологии.

Идеи уголовной антропологии в XIX веке пышно произрастают на весьма благодатной для этого почве в США.

Уже во второй половине XIX века литература США «обогащается» исследованиями, специально посвященными наследственности преступных наклонностей. Так, в вышедшем в 1877 г. в Нью-Йорке «труде» R. L. Dugdale «The Jukes. A Study in Crime, Pauperism, Disease and Heredity», тщательно «изучается» 709 преступников, бродяг и нищих, и доказывается наследственность преступных свойств. Данные этой книги очень часто использует Ломброзо, как одно из доказательств своей теории.

Появляются медики, которые изошряются в доказательстве повышенного числа помешательств среди иностранцев⁵⁰), ведут исследования физических аномалий у помешанных⁵¹). Издаваемый в эти годы в США специальный «Американский судебно-медицинский журнал» предоставляет свои страницы для проповеди биокриминологических теорий. Так, в июньском номере этого журнала за 1888 г. некий доктор Grother «доказывает», что пьянство — не только верный признак испорченности, но и в большинстве случаев признак медленной и скрытой мозговой болезни, что особенно велика вероятность мозговой болезни, если пьяница совершает преступление. Преступление и опьянение, пишет он, только симптомы болезней, отпечатки которых можно проследить шаг за шагом.

Американская биокриминология в XIX веке представлена деятельностью большого числа биокриминологов.

Так, Берд «доказывал», что алкоголизм порожден не нищетой масс, а вырождением, отпечатывающимся в нервной системе человека. На труды Берда с величайшим удовлетворением ссылается Ломброзо в книге «Безумие прежде и теперь»⁵²).

Самсон «доказывает» связь преступности и мозговой организации человека. Проповедь антропологических идей развивает Mac-Donald в вышедшей в Нью-Йорке в 1893 г. книге «Criminalology».

⁴⁸) Цит. соч., стр. 195. Теорию неопределенных приговоров вслед за Hill'ом усердно разрабатывают американские тюрьмоведы Мэконоки, Гилль, Корпентер (см. Таганцев, цит. соч., стр. 1383), в Англии Мау, автор «The Treatment of Habitual Criminals, London» 1880. На эту книгу Мау ссылается Ферри, цит. соч., стр. 551.

⁴⁹) Там же, стр. 222—223, небезынтересно отметить, что Ellis был непременным участником конгрессов уголовной антропологии и в 1895 г. на конгрессе в Нью-Йорке был одним из основных докладчиков.

⁵⁰) Так, д-р. Carriell в отчете о центральной психобольнице в Иллинойсе. С выводами Carriell'a охотно солидаризируется и Ellis, цит. соч., стр. 222.

⁵¹) Д-р Talbot, из Чикаго, См. Ellis, цит. соч., стр. 53.

⁵²) Перевод с итал., издание Лейненберга, Одесса, 1897 г., стр. 5—6.

Основное внимание в этой книге Мак-Дональд уделяет психической стороне преступления, рассматривая психические аномалии как главный источник преступности⁵³).

О значении этого труда в развитии биокриминологии говорит тот факт, что Ломброзо считал необходимым написать к книге Мак-Дональда специальное предисловие, в котором радостно отмечает, что биокриминология пустила в США глубокие корни, и возлагает большие надежды на США как на страну, которая изменит и улучшит его теории. Одним из источников расистских идей Ломброзо явились американские издания, «доказывающие» повышенную преступность иммигрантов⁵⁴).

Особенно интенсивно ведутся биокриминологические исследования в тюрьмах США. К числу таких исследований надо отнести вышедшую в 1888 г. в Нью-Йорке книгу Hamilton Wey'a «Physical and Intellectual Training of Criminals».

Материал для исследований Wey изыскивал в известной нью-йоркской «образцовой» тюрьме Elmira Reformatory, где он был врачом. Отмечая ряд физических недостатков заключенных, он приписывает преступникам особую нравственную бесчувственность, тупоумие, хитрость, неразвитость, доходящую до того, что они не могут отличить правой руки от левой.

Wey центр внимания переносит на вопрос об исправлении заключенных, так как, считая преступника низшим физико-психическим типом, он, в отличие от своих английских коллег, вместе с тем полагает, что преступника можно и нужно исправлять. Каким же путем?

Из предложенных Wey'ем методов следует ознакомиться с методом военной муштры. Этот метод получил широкое распространение в Elmira с 1888 г. Из заключенных создавался полк, разбитый на 10 рот. Полк был снабжен войсковыми и строевыми офицерами. Созданы военный суд и офицерские классы. Военное обучение включало в себя ежедневную маршировку до полудня (для незанятых арестантов), а по средам и субботам, кроме того, и после обеда, изучение тактики. Во главе полка стоял кадровый полковник Браун. Он же был председателем военного суда тюрьмы. В Elmira была введена жесткая воинская дисциплина для «уменьшения дисциплинарных затруднений», как проговорился начальник тюрьмы. Вгоскway. После года такой военизации тюрьмы было официально признано, что «военное управление исправительными заведениями неизбежно для удовлетворительного порядка»⁵⁵).

⁵³) Изучение трудов англо-саксонских биокриминологов XIX века показывает, что англо-американская биокриминология этого периода характеризуется не только ярко выраженными расистскими установками ее представителей, но и стремлением всячески доказать, что преступные наклонности коренятся прежде всего в психике человека, в его нервной организации. Этим, с одной стороны, англо-саксонские биокриминологи стремились парализовать значение фактов, свидетельствующих об отсутствии специфических телесных особенностей преступников, с другой стороны — обосновать тезис: нравственные свойства преступника — не следствие влияния на него общественной среды, а результат порочной наследственности психических свойств. Характерно, что теория психической неполноценности преступника является и в настоящее время одной из ведущих среди учений современных американских биокриминологов, так как наиболее удобна для практической деятельности буржуазного суда и тюремных органов. Отметим также, что современные расовые теории буржуазных мракобесов, прежде всего, опираются на фундамент «психических особенностей» представителей различных рас. О том, что американские расисты, в отличие от немецких, строят расистскую концепцию на основе психологического родства, а не биологического, указывает С. Л. Толстов. См. «Советская этнография», 1949 г., № 2, стр. 173).

⁵⁴) См. Ломброзо. «Преступление», СПб, 1900 г., стр. 45, где он ссылается на „Compendium of the Tenth Census of the U. S., (1880) и Burre „the dangerous Classes“

⁵⁵) Отчет начальника Elmira Brockway за 1889 г., опубликован в приложении к цит. в книге Ellis'a, стр. 255—256,

Однако помимо этого метода «излечения» заключенных в Эльмире существовал еще и другой, о котором предусмотрительно умалчивали американские тюремщики. Это — метод физических мучений и издевательств. Он применялся в открытом виде (наказание розгами, привязывание в стоячем положении за руки спиной к решетке камеры) и в замаскированном (так называемые гимнастические упражнения с деревянными шарами, которые заключенные обязаны бросать друг в друга и от ударов которых можно уберечься лишь при самом сосредоточенном внимании и т. д.).

Сами врачи Эльмиры вынуждены были признать, что при такой системе заключенные с самого начала живут в страхе и волнении, нервные расстройства и душевные болезни здесь обычное явление. Такие методы зверского «излечения» заключенных вызвали протест даже со стороны реакционной печати, протест настолько сильный, что Броквею пришлось оставить свой пост начальника тюрьмы⁵⁶).

Таким образом, «доказательства» порочности физико-психической организации преступников были использованы для «научного» обоснования введения жестокого военного режима в тюрьмах и для подготовки из заключенных забитых и послушных ландскнехтов.

«Достижения» американской уголовной антропологии позволили обосновать и другой практический вывод — введение системы неопределенных приговоров. Уголовная антропология «доказала», что преступники значительно отличаются друг от друга по своим физическим и психическим свойствам. Поэтому к ним должны применяться и разные наказания. Так как изучение свойств преступника требует значительного времени, то только администрация тюрем может окончательно определить срок заключения. Таковы были «теоретические» предпосылки введения неопределенных приговоров в США. Во второй половине XIX века система неопределенных приговоров уже существует в штатах Массачусетт, Огайо, Иллинойс, Пенсильвания, Канзас. В 1877 г. она вводится и в штате Нью-Йорк. Изобретенная в Англии, впервые практически примененная в США, реакционная идея неопределенных приговоров, спустя несколько лет, получает признание европейских антропологов и социологов⁵⁷). Приоритет английских и американских реакционеров здесь несомненен. Американским империалистам принадлежит и приоритет во введении таких варварских мер наказания, как стерилизация и кастрация. Принудительная стерилизация начала проводиться в США с 1907 г. В штате Нью-Джерси законом от 21 апреля 1911 г. вводится стерилизация в богадельнях, домах для нищих и карательных заведениях. Такой же закон принимается в штате Нью-Йорк 16 апреля 1912 г. До 1913 г. стерилизация вводится в штатах Индиана, Северная Дакота, Калифорния, Айова, Канзас, Вашингтон. Введение этой меры также было «теоретически» обосновано учениями антропологов. То же следует сказать и о кастрации. Уже в 1897 г. в штате Мичиган в парламент вносится предложение о кастрации всех душевнобольных и рецидивистов, в штате Канзас проведены все нужные подготовительные мероприятия для введения кастрации за измену, отцеубийство и взрывы⁵⁸).

⁵⁶) См. С. В. Познышев. «Уголовное право». Дополнение к двум выпускам курса проф. Познышева, М., 1910 г., стр. 124—127. Такая система «излечения» заключенных вызвала бешеный восторг у антропологов Европы. См. Ферри, цит. соч., стр. 520, Ellis, цит. соч., где Ellis особенно хвалит режим Эльмиры за отказ от малодушия и снисходительности к преступникам (см. стр. 204 и дальше).

⁵⁷) Американскую теорию и практику системы неопределенных сроков заключения восторженно рекламирует Ферри (См. «Уголовная социология», стр. 520).

⁵⁸) К 1926 г. принудительная стерилизация осуществляется уже в 23 штатах.

Американским империалистам принадлежит и приоритет в деле установления уголовной ответственности за браки лиц разных рас (негров и белых). Такие уголовные законы, также «теоретически» обоснованные расистской антропологической теорией, вводятся в США уже во II половине XIX в., после окончания гражданской войны.

**

Таковы некоторые факты, показывающие зарождение и развитие буржуазной биокриминологии в Англии и США. На эти факты не обращают должного внимания наши ученые.

Только в изданной Медгизом в 1950 г. «Судебной психиатрии» (руководство для врачей) указывается, что «в работах Томсона содержались почти все выводы, к которым последовательно пришел и Ломброзо»⁵⁹).

С этим нельзя не согласиться.

Остается лишь пожалеть, что такое совершенно обоснованное утверждение не делается в нашей юридической литературе. Это тем более достойно внимания, что сами итальянские биокриминологи, так называемые «отцы» уголовной антропологии, признают «приоритет» англо-саксонских биокриминологов.

В этом отношении чрезвычайно интересно признание Ферри, который прямо пишет, что «начало современному уголовно-антропологическому движению было положено главным образом исследованиями некоторых тюремных врачей и других английских специалистов, а именно: Winslow'a (1854), Mayhew'a (1860), Tompson'a (1870), Nicolson'a (1877), Maudsley (1873)...»⁶⁰).

Приведенные выше факты дают, с нашей точки зрения, основание считать, что в XIX веке в Англии и США уголовно-антропологическое направление получило весьма серьезное развитие, что не только Томсон, но и многие другие англо-американские биокриминологи опередили Ломброзо в наиболее существенных чертах его теории о преступном человеке.

Столь серьезное развитие в Англии и США XIX века уголовно-антропологических теорий не является случайным. Оно было исторически обусловлено экономикой и политикой этих государств в XIX веке.

Соединенные Штаты Америки в XIX веке были страной крупного плантаторского рабовладения. В начале XIX века в США, наряду с ростом капиталистического производства, продолжало усиливаться рабство. С 30-х годов XIX века американская демократическая республика оказалась в руках южных плантаторов-рабовладельцев, сделавших свои интересы путеводной звездой внешней и внутренней политики. Негры подвергались самой жестокой эксплуатации. Хозяин мог безнаказанно засечь своего раба. Американская буржуазия добивалась отмены рабства только потому, что его существование тормозило развитие капитализма.

«Освободив» негров, американская буржуазия постаралась на почве «свободного» и республиканско-демократического капитализма восстановить все возможное, сделать все возможное для самого бесстыдного и подлого угнетения негров, писал В. И. Ленин⁶¹). С этой целью крупный финансовый капитал вместе с обуржуазившимися плантаторами всячески поддерживал и укреплял расовую дискриминацию негров. Сохраняя и разжигая расовую ненависть, капиталисты и плантаторы США

⁵⁹) Судебная психиатрия. Руководство для врачей под редакцией П. М. Фейнберг, А. Н. Бунеева, М. О. Гуревича, А. М. Халецкого, М., 1950 г., стр. 33.

⁶⁰) Ферри. Уголовная социология, М., 1908, стр. 41.

⁶¹) В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 12—13.

стремились задушить растущее движение негритянского народа в защиту своих прав, отвлечь внимание народных масс от непрерывного ухудшения их положения, натравить друг на друга белых и черных трудящихся, запугать массы американского народа, создав обстановку террора, наконец, усилить расистские и националистические предрассудки среди американцев, привить им чувство ненависти ко всем, не принадлежащим к англо-саксам.

Эта политика разжигания расовой вражды особенно бурно развивается и усиливается в эпоху империализма, эпоху, характеризующуюся усилением политической реакции по всем линиям. В США политика разжигания расовой вражды была особенно заманчивой для капиталистов, так как среди рабочих в 70 г. прошлого века более 60% составляли не-американцы.

Ф. Энгельс в письме к Г. Шлютеру писал: «Для вас в Америке большим препятствием, как мне кажется, является исключительное положение коренных американских рабочих... пришедшие рабочие разделены на бесчисленное множество национальностей и не понимают ни друг друга, ни, в большинстве случаев, национального языка. А ваша буржуазия умеет еще гораздо лучше, чем австрийское правительство, натравливать одну национальность на другую... так что, мне думается, в Нью-Йорке встречается такая разница в жизненном уровне рабочих, о которой в других местах и не услышишь»⁶²).

Уголовно-антропологические теории о прирожденном преступном человеке используются в США для обливания грязью рабочих, вступающих в борьбу с капиталистами.

Так, во время судебных процессов 1875—76 гг., когда судили по вымышленному обвинению стачечников-горняков, реакционная пресса изображала их, как закоренелых бандитов и убийц, прирожденных преступников⁶³).

Еще раньше американские расисты занялись причинами преступности негров, в основе которой лежат якобы расовые особенности негритянского населения.

Так, в 1844 г., отвечая на ноты европейских государств, протестовавших против торговли неграми, американский министр иностранных дел Калгоун после консультации с антропологами дал ответную ноту, в которой, ссылаясь на якобы «неопровержимые данные науки», указывал, что негры коренным образом отличаются от белых и являются низшим классом человечества.

Таким образом, более 100 лет тому назад расовая теория была официально декларирована устами официального представителя США.

Англия XIX века была крупнейшей колониальной страной мира. Сотни миллионов туземцев подвергались беспощадной эксплуатации и истреблению в колониях Англии, разбросанных по всем частям мира. На крови и поте колониальных народов строилось благополучие и могущество английских капиталистов.

Во II половине XIX века расистская человеконенавистническая идеология английских капиталистов развивается еще больше под влиянием гражданской войны в США. В случае победы Юга над Севером перед английскими промышленниками открывалась «блестящая» перспектива превращения США в свою колонию. Англия готовила вооруженную интервенцию в США и только возглавляемая К. Марксом могучая волна

⁶²) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 44.

⁶³) См. Антони Бимба. «Молли Маргвайс». Из истории рабочего движения в США, М., 1950 г., стр. 98.

рабочего движения в Англии против этой позорной интервенции заставила английских капиталистов пойти на попятную.

Послушные исполнители воли своих хозяев «ученые» из кожи лезут вон, чтобы «теоретически» оправдать, обосновать угнетение колониальных народов, рабование. Уже с XVII века эти «теоретики» пытались «обосновать» необходимость варварского истребления индийских племен и угнетения негров биологическими теориями. В дальнейшем поток расистской литературы нарастает. В 1854 г. в США выходит книга И. Нотта и Г. Глиддона «Типы человечества», изображающая негров, как «низшую расу». Этот «труд» был написан по прямому заданию рабовладельцев. Огромное количество расистской литературы публикуется в этот период в Англии — книги Артура Гобино, Джемса Гента и других расистов. Не случайно, что Англия явилась родиной мальтузианства, евгеники, функционализма. Безбожно фальсифицируя данные антропологии, социологии, этнографии, эти расисты «доказывают» биологическую и нравственную неполноценность «низших» рас.

Рост рабочего движения в Англии и в США в 60—70 годах прошлого века приводит в трепет буржуазию, начинаются попытки избавиться от демократической законности, в том числе и в области уголовного права. Буржуазию перестают удовлетворять и прежние меры борьбы с преступностью, которая систематически растет⁶⁴⁾ вместе со значительным ростом рецидива (в Англии в 1872—1876 гг. процент рецидива достиг 38, в Шотландии — еще выше⁶⁵⁾), обгоняет рост населения и характеризуется повышенным ростом преступности несовершеннолетних⁶⁶⁾.

В этих условиях уголовно-антропологические теории, оправдывающие расовую дискриминацию, снимающие с буржуазии ответственность за рост преступности и обосновывающие произвол суда, администрации тюрем, обосновывающие политику колониальных захватов и угнетения колониальных народов, явились для английской и американской буржуазии весьма удобным искомым средством для «теоретического» оправдания своей внешней и внутренней политики.

Опирающаяся на «достижения» отечественных биокриминалогов XIX века, американская биокриминалогия современных дней является главным направлением буржуазной науки уголовного права. Ее столпы — идейные потомки Маудсли, Томсона, Мак-Дональда — Хутон, Абрахамсен, Таппан, Шеппард и прочие мракобесы с учеными степенями и званиями ведут безудержную проповедь дикого произвола и террористических методов расправы. Американская буржуазия претворяет в жизнь их чудовищные предложения.

Законодательство США официально закрепляет абсолютно-неопределенное наказание — тюрьма от одного дня до конца жизни, а практика американского правосудия характеризуется тем, что из 10 пригово-

⁶⁴⁾ За 37 лет первой половины XIX в. преступность в Англии возросла в 7 раз. и «...британская нация стала самой преступной нацией в мире», — писал Ф. Энгельс («Положение рабочего класса в Англии», К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. III, стр. 420). В последующий период преступность характеризуется или ростом, или относительно повышенным уровнем, указывал К. Маркс («Население, преступность и пауперизм». К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XI, стр. 246).

⁶⁵⁾ См. Фойницкий, цит. соч., стр. 44. По данным Уайта в 1850 г. в США 1 заключенный приходился на 3442 гражданина, в 1860 г. в США 1 заключенный приходился на 1647 граждан, в 1870 г. в США 1 заключенный приходился на 1171 гражданина, в 1890 г. в США 1 заключенный приходился на 855 граждан. См. Ферри. «Уголовная социология», стр. 205.

⁶⁶⁾ По данным Cleatona См. „Journal of mental Science“, II, стр. 269 (цит. по Дриль «Малолетние преступники»). Что касается США, то и там шел быстрый рост преступности несовершеннолетних. См. Annees an Rapport de M. Th. Bousset., 1883, v. III, p IV (цит. по Д. Дриль «Малолетние преступники», стр. 210).

ров — 8—9 приговоров с неопределенным наказанием⁶⁷⁾. Характер и сроки заключения определяют эксперты-неюристы в зависимости от «симптомов и символических проявлений преступного поведения и анти-социальных реакций».

Клиническое обследование в тюремных приемниках проводят доктора медицины, антропологии и психиатрии (Нью-Джерси, Массачусетс, Калифорния, Огайо, Иллинойс и др.). Поводом к неосвобождению является заключение психиатра, который исследует «психопатологические стимуляторы преступности».

В 9 штатах предусмотрена принудительная стерилизация привычных преступников. Так, в Калифорнии подверглись стерилизации более 17000 привычных преступников. Существуют клиники при судах, в которых измеряют извилины мозга с помощью электроэнцефалографов.

По решению суда четвертных сессий графства Алегени Миллард Райт, осужденный за грабежи, был подвергнут хирургической операции мозга «для излечения от преступных наклонностей»⁶⁸⁾.

Во многих штатах Америки существуют телесные наказания, начиная с кастрации и стерилизации и кончая плетью.

Понятие тюремного заключения стало в большом числе случаев полностью равнозначным смертной казни.

Так идейные потомки английских и американских биокриминологов XIX века осуществляют на практике требования биокриминологических теорий.

⁶⁷⁾ См. статистические данные, приведенные С. Л. Зивсом в статье «Тюрьма и ка-торга в США», «Советское государство и право», 1953 г., № 6, стр. 154.

⁶⁸⁾ С. Л. Зивс. «Реакционная сущность уголовного права США», М., 1954 г., стр. 83.

Кафедра уголовного права и процесса
Томского государственного университета
имени В. В. Куйбышева

РЕШЕНИЕ

СЕКЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК V НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА, ПОСВЯЩЕННОЙ 350-летию г. ТОМСКА

1. Одобрить направления научно-исследовательской работы кафедр юридического факультета Томского университета. Рекомендовать кафедрам сосредоточить научные силы факультета на исследовании актуальных проблем государственного права СССР и стран народной демократии, советского уголовного, гражданского и судебного права.

2. Секция отмечает укрепление связи научно-исследовательской работы юридического факультета с практикой органов советского государственного управления, суда и прокуратуры. Рекомендовать юридическому факультету Томского университета усилить работу в этом направлении.

3. Считать необходимым объединение усилий работников юридического факультета Томского университета, работников органов советского государственного управления, суда и прокуратуры в развертывании как научно-исследовательской работы, так и пропаганды советского социалистического права среди трудящихся.

Сообщения

О. А. ЖИДКОВ

ВЕРХОВНЫЙ СУД США В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

Одной из актуальных задач, стоящих перед советской юридической наукой и вытекающих из решений XX съезда партии, является глубокое изучение и всестороннее освещение закономерностей и процессов развития государственно-правовой надстройки капиталистического общества в период империализма. Вместе с тем указание XX съезда партии на необходимость решительной и неустанной борьбы с буржуазной идеологией обязывает советских юристов внимательно изучать используемые в практике отдельных органов буржуазного государства современные правовые теории, вскрывать их классовую сущность.

В связи с этим история Верховного Суда США — одного из главных органов американского государства — представляет значительный интерес для советской историко-правовой науки. Важность изучения истории Верховного Суда США для советских юристов определяется тем, что деятельность этого органа служит ярким образцом искусного использования юридической формы для маскировки классовой направленности судебных решений, а сам суд является творцом многочисленных правовых доктрин, которые в период империализма рассматриваются американской юридической наукой в качестве составной части конституционного права США.

Автор настоящей статьи ставит своей целью показать классовый характер состава судей Верховного Суда, вскрыть основные направления его деятельности в период империализма, а также изучить методы, используемые судом для маскировки классовой сущности своих решений.

Поскольку в статье общая характеристика Верховного Суда, как органа американского государства, дается в историческом плане, автор считал возможным не рассматривать специальные, более узкие вопросы об организации суда, порядке его деятельности, процессуальном движении дел и т. п., которые к тому же в основных своих чертах уже освещены в советской юридической литературе.¹⁾

Разумеется, в пределах данной статьи нет возможности дать анализ всех решений Верховного Суда. Поэтому автор, руководствуясь марксистско-ленинским учением о классовом характере судебных органов, сконцентрировал основное свое внимание на рассмотрении тех его решений, которые направлены на удовлетворение экономических и политических интересов господствующего класса. Именно такой анализ позволяет дать правильную, научно-объективную оценку деятельности Верховного Суда в период империализма, вскрыть те силы, которые стоят за его важнейшими решениями, а вместе с тем разбить миф о его общеклассовой и якобы особой конституционной природе.

¹⁾ См., например, работу Кейлина А. Д., Гражданский процесс и судостроительство капиталистических государств. М., 1950, ч. 1.

Установленный еще в ст. 2-й конституции США 1787 года принцип пожизненного назначения судей президентом с совета и согласия сената в период империализма успешно используется монополистической буржуазией для подбора соответствующего ее интересам состава судей Верховного Суда. Несмотря на постоянные заверения официальной юридической науки в США о беспристрастности и аполитичности американских судей²⁾, классовый характер власти в США неизбежно находит свое выражение в составе судей Верховного Суда.

Президент и сенат основывают свой выбор судьи, исходя отнюдь не из его личной честности или знания права, как это нередко стремятся представить буржуазные юристы, а принимая отправным пунктом своего назначения социальное, имущественное положение, а также политические устремления кандидата. Еще В. И. Ленин в работе «О промышленных судах» писал о судьях-чиновниках в капиталистическом обществе, «которые берутся из класса буржуазии, из класса имущих людей и которые сохраняют почти всегда связи с буржуазным обществом, с фабрикантами, директорами, инженерами, а от рабочих точно отгорожены китайской стеной»³⁾.

В период империализма господствующий класс добивается назначения в Верховный Суд прежде всего таких лиц, которые в качестве адвокатов, юрисконсультов, советников связаны узами непосредственной службы с отдельными капиталистическими корпорациями и которые, попадая в Верховный Суд, естественно отстаивают интересы этих корпораций, а также монополистического капитала в целом. Американский писатель Т. Драйзер в своей публицистической статье «Верховный Суд США на службе корпораций», основываясь на целом ряде конкретных фактов, пишет: «Наших судей всегда связывали с корпорациями нерасторжимые и ненарушимые узы взаимопонимания и общности интересов»⁴⁾. Судьи Верховного Суда Фуллер, Матьюз, Пекхем, Маккенна, Дей, Лертон, Леймар, Питней, Хьюз, Батлер, Робертс и другие до своего назначения на эту должность имели широкую известность как адвокаты, пользовавшиеся блестящим успехом среди финансовых кругов США и бывшие в большом спросе у ведущих американских монополий.

Так, например, председатель Верховного Суда (1888—1909 г.) Фуллер длительное время служил в качестве поверенного капиталистических объединений, поддержка которых и обеспечила ему получение столь высокого судейского поста. До своего назначения в суд Фуллер выступал за «Мерчанс Нэшнл Банк оф Спрингфелд», «Коммершиал Банк оф Бристоль Р. И.», «Метрополигэн Нэшнл Банк» и другие крупнейшие банки США, а также был адвокатом «Чикаго Бэрлингтон энд Квинси Рейлроуд», «Чикаго Газлайт энд Коук Компани» и других капиталистических корпораций⁵⁾. Его кандидатуру на пост председателя Верховного Суда активно поддерживали адвокат ряда железнодорожных компаний сенатор Джон Спунер из Висконсина, президент «Пульман Компани оф

²⁾ Американский юрист Хьюз, впоследствии председатель Верховного Суда США писал в «Нью-Йорк Таймс» 16 октября 1924 года, что Верховный Суд «примерно настолько отдален от политического влияния, насколько это вообще возможно для какого-либо человеческого учреждения».

³⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 275.

⁴⁾ Т. Драйзер. Собр. соч., т. 11, М., 1954, стр. 134.

⁵⁾ См. King W. Melville Weston Fuller-Chief Justice of the United States 1888—1910. N. Y. 1950, pp. 68, 73, 94—95; Myers G., History of the Supreme Court of the United States. Chicago 1925, pp. 582—589.

Чикаго» Роберт Линкольн, сенатор-миллионер из Иллинойса Чарльз Фервелл, а также другие представители капиталистических интересов⁶⁾.

Другой председатель Верховного Суда (1910—1920 гг.) Уайт начал свою юридическую карьеру в качестве адвоката и поверенного владельцев сахарных предприятий в штате Луизиана⁷⁾.

В число многочисленных корпораций, которые обслуживал в качестве поверенного будущий член Верховного Суда Дж. Леймар (1910—1915 гг.) входили одна из могущественных компаний США «Сентрал Траст Компани оф Нью-Йорк», а также контролируемая Морганом «Сентрал оф Георгия Рейлвэй Систем»⁸⁾.

Судья Верховного Суда США (1892—1902 гг.) Ширас с 1856 года до самого момента назначения в суд занимался частной юридической практикой в г. Питсбурге и был связан с крупными капиталистическими компаниями («Балтиморе энд Огио Рейлроуд», «Пиплс Газ Компани» и др.). В момент назначения Шираса в суд его доход от практики, как сообщает Майерс, составлял не менее 50 тыс. долл. в год и доходил, вероятно, до 75 тыс. долларов⁹⁾.

В 1897 году при обсуждении в сенате США кандидатуры Маккенна было установлено, что будущий судья был тесными узами связан с Леландом Сандфордом—крупным железнодорожным магнатом США¹⁰⁾.

В 1925 году сенат США утвердил в должности судьи Верховного Суда Харлана Ф. Стоуна, несмотря на то, что при обсуждении его кандидатуры приводились факты, показывающие, что он, будучи адвокатом, был непосредственно связан с группой Моргана. Более того, сенатор Хефлин прямо обвинил Стоуна в «безнравственной практике» по делам, затрагивающим интересы Моргана¹¹⁾.

Когда в 1930 году президент Гардинг назначил на пост председателя суда Чарльза Хьюза, входившего уже одно время (1910—1915 гг.) в состав Верховного Суда и длительный период служившего у таких крупнейших американских монополий, как «Дженерал Электрик», «Анаконда Коппер», «Этна Иншуренс Компани» и др.¹²⁾, ряд конгрессменов США выступил против утверждения сенатом этой кандидатуры. Хьюз был обвинен в том, что, будучи адвокатом Уолл-стрита, он «почти неизменно» вел перед Верховным Судом США дела в защиту корпораций «несказанного богатства»¹³⁾. Однако большинство сената усмотрело, видимо, в этом достоинство кандидата и подтвердило назначение президента¹⁴⁾.

Неудивительно, что связанные в течение долголетней юридической практики с монополиями, скрепленные с ними материальными и дружественными узами судьи Верховного Суда, неизменно выступают защит-

⁶⁾ См. King W. *op. cit.*, pp. 107—113. Myers G. *op. cit.* pp. 578—579.

⁷⁾ См. Петигору Р. Торжествующая плутократия. М., 1922, стр. 177.

⁸⁾ См. Myers G., *op. cit.*, pp. 774—776.

⁹⁾ См. Myers G., *op. cit.*, pp. 594—596.

¹⁰⁾ См. Ewing Cortez, *The judges of the Supreme Court 1789—1937*, Minneapolis, 1938, p. 27.

¹¹⁾ См. Harris J. P. *Advice and Consent of the Senate*, Berkley and Los Angeles, 1953, p. 118.

¹²⁾ См. Т. Драйзер. Собр. соч., т. 11, стр. 137.

¹³⁾ См. Mason A. T. *The Supreme Court: Vehicle of revealed truth or power group 1936—1937*, Boston, 1953, p. 10.

¹⁴⁾ В период империализма критика в стенах сената связей, установившихся между судьями и монополиями, а также отклонение предложенных президентом кандидатур представляет чрезвычайно редкое явление. Характерно, что за всю историю США из 116 лиц, назначенных президентами в Верховный Суд, 21 кандидатура не получила одобрения со стороны сената, причем из них до 1894 года—20, а за все последующее время только одна (данные взяты из книги: Harris J. P. *Advice and Consent of the Senate*, 1953, pp. 302—303).

никами интересов крупных капиталистических объединений США. Так, американский сенатор Петигору в книге «Торжествующая плутократия» прямо утверждает, что, когда судьи, подобные Уайту, «получают назначение, их прежняя практика и образ действий сказываются на каждом шагу. Такие люди не в праве быть присяжными, а тем более занимать место судьи»¹⁵⁾.

Тогда как официальная доктрина проповедует, что при вынесении решений судьи руководствуются «верховным правом страны», сами судьи Верховного Суда, не согласившиеся с решением, признающим неконституционным закон, устанавливающий минимум зарплаты для женщин, указали, что для оправдания такого решения «трудно вообразить другие основания, кроме как наши собственные экономические предубеждения»¹⁶⁾.

Зависимость американских судей от монополий проявляется также в том, что в состав Верховного Суда попадают только такие политические деятели, которые зарекомендовали себя на тех или иных государственных должностях как лица, чьи политические взгляды соответствуют интересам господствующего класса и которые всю свою деятельность посвятили укреплению общественного строя, обеспечивающего господство монополистического капитала. Разумеется, в Верховный Суд назначаются не рядовые юристы, не имеющие веса в государственном аппарате США, а лица, обладающие известным политическим капиталом, а также широкими связями в правительственных сферах или среди влиятельных групп господствующего класса.

Так, Ван Девантер, прежде чем стать судьей Верховного Суда, длительное время служил в департаменте внутренних дел США, председателем Верховного Суда штата Вайоминг, а также федеральным окружным судьей.

Председатель Верховного Суда (1922—1929 гг.) Тафт успел побывать до 1922 года судьей штата, окружным судьей США, генерал-солиситором США, секретарем военного департамента и даже президентом США.

Другой председатель Суда (1946—1953 гг.) Винсон, с чьим именем связано начавшееся после второй мировой войны активное наступление суда на демократические свободы граждан США, предварительно зарекомендовал себя во всех 3-х областях государственной службы: Винсон 7 раз избирался в конгресс, с 1938 по 1943 год был членом апелляционного суда и, наконец, занимал при президентах Рузвельте и Трумэне важнейшие исполнительные должности, последней из которых была должность секретаря казначейства¹⁷⁾.

Нынешний член Верховного Суда Кларк был назначен в 1949 году президентом Трумэном за его «заслуги» на посту генерал-атторнея, несмотря на то, что коммунистическая партия и другие прогрессивные организации США убедительно показали, что Кларк, будучи генерал-атторнеем, не только не смог отстоять гражданские свободы в США, но и сам сыграл неблагоприятную роль в расследовании лояльности и в подслушивании органами ФБР телефонных разговоров¹⁸⁾.

Сравнительно немногочисленную группу судей Верховного Суда составляют лица, которые до своего назначения прославились как знатоки-теоретики или преподаватели права (Холмс, Франкфуртер, Рутлидж и др.). Согласно официальной доктрине, эти ученые юристы не зависят

¹⁵⁾ Петигору Р. Цит. соч., стр. 177.

¹⁶⁾ Morehead v. New. York 298 U. S. 611, 633 (1936).

¹⁷⁾ Краткую характеристику политической деятельности вышеуказанных и других судей Верховного Суда США см. в книге: Svisher C. B. American Constitutional Development, Boston, 1954.

¹⁸⁾ См. Harris J. P., op. cit., p. 312.

якобы от политики, классов и являют собой пример абсолютной объективности, бескорыстного служения обществу и правовой науке. Однако следует отметить, что во-первых, как указывал еще В. И. Ленин, «назначаемые судьи в большинстве неизбежно будут в силу принадлежности большинства «образованных» юристов к буржуазии выходцами из буржуазии»¹⁹). Во-вторых, сама официальная правовая наука в буржуазном обществе (именно к ней принадлежат назначаемые судьи-теоретики) является совокупностью теорий, учений, представлений и т. п. о праве буржуазии.

Философской основой правовых теорий большинства видных судей Верховного Суда в период империализма является прагматизм. Холмс, Кардозо, Брандейс, Франкфуртер и другие теоретики суда, руководствовались в своей судебной деятельности правовой философией, представляющей из себя развитие прагматизма в праве. Американский философ Коммэджер в книге «Американский дух» указывал, что после 1937 года прагматическая «социологическая юриспруденция... почти официальная доктрина суда»²⁰).

Для прагматистов характерно признание того, что право основывается на удобствах или выгодах для общества, которое они понимают абстрактно, безотносительно к его классовому составу. Как отмечает американский юрист Мейсон, «для мистера судьи Брандейса право по существу является инструментом социальной политики»²¹).

Исходя из этого, Брандейс, Холмс и другие проповедуют свободу судейского усмотрения, не связанную существующими правовыми нормами и определяемую лишь понятием «выгоды» и «социальной необходимости». Брандейс, отражая стремление монополистической буржуазии отойти от доктрины судебного прецедента, являющейся для нее во многих случаях стеснительной, заявлял, что обязанность судей следовать предшествующим решениям «является обычно мудрым правилом действия. Но она не является всеобщим, непреклонным требованием»²²). По Брандейсу, правовая норма должна рассматриваться в качестве «экспериментальной», «так как множество разнообразных фактов, к которым она должна будет применяться, нельзя предвидеть»²³).

Таким образом, правовой прагматизм судей Верховного Суда, с одной стороны, служит обоснованием произвола, а с другой — разговорами о «социальной выгоде» прикрывает классовый характер деятельности американских судей.

В буржуазной юридической науке широко пропагандируется доктрина о надклассовости и беспристрастности американских судей. Например, профессор права Луис Джаффе в статье, посвященной памяти судьи Джексона, пишет: «Его судейская философия была философией человека права, добросовестного адвоката общества и каждого из классов существующего общества»²⁴). Таким заявлением Луис Джаффе пытается представить деятельность, которая была всецело направлена на поддержание господства одного класса над другим, в виде проявления существующей якобы гармонии и единства интересов всего общества.

¹⁹) В. И. Ленин. Международный съезд судей. Соч., т. 18, стр. 279.

²⁰) Цит. по кн. Уэлс Г. Прагматизм—философия империализма. М., 1955, стр. 774.

²¹) Mason A. T., Brandeis and the Modern State, Washington, 1936, p. 230.

²²) The Social and Economic Views of Mr. Justice Brandeis. N. Y., 1930, p. 326.

²³) См. Mason A. T. Brandeis and Modern State, p. 231.

²⁴) Harvard Law Review, Vol. 68 No 6, April 1955, p. 940.

Еще Энгельс, разоблачая мнимую надклассовость английских судей, писал: «Создают вторую фикцию «беспристрастного судьи», который должен развернуть закон и беспристрастно, совершенно «объективно» сопоставить представленные обеими сторонами доводы, как будто бы это было возможно»²⁵). Сами решения Верховного Суда наглядно свидетельствуют о несостоятельности столь же старой, как и сам капитализм, буржуазной доктрины о преданности судей неким «правовым идеалам», об их бескорыстном служении всему обществу.

**

В период империализма полномочия Верховного Суда существенно расширились в сравнении с тем, что предусматривалось в конституции США 1787 года. Это расширение в основном осуществлялось по двум направлениям.

Прежде всего, Верховный Суд США, созданный по конституции 1787 года исключительно как орган федеральной юстиции, в ходе истории был наделен полномочиями контроля над деятельностью судебных органов штатов. Уже акт конгресса 1787 года об организации судебной системы (раздел 25) предусмотрел вопреки конституции возможность пересмотра решений судов штатов в Верховном Суде в тех случаях, когда штат в своем решении отказывается следовать договорам, статутам и т. п. Соединенных Штатов.

Акт конгресса от 23 декабря 1914 года уполномочил Верховный Суд истребовать любое дело из высших судов штатов для пересмотра также и в тех случаях, когда решением не отрицались федеральные права и полномочия, и суд штата высказывался «против действительности статута или полномочия штата, которые, как утверждается, противоречат конституции, договорам или законам Соединенных Штатов»²⁶).

В настоящее время эти расширяющие апелляционные полномочия Верховного Суда законодательные положения с незначительными процессуальными изменениями, предусмотренными актами конгресса от 1916, 1925 и 1928 годов, изложены в § 1257 tit., 28 U.S.C. и практически могут обеспечить перенос в Верховный Суд из судов штатов любого сколько-нибудь значительного дела. Формальное же требование закона о том, что в деле, пересматриваемом Верховным Судом, должен быть затронут «федеральный вопрос», не имеет существенного значения, поскольку в тех случаях, когда решением затрагиваются интересы монополий, состоящие у них на службе опытные юристы всегда смогут указать на какое-нибудь, хотя бы чисто внешнее и надуманное противоречие решения суда штата федеральной конституции, законам, договорам.

Тем самым в настоящее время чистую фикцию представляют заявления юридической науки в США о том, что будто бы именно судебные органы в штатах обладают всей полнотой судебной власти, а федеральные суды осуществляют лишь ограниченные полномочия в пределах, установленных конституционными рамками.

Расширение апелляционных полномочий Верховного Суда служит ярким проявлением кризиса феодализма в США.

С другой стороны, в период империализма Верховный Суд США активно осуществляет целый ряд функций, которые в своей сущности не являются судебными.

²⁵) Энгельс Ф. Положение Англии — Английская конституция. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., издание второе, т. I, стр. 635.

²⁶) Цит. по кн. Hart H. and Wechsler H. The Federal Court and the Federal System, Brooklyn, 1953, p. 401.

История Верховного Суда тесно связана с историей развития в США института судебного контроля «конституционности» правовых актов или, как его стараются представить буржуазные юристы, института «конституционного» контроля. Прежде всего следует отметить, что сам этот институт не предусматривался конституцией США, был создан помимо ее в ходе судебной практики и оформлен главным образом в решениях Верховного Суда. Решение Верховного Суда 1803 года по делу «Марбьюри против Мадисон» положило начало практике пересмотра судами законов конгресса, а решение 1810 года по делу «Флетчер против Пек» создало судебный прецедент, делающий возможным аннулирование законов штатов.

Целый ряд американских юристов пытается, правда, доказать, что суд якобы не может пересматривать акты законодательных органов. Так, Матьюз, например, заявляет, что американские суды не аннулируют статуты²⁷⁾, а Уоррен утверждает, что само выражение «суд признает закон недействительным» является неудачным, поскольку суды якобы рассматривают и разрешают только лишь конкретные споры, связанные с применением законов²⁸⁾.

Эти доводы представляют собой не более как чисто юридическую увертку. После вынесения решения Верховного Суда, в котором законодательный акт признается недействительным, все суды страны в соответствии с доктриной судебного прецедента отказываются давать судебную защиту тем правам, которые вытекают из этого акта. Решением суда правовой акт превращается в ничего не значащую бумажку, а права, записанные в нем, — в пустой звук, ибо они не пользуются никакой государственной защитой, и, наоборот, попытки их реализации могут повлечь за собой применение карательных санкций. Как справедливо отметил в 1928 году В. К. Дябло: «... если за применение такого закона можно попасть в тюрьму, то очевидно, что он остается в силе только на бумаге»²⁹⁾.

С созданием института судебного контроля буржуазия США получила возможность, пренебрегая провозглашенным ею же принципом законности, использовать Верховный Суд для обхода и фактического уничтожения законов конгресса, статутов штатов и любых других правовых актов в тех случаях, когда они по тем или иным причинам становились для нее невыгодными. Весьма характерен тот факт, что число актов конгресса и законов штатов, объявленных Верховным Судом недействительными, начиная с последней четверти XIX века и в XX веке, т. е., с момента перерастания капитализма в монополистическую стадию, намного превышает аналогичное число для всех предшествующих периодов истории США. Если за период с 1790 по 1880 год, т. е. за 90 лет, Верховный суд признал недействительными 15 актов конгресса, то с 1880 по 1900 год — всего за 20 лет — 15 актов, с 1900 по 1920 — уже 16, а с 1920 по 1930 год, лишь в течение одного десятилетия суд аннулировал 19 актов конгресса³⁰⁾. Число законов штатов, признанных недействительными в Верховном Суде США, в период империализма исчисляется сотнями.

Следует, однако, отметить, что за период после второй мировой войны Верховный Суд только в двух случаях признал недействительными акты конгресса. Это дало основание отдельным американским юристам

²⁷⁾ Matthews J. M., American Constitutional System N. Y., 1940, p. 228.

²⁸⁾ Warren Ch., Congress, the Supreme Court and Constitution, Boston, 1925, p. 63.

²⁹⁾ В. К. Дябло, Судебная охрана конституции в буржуазных государствах и СССР. М., 1928, стр. 47.

³⁰⁾ Данные взяты в книге: Bates E. S., The Story of the Supreme Court, Indianapolis, N. Y., 1938, p. 263.

утверждать, что произошло коренное изменение во взаимоотношениях суда с конгрессом, что «Верховный Суд не может быть больше обвинен в осуществлении функции сверхлегислатуры»³¹).

Фактически же институт судебного контроля никаких принципиальных изменений не претерпел. Дело заключается лишь в том, что после окончания войны, когда в связи с развернувшимся в США походом реакции против демократических сил конгресс принял ряд антинародных и вместе с тем антиконституционных законов, Верховный Суд не только не оспорил их действительность, но своими решениями дал им прямую судебную санкцию.

В данном случае судебная проверка «конституционности» законов была использована правящим классом в ином направлении: для того, чтобы придать конституционную окраску правовым актам, грубо нарушающим важнейшие положения конституции США. Так, Верховным Судом США были подтверждены такие акты конгресса, как закон Смита, Тафта-Хартли, Маккарена-Уолтера, несмотря на то, что компартия США убедительно доказала, что сами эти акты и практика их применения направлены на ликвидацию Билля о правах — первых десяти поправок к конституции США.

Судебная проверка «конституционности» законов в США заключается также и в том, что Верховный Суд в целях ликвидации отдельных правовых положений не только признает акты законодательных органов недействительными, но также путем произвольного конструирования различных правовых доктрин дает им нередко противоречащее их первоначальному смыслу толкование. Поскольку решения Верховного Суда являются руководящими в деятельности всех судов страны, постольку судебные доктрины по сути дела представляют собой новые правовые нормы, подменяющие те, которые содержатся в самом законодательном акте.

Правотворчество с помощью Верховного Суда является для господствующего класса в известном смысле более выгодным, чем посредством законодательных органов, так как оно осуществляется не на виду у трудящихся масс, а в скрытой, завуалированной форме, и правовые нормы, введенные в жизнь решениями суда, несмотря на официальное признание принципа судебного прецедента, являются более подвижными. Такой порядок вещей, при котором применение правового акта во многом зависит в каждом конкретном случае от судебного решения, вносит в право США значительную долю неопределенности и сомнительности, которые могут быть легко обращены против интересов трудящихся.

Прикрываясь демагогическими разговорами о необходимости строгого соблюдения конституции США, Верховный Суд в процессе «проверки конституционности» и истолкования законов нередко извращает ее первоначальное и действительное содержание. Когда суд дает свою интерпретацию правовых актов, он, как правило, ссылается при этом на конституцию, которой он приписывает тот или иной необходимый ему смысл. Поэтому от многих из тех конституционных положений, которые содержатся в официальном документе, осталась в настоящее время лишь форма, которую суд по существу заполняет новым содержанием, в большей степени соответствующим изменившимся общественным условиям.

Тем самым проверка судом «конституционности» правовых актов приобрела значение одной из главных форм приспособления устаревших конституционных положений к новым, специфическим для эпохи империализма условиям господства буржуазии, а решения Верховного Суда

³¹) Schwartz B., American Constitutional Law, Cambridge, 1955, p. 214.

стали одной из составных частей фактической, реально действующей конституции США.

Характерно, что это обстоятельство в той или иной степени вынуждены признавать отдельные представители буржуазной юриспруденции США.

Еще Чарльз Хьюз, председатель Верховного Суда, откровенно говорил: «Мы под конституцией, но конституция — это то, чем считают ее судьи»³²). В 1947 году американский социолог Уайтхед, утверждающий, что ключ «науки о ценностях» следует искать в эстетике, вынужден был, хотя и в витиеватой форме, признать, что «Верховный Суд ищет эстетическое удовлетворение в приведении конституции в гармонию с деятельностью современной Америки»³³). Американские государствоведы Мейсон и Бини признают, что «...конституция является только первоначальным стволom. Новые важные ветви были добавлены, включая не только обычаи, но также поправки, узаконения и судебные решения»³⁴).

**

Анализ решений суда служит наиболее убедительным подтверждением того факта, что деятельность Верховного Суда в период империализма носит ярко выраженный классовый характер.

Наиболее показательными в этом отношении являются решения Верховного Суда, которые прямо защищают экономические интересы правящего класса и оказывают непосредственную услугу монополистическим объединениям США.

Так, главным образом в решениях американских судов была осуществлена разработка и детализация правового института корпорации, служащего правовой формой регулирования деятельности капиталистических объединений США. Именно Верховный Суд США распространил на корпорации действие правовых гарантий, предусмотренных в конституции США для защиты американских граждан. Характерен в этом отношении процесс развития 14-й поправки к конституции, принятой как средство охраны прав негритянского народа от дискриминаций со стороны властей штатов. В период бурного роста монополий Верховный Суд положил начало использованию 14-й поправки для защиты права собственности и договоров капиталистических объединений³⁵). В тех случаях, когда в интересах монополий необходимо было ликвидировать нежелательные законы штатов, Верховный Суд, используя «каучуковое» положение конституции о торговле между штатами, на основании требования 14-й поправки о «законной судебной процедуре» признавал такие законы неконституционными.

Интересно, что в тех случаях, когда нужно было избавиться от регулирующего воздействия федеральных властей, суд, применяя все то же понятие междуштатной торговли (на этот раз произвольно сужая его), но уже на основании «законной судебной процедуры» 5-й поправки, признавал недействительными соответствующие акты федеральных властей.

Ряд решений Верховного Суда, направленных на приспособление к интересам крупного капитала налоговой политики США, непосред-

³²) См. Rodell F. Nine Men. A. Political History of the Supreme Court from 1790 to 1955, N. Y., 1955, p. 8.

³³) Цит. по кн. Freund P. A., On Understanding the Supreme Court, Boston, 1950, p. 7.

³⁴) Mason A. and Beany W., American Constitutional Law. N. Y., 1954, p. 7.

³⁵) Minneapolis etc. RV. v. Beckwith, 1889. Covington etc. Road Co. v. Sandford. 1896. См. Willis H. E., Constitutional Law of the United States, Bloomington, Indiana, 1936, p. 853.

еенно содействовал обогащению американских монополий. Так, в 1895 году суд признал неконституционным установленное конгрессом двухпроцентное обложение доходов, превышающих 4 тыс. долларов. Суд обосновал свое решение тем, что налог на доход является прямым обложением, допускаемым конституцией только под условием пропорционального распределения по штатам в соответствии с количеством населения³⁶⁾.

При рассмотрении дела в суде адвокаты монополий, в частности, бывший сенатор Эдмундс, открыто заявляли, что налог следует отменить потому, что по налогу 95% всех денег будут получены от 2% облагаемых налогом жителей США, а поэтому он невыгоден для крупного капитала³⁷⁾. Разумеется, адвокаты монополий умолчали вместе с тем о том обстоятельстве, что эти 2% граждан имеют больший доход, чем 50% всего населения США.

После принятия в 1913 году 16-й поправки к конституции, имеющей целью отвергнуть те формальные возражения, которые суд использовал в 1895 году, Верховный Суд стал использовать новые методы для уменьшения налогов, уплачиваемых монополиями. В 1920 году по делу «Эйзнер против Макомбер» суд вопреки смыслу 16 поправки заявил, что налог на дивиденды является якобы налогом не на доход, а на собственность и поэтому запрещен ст. 1 конституции, требующей пропорционального разложения прямых налогов³⁸⁾.

В 1925 году Верховный Суд признал неконституционным закон штата Висконсин, который имел в виду покончить с практикой уклонения крупными капиталистами от уплаты налога на наследство с помощью фиктивных дарений. В 1928 году такая же участь постигла закон штата Пенсильвания, установивший специальный налог на корпорации.

Наиболее действенную помощь монополистическому капиталу оказали многочисленные решения Верховного Суда по делам, связанным с применением антитрестовского законодательства. В ходе истории применения антитрестовских актов Верховный Суд не только изыскал ряд способов ограничения их действия, но своими произвольными толкованиями по сути дела создавал новые правовые положения, практически содействующие и благоприятствующие дальнейшей монополизации капитала.

Спустя пять лет после принятия закона Шермана в 1895 году Верховный Суд отказался признать монополией и потребовать роспуска Сахарного треста США, осуществлявшего почти полный контроль за производством и продажей рафинированного сахара в стране. Для этого суд использовал свой обычный прием, заявив, что деятельность Сахарного треста стоит якобы вне сферы осуществления междуштатной торговли, а поэтому не может подвергаться регулированию со стороны федерального законодательства. Кроме того, в этом деле суд создал важный прецедент, в соответствии с которым закон Шермана должен применяться только к монополиям в области торговли, но не к монополиям в сфере производства³⁹⁾. Своими произвольными критериями в опеределении по-

³⁶⁾ Интересно, что для этого суду пришлось прямо отказаться от ряда своих предшествующих решений, в которых он признавал, что налог на доходы не является прямым налогом.

³⁷⁾ См. Swisher C. B., *American Constitutional Development*, Boston, 1954, pp. 443—444.

³⁸⁾ *Limitation of Power of Supreme Court to Declare Act Congress Unconstitutional*, N. Y., 1935, p. 76.

³⁹⁾ *Cases on the federal anti-trust laws of the United States*, Langdell Hall. Cambridge, 1933, p. 25.

ятий «торговли» и «производства» суд открыл возможность судебных уверток, с помощью которых могут быть освобождены от ответственности крупные монополистические объединения.

В решениях Верховного Суда по делам «Стандарт Ойл Компани» 1911 года и «Табачного треста» 1912 года было окончательно сформировано и принято в качестве руководящей доктрины правило о «разумности» монополии⁴⁰⁾, являющееся весьма благовидным предлогом в руках административных и судебных органов для того, чтобы отказаться преследовать любое «разумное» по их мнению объединение капиталов⁴¹⁾.

Бесплодность закона Шермана окончательно выявилась в 1920 году при рассмотрении Верховным судом дела Стальной корпорации США. В своем решении суд был вынужден признать, что эта гигантская корпорация США достигла большого могущества. Но вместе с тем вопреки фактам суд утверждал, что корпорация якобы не установила монополии, а сам ее «внушительный» размер, как существование неиспользованной возможности, не может рассматриваться как нарушение закона. Более того, по мнению суда, роспуск такой корпорации нанесет якобы вред интересам страны и расстроит существенным образом международную торговлю⁴²⁾.

Используя установленные в виде прецедентов суда увертки и оговорки, правящий класс США, с одной стороны, в целях умиротворения общественного мнения возбуждает в соответствии с законом Шермана правительственные иски против отдельных корпораций (причем, количество таких исков ничтожно в сравнении с общим числом существующих в США монополистических объединений), а с другой стороны, нейтрализует эти же иски с помощью Верховного Суда и других федеральных судов. Так, Верховным Судом был похоронен целый ряд судебных исков против различных монополистических организаций: против водочного треста, против мясных компаний, против компании счетных машин, против компании жатвенных машин, объединенной компании, изготавливающей машины для производства обуви и т. д.

Благодаря деятельности Верховного Суда в течение более чем полувека были полностью застрахованы от возможного применения закона Шермана крупнейшие монополистические корпорации в области страхового дела. Еще в 1869 году суд в решении по делу «Пауль против Виргиния» заявил, что «выпуск страхового полиса не является коммерческой сделкой»⁴³⁾. Ухватившись за это решение, страховые компании утверждали, что закон Шермана не применим к ним, поскольку он был принят конгрессом в осуществление своего полномочия регулировать торговлю. И только в 1944 году суд признал возможным применять акт Шермана к страховым компаниям⁴⁴⁾. Однако, это решение суда не подорвало позиций страховых монополий, которые в послевоенные годы только усилились. В настоящее время «большая пятерка» страховых компаний располагает почти половиной активов страховых корпораций США⁴⁵⁾.

⁴⁰⁾ Ibid, pp. 41—42.

⁴¹⁾ Весьма характерны высказывания отдельных американских монополистов, сделанные в связи с решением суда по делу «Стандарт Ойл». Так Дж. Пьерпонт Морган сказал: «Я рассматриваю решение, касающееся Стандарт Ойл, как всецело положительное; кроме того, я ожидал его...». Яков Х. Шифф заявил: «Я полагаю, что общий эффект решения Верховного Суда будет наиболее благоприятным для корпораций страны...» (см. Myers G. op. citi, p. 785).

⁴²⁾ Cases on the federal anti-trust laws of the United States, Langdell Hall. Cambridge, pp. 273—283.

⁴³⁾ Цит. по United States Reports. vol. 322 p. 543.

⁴⁴⁾ United States v. South-Eastern Underwriters Association. 332 U. S. 539.

⁴⁵⁾ См. Корпорации-миллиардеры. М., 1954, стр. 46.

В 1946—1948 гг. Стальная корпорация США с целью установления полной монополии в производстве стали на западном побережье США приобрела ряд новых сталелитейных компаний. Верховный Суд США в 1948 году вновь признал необоснованным предъявленное стальным компаниям обвинение в нарушении закона Шермана. Суд заявил, что приобретение заводов с целью поглощения основной части продукции стали, неизбежно влекущее за собой усиление позиций монополий, «отражает скорое нормальную деловую цель, чем план нарушения закона»⁴⁶⁾.

Характерно, что такой государственный орган США, как комитет по делам юстиции палаты представителей признал, что это решение «является одной из причин, почему закон Шермана в том виде, как он истолкован судами, не является достаточным для того, чтобы иметь дело с проблемой слияний и приобретений»⁴⁷⁾.

Участь, аналогичная закону Шермана, постигла и другие «антитрестовские» законы США — «Акт о федеральной торговой комиссии 1914 года», так называемый закон Клейтона 1914 года и другие.

Наиболее важное положение закона Клейтона, запрещающее установление монополии посредством приобретения долей в конкурирующих предприятиях, было сведено на нет решением суда 1926 года по делу «Свифт и К°», в котором заявлялось, что закон имеет в виду якобы только те случаи, когда корпорация скупает большую часть акций конкурирующего предприятия, но не поглощение этого предприятия посредством покупки его заводов, оборудования и т. д.

В 1950 году конгресс под давлением общественного мнения принял акт, запрещающий слияние корпораций не только путем скупки акций, но также посредством приобретения имущества конкурирующих компаний. Однако, целый ряд содержащихся в акте оговорок, открывающих простор для судебного усмотрения, сделали его фактически бесплодным и малоэффективным. Как признается в докладах комитетов конгресса по делам юстиции, соответственно решениям Верховного Суда акт не применяется к делам о банкротстве, к случаям приобретения «незначительных» капиталов и т. п.⁴⁸⁾.

Неудивительно, что если в 1945 году в промышленности США произошло 320 слияний, то в 1947 году их число увеличилось до 500, а в 1951 году, т. е. уже после принятия акта 1950 года, достигло 750.

В период империализма деятельность Верховного Суда, непосредственно направленная на удовлетворение экономических интересов правящего класса, выражается также в том, что суд неоднократно аннулировал отдельные акты законодательных органов, которые под давлением борьбы рабочего класса были вынуждены фиксировать частичные улучшения в жизненных условиях трудящихся. Благодаря энергичному сопротивлению монополистического капитала, находившему свое выражение, в частности, в виде обструкции со стороны Верховного Суда, в США намного позже, чем в других ведущих капиталистических странах, и с большими оговорками вступало в жизнь так называемое социальное законодательство.

Только в 1937 году Верховный Суд признал возможным законодательное регулирование минимума зарплаты для женщин⁴⁹⁾, тогда как этому признанию предшествовали решения, признающие неконституционными всякие попытки такого рода (1923 г., 1936 г.).

⁴⁶⁾ Federal Trade Commission. Reports on corporate mergers and acquisitions, G. P. O Washington, 1955 p. 108.

⁴⁷⁾ Ibid, p. 156.

⁴⁸⁾ См. ibid, pp. 169—170.

⁴⁹⁾ West Coast Hotel Company v. Parrish 399 U. S. 379.

Лишь в 1941 году в связи с усилением организованного рабочего движения, в обстановке второй мировой войны суд поддержал федеральное законодательство, регулирующее условия труда рабочих. Вместе с тем вплоть до этого года считалась руководящей установленная Верховным Судом еще в 1918 году доктрина, согласно которой конгресс не мог предписывать условия, ограничивающие эксплуатацию труда не только взрослых рабочих, но также и детей («Хаммер против Дагенхарт»).

Активную роль в период империализма играет Верховный Суд США в расправах с рабочими забастовками и стачками, в подавлении левых профсоюзов. Борьба суда с рабочим движением, представляющая собой один из способов усиления эксплуатации рабочего класса, имеет вместе с тем своей целью подрыв демократических прав и свобод американского народа.

Характерным проявлением антирабочей деятельности Верховного Суда являются решения, в которых суд признал возможным применение направленного против монополий закона Шермана к профсоюзным организациям. Но тогда как на признанные виновными в нарушении закона монополии суд, как правило, налагал штраф, размер которого не мог превышать 10 тыс. долларов, в 1908 году он постановил, что бойкотировавший предпринимателя профсоюз шляпочников должен уплатить компании по закону Шермана убытки в тройном размере, т. е. 240 тыс. долларов⁵⁰).

В 1895 году в решении, направленном против одного из видных руководителей американского рабочего движения — Е. Дебса, — суд санкционировал одно из самых жестоких правовых средств, применяемых судами в период империализма для подавления стачек и забастовок трудящихся — судебные приказы («инджанкшн»)⁵¹).

Признав в 1908 году недействительным акт конгресса, запрещающий заключение договоров «желтой собаки»⁵²), в соответствии с которыми служащие под угрозой потери работы обязуются не вступать в профсоюз, Верховный Суд длительное время выступал в качестве покровителя этих антирабочих и антипрофсоюзных договоров. В 1915 году суд аннулировал закон штата Канзас, согласно которому заключение договоров «желтой собаки» рассматривалось как преступление⁵³).

Вслед за принятием в 1914 году закона Клейтона, представлявшего собой известную уступку рабочему движению, Верховный Суд в своих решениях заявил, что закон не представляет якобы ничего нового, а поэтому не может препятствовать применению к профсоюзам санкций закона Шермана, а также выдачи судебных приказов. В 20-х годах XX века Верховный Суд вопреки закону Клейтона подтвердил ряд решений федеральных судов, в которых закон Шермана и судебные приказы использовались для жестокого подавления профсоюзных забастовок и стачек⁵⁴).

Вплоть до 30-х годов XX века Верховный Суд самым решительным образом отвергал попытки законодательного и административного регулирования отношений между рабочими и предпринимателями. Так, в 1923 году Верховный суд аннулировал как невыгодную для монополий

⁵⁰) См. *Selected Supreme Court Decisions*, New York and London, 1937, pp. 219—220.

⁵¹) *In re Debs. Selected Supreme Court Decisions*, pp. 217—219.

⁵²) *Adair v. United States*. См. *Selected Supreme Court Decisions*, pp. 221—224.

⁵³) *Coppage v. Kansas*. См. *Bates E. S. op. cit.*, p. 238.

⁵⁴) См. решения по делам *Printing Press Co. v. Deering*, 1921; *American Steel Foundress v. Try City Central Trades Council*, 1921; *Bedford Cut Stone Co. v. Journeyment State Cutter's Association of North America*, 1927, см. *Selected Supreme Court Decisions*, pp. 236—241.

попытку регулирования трудовых отношений в целом ряде отраслей промышленности с помощью так называемого суда промышленных отношений⁵⁵⁾. Однако к концу 30-х годов в связи со все большим развитием в США системы государственно-монополистического капитализма, позиция суда соответственно претерпела изменения. В 1937 году Верховным Судом был подтвержден «Национальный акт о трудовых отношениях 1935 года» (закон Вагнера), содержащий в себе ряд уступок, которые правящий класс в связи с усилившейся активностью рабочего класса был вынужден сделать профсоюзам.

Однако по мере усиления государственного вмешательства в отношения труда и капитала шла вместе с тем постепенная ликвидация завоеванных в результате стачечной борьбы 30-х годов трудящимися профсоюзных прав. После второй мировой войны в условиях открытого антирабочего курса, проводимого конгрессом и президентом, Верховный Суд США был использован правящим классом для придания конституционной окраски антипрофсоюзному законодательству конгресса, а также для контроля и проверки решений окружных федеральных судов, которых конгресс наделил широкими полномочиями в области надзора за рассмотрением конфликтов между предпринимателями и рабочими. Суд, несмотря на энергичные протесты профсоюзов и всех демократических организаций США, в своих решениях подтвердил конституционность закона Тафта-Хартли, а также отдельных антирабочих и антипрофсоюзных законов, принятых после войны во многих штатах. Так, в 1949 году суд признал конституционными положения закона Тафта-Хартли, закона Аризоны, Северной Каролины, Небраски, запрещающие «закрытый цех», т. е. обязательство со стороны предпринимателя брать на работу только членов профсоюза⁵⁶⁾, а в 1950 году — грубо нарушающее конституцию положение закона Тафта-Хартли, требующее от руководителей профсоюзов принесения присяги о непринадлежности к компартии США⁵⁷⁾.

Классовый характер деятельности Верховного Суда в период империализма находит свое яркое выражение в его решениях, служащих укреплению политического господства правящего класса, из которых в настоящее время особо важное значение приобретают решения, направленные на подрыв конституционных прав и свобод американского народа.

Анализ этих решений позволяет развеять созданный буржуазной юриспруденцией миф о Верховном Суде, как об особом «защитнике» конституции и «блюстителе» гражданских прав, поскольку факты показывают, что суд не только не отстоял конституцию от посягательств и нарушений со стороны других государственных органов, но своими решениями существенно ограничил и урезал содержание Билля о правах и других конституционных поправок, закрепляющих буржуазно-демократические права американского народа. Те или иные содержащиеся в отдельных решениях суда и сделанные под давлением демократических сил незначительные уступки в этой области представляют из себя не более чем часть того, что самим судом или другими органами американского государства было ранее отобрано у народа США.

Еще в 1873 году Верховный Суд заявил, что Билль о правах не провозглашает якобы демократические права американцев, как граждан

⁵⁵⁾ Wolf Packing Co v. Court of Industrial Relation. См. Selected Supreme Court Decisions, pp. 164—168.

⁵⁶⁾ См. Факты о положении трудящихся в США (1947—1948 гг.), М., 1949, стр. 124. Факты о положении трудящихся в США (1949—1950 гг.), М., 1952, стр. 161.

⁵⁷⁾ American Communication Ass'n v. Douds. См. Swisher C. B., op. cit., p. 1040.

США, но содержит лишь указание того, на какие свободы американских граждан не могут посягать власти федерации⁵⁸).

Признав тем самым, что граждане США не наделяются федеральной конституцией основными буржуазно-демократическими правами, суд снял с федерального правительства ответственность за их охрану и обеспечение.

Как следствие этого, суд заявил, что Билль о правах не может служить основанием для защиты элементарных демократических прав американцев от посягательств и нарушений со стороны штатов⁵⁹).

В 1897 году Верховный Суд создал еще одну конституционную доктрину («Робертсон против Болдуин»), согласно которой положения Билля о правах не должны якобы рассматриваться как абсолютные и могут подвергаться ограничениям, признанным в «общем праве», т. е. таким ограничениям, которые устанавливаются самими же судами⁶⁰).

В ряде других дел суд объявил, что конституция США не защищает якобы права американских граждан от нарушений, проистекающих не от действий государственных властей, но со стороны «частных» лиц⁶¹).

Большое количество всевозможных ограничений было выработано Верховным Судом в практике применения отдельных конституционных поправок.

Наступление реакционных сил США на буржуазно-демократические свободы американского народа в период империализма находит свое выражение в решениях Верховного Суда, ограничивающих прежде всего действие 1-й поправки к конституции, из содержания которой вытекают такие важнейшие права граждан США, как свобода слова, печати, собраний.

Верховным Судом были выработаны доктрины, сделавшие возможным преследование американских граждан только за то, что они использовали права и свободы, гарантированные им 1-й поправкой (доктрина «явной и наличной опасности», доктрина «опасной тенденции»⁶²). Исходя из этих доктрин, суд поддержал ряд антидемократических приговоров, направленных против коммунистов и других демократических деятелей и вынесенных на основании неконституционных законов отдельных штатов о так называемом преступном анархизме и синдикализме, а также законов конгресса «О шпионаже» 1916 года (с поправкой 1918 г.) и «О регистрации иностранцев» 1940 г. (закон Смита).

Вслед за окончанием второй мировой войны суд, призванный, казалось бы, отстаивать конституцию, либо пассивно бездействовал в отношении целого ряда правительственных мероприятий и актов конгресса, направленных на преследование демократических сил и имеющих своим неизбежным результатом дальнейший подрыв законности в стране, либо выступил с их открытой поддержкой. Так, Верховным Судом в целом была поддержана широко разветвленная система проверки лояльности и безопасности, а также допросы многочисленных расследовательских

⁵⁸) *Slaughter House Cases* Верховный Суд в ряде своих решений пояснил, что же, по его мнению, составляет содержание гражданства в федерации (право перехода из одного штата в другой, право участвовать в торговле между штатами и др.), но в число указанных судом прав не были включены основные демократические гарантии Билля о правах. См. *Constitution of the United States of America. Analysis and Interpretation. Annotation of cases decided by the Supreme Court...* Washington, 1953, p. 967.

⁵⁹) *Hamp. Maxwell v. Dow*. 1900 г.

⁶⁰) См. *Constitution of the United States of America. Analysis and Interpretation* p. 770.

⁶¹) *Hamp. United States v. Harris*. 1883.

⁶²) *Schenck v. United States*, 1919. См. *Mason A. and Beany W. op. cit.*, p. 571; *Schaefer v. United States*. 1920. См. *Constitution of the United States. Analysis and Interpretation*, p. 744.

комиссий конгресса, хотя все эти антидемократические мероприятия прямо противоречили 1-й поправке к конституции.

Вопрос о конституционности программы проверки лояльности рассматривался судом в апреле 1951 года по делу «Бейли против Ричардсон», причем суд, отклонивший апелляционную жалобу, показывающую, что правительственные действия нарушают 1 и 5 поправки к конституции, фактически признал тем самым проверку лояльности допустимой⁶³).

По делу коммуниста Джозефсона и председателя объединенного антифашистского комитета д-ра Барского суд заявил, что комиссии конгресса имеют право расследовать «пропагандистские» действия политических групп с тем, чтобы определить, существует или нет «явная и наглядная» опасность для американской демократии⁶⁴).

В связи с этим суд подтвердил целый ряд приговоров, вынесенных федеральными судами за отказ свидетеля перед расследовательскими комиссиями отвечать на вопрос о своих политических убеждениях и идеалах (дело Ю. Денниса, дело 10 прогрессивных деятелей Голливуда и др.).

Гарантированная 1-й поправкой свобода мнений и убеждений была особенно грубо нарушена в решениях суда, поддержавших конституционность важнейших положений закона Смита (дело 11 руководителей коммунистической партии США, 1951 г.⁶⁵) и др.), Маккарена-Уолтера (дело финляндца Хейкила⁶⁶), на основании которых организовываются судебные процессы против коммунистов, лиц, заподозренных в сочувствии к коммунизму, и всех прогрессивно настроенных американских граждан.

Отдельные уступки, которые демократическим силам США удавалось добиваться от Верховного Суда после второй мировой войны, были возможны только в тех случаях, когда по тому или иному вопросу компартии и другим прогрессивным организациям удавалось переселить реакционные элементы, собрать вокруг себя широкое демократическое большинство, мобилизовать общественное мнение, с которым в известных пределах вынужден считаться Верховный Суд. Однако эти уступки суда, носящие неизбежно половинчатый, непоследовательный характер, не меняют того общего положения, что в послевоенные годы права, предусмотренные 1-й поправкой, как и другие конституционные гарантии, при «конституционной» поддержке Верховного Суда были подвергнуты серьезным ограничениям.

Вынужденный в апреле 1956 года под давлением всех демократических сил США отменить построенный на показаниях лжесвидетелей и платных осведомителей ФБР приказ управления по контролю над подрывной деятельностью о регистрации компартии в качестве «организации коммунистического действия» по закону Маккарена-Вуда 1950 года, суд вместе с тем уклонился от рассмотрения вопроса о конституционности этого антидемократического закона, на основании которого, вопреки 1-й поправке, могут преследоваться любые организации, деятельность которых нежелательна для правительства⁶⁷).

Верховный Суд США сделал многое для того, чтобы санкционировать незаконные средства, используемые полицейскими чиновниками

⁶³) См. Pritchett H. C. Civil Liberties and the Vinson Court, The University of Chicago Press, 1954, p. 94.

⁶⁴) См. Carr R. The House Committee on Un American Activities 1945—1950. N. Y 1952, pp. 423—424.

⁶⁵) См. Swisher C. B., op. cit., 1042.

⁶⁶) См. Daily Worker, New York, 17 March 1953.

⁶⁷) См. Правда, 4 мая 1956 г.

и ФБР для добычи «доказательств» обвинения в прямое нарушение 4-й конституционной поправки, запрещающей производство неосновательных обысков и арестов. Такие средства особенно важны для правящего класса в тех случаях, когда требуется добыть «уличающие» доказательства против того или иного прогрессивного деятеля. Этой цели содействовали решения Верховного Суда, санкционирующие телефонные подслушивания («Олмстед против Соединенных Штатов», 1928 г.⁶⁸), «Нордоун против Соединенных Штатов», 1937 г.⁶⁹), использование детекторов для подслушивания разговоров в соседней комнате («Гольдман против Соединенных Штатов», 1947 г.⁷⁰) и т. п.

Исходя из смысла конституции, Верховный Суд в 1914 году признал, что доказательства, полученные в нарушение 4-й поправки, не могут использоваться в федеральных судах. Но в 1949 году в решении по делу «Вольф против Колорадо» суд заявил, что эта доктрина не является требованием 4-й поправки, а созданным в судебном порядке правилом о доказательствах, которое конгресс может пересмотреть⁷¹).

Большую услугу правящему классу в период империализма оказали решения суда, направленные на подрыв 5-й поправки к конституции, содержащей ряд важнейших гарантий неприкосновенности личности. Решения Верховного Суда, оправдывающие произвольные действия административных и судебных органов, «легально» суживали сферу действия этой конституционной поправки.

Суд санкционировал грубое нарушение того положения 5-й поправки, которое запрещает заставлять кого бы то ни было свидетельствовать против самого себя, тогда как такие нарушения стали особенно частым явлением в США после второй мировой войны в связи с деятельностью разнообразных расследовательских комиссий и проверкой лояльности. 26 марта 1956 года Верховный Суд подтвердил конституционность акта конгресса «Об иммунитете» 1954 года, представляющего из себя замаскированный способ лишения свидетелей их конституционных прав по 5-й поправке, хотя, как признали сами судьи Дуглас и Блэк, по этому закону «привилегия молчания обменена на частичный, неопределенный, смутный иммунитет»⁷²).

Значительному ограничению в решениях Верховного Суда подверглась 6-я поправка к конституции, имеющая своей целью охрану прав обвиняемого в уголовном процессе. Так, суд своими решениями немало содействовал подрыву положения 6-й поправки о том, что обвиняемый имеет право требовать очной ставки с лицом, дающим против него показания. Суд заявил, что это право обвиняемого вытекает не из 6-й поправки, а из «общего права», признающего в нем ряд ограничений⁷³).

Суд санкционировал также грубое нарушение того положения поправки, которое гарантирует обвиняемому помощь со стороны адвоката. Характерным в этом отношении является его решение 4 июня 1951 года по делу 11 руководителей компартии, в котором суд вместе с тем поддержал приговор за «неуважение» адвокатам, защищавшим коммунистов. В марте 1952 года он вновь подтвердил этот приговор, откровенно заявив, что суды должны иметь неограниченное право «пресекать пагубное и чрезмерное усердие» со стороны защитников обвиняемых⁷⁴).

⁶⁸) См. Mason A. and Beany W. op cit., pp. 520—524.

⁶⁹) 302 U. S. 373.

⁷⁰) 316 U. S. 129.

⁷¹) См. Mason A. and Beany W., op. cit., p. 512.

⁷²) См. Washington Post and Gerald Tribune 27 March 1956.

⁷³) Salinger v. United States. 1926. См. Constitution of the United States of America Analysis and Interpretation, p. 884.

⁷⁴) Daily Worker. N. Y. 11 March. 1952.

Профсоюз портовых грузчиков и портовых рабочих сделал в связи с этими, направленными на запугивание адвокатов, решениями суда следующее заявление: «Если нынешнее направление Верховного Суда не будет изменено народом, мы можем придти к такому времени, когда ни один адвокат не возьмется за дело, касающееся тред-юниона, если только союз не будет рассматриваться Национальной ассоциацией промышленников как на 100% удовлетворяющий ее линии»⁷⁵).

Одной из особенностей похода буржуазии против конституционных прав и свобод в США является то, что он нашел свое первоначальное выражение в усилиях реакционных кругов ликвидировать демократические завоевания негритянского народа. Уже в 70—80-х годах XIX века Верховный Суд был использован американскими расистами для того, чтобы подорвать значение 13-й, 14-й, 15-й поправок к конституции и создать взамен ликвидированного рабовладения новую систему правового неравенства негритянского народа.

По всей стране и особенно на Юге решения Верховного Суда, «конституционно» обосновывающие грубейшие нарушения прав негров, были восприняты как сигнал к принятию дискриминационного законодательства, лишаящего негров их важнейших конституционных прав.

Так, еще в конце XIX века судом была признана конституционной насаждаемая во всех областях общественной жизни позорная система сегрегации негров. Выработанная в решении суда по делу «Плесси против Фергюссон» в 1896 году правовая доктрина «раздельных, но равных возможностей» в течение более полувека являлась как правовым, так и теоретическим оправданием сегрегации негров. Лишь в мае 1954 года, а затем вновь в 1955 году под давлением негритянского народа и всех демократических сил США Верховный Суд был вынужден признать несостоятельность этой доктрины и объявить неконституционной сегрегацию в публичных школах. Однако ни эти решения, ни последовавшие за ними другие решения, осудившие сегрегацию в некоторых других общественных местах, не поколебали системы сегрегации в целом. Решения суда о сегрегации, характеризующиеся половинчатостью и узостью, сами указали пути их возможного обхода, за что немедленно ухватились реакционные элементы, сопротивляющиеся уничтожению сегрегации.

Еще до вынесения решения Верховного Суда губернатор Южной Каролины заявил, что штат ликвидирует свою систему публичного образования и передаст свои школы частным лицам, если сегрегация будет признана судом неконституционной. В ноябре 1952 года в Южной Каролине была принята конституционная поправка, сделавшая возможным этот акт⁷⁶). Штат Георгия в 1954 году внес в свою конституцию поправку, предусматривающую предоставление «субсидий гражданам штата в целях образования»⁷⁷), т. е. в целях государственной поддержки частных сегрегированных школ.

Как сообщила газета «Дейли Уоркер» 9 ноября 1955 года, большинство раздельных школ, которые были признаны незаконными в решениях Верховного Суда от 17 мая 1954 года и 31 мая 1955 года, вновь сегрегируются. Конгресс отказался принять закон, реализующий решения суда, а министерство юстиции бездействует, тогда как необходимо предпринять конкретные шаги к устранению грубого нарушения конституции США⁷⁸).

⁷⁵) См. Daily Worker. N. Y. 13 March 1952.

⁷⁶) См. Pritchett H. C., op. cit., p. 127.

⁷⁷) См. New Republic. 26 December 1955.

⁷⁸) См. Daily Worker. New York. 9 November 1955.

В области уголовного процесса расовая дискриминация со стороны Верховного Суда находила свое выражение в том, что суд неоднократно устанавливал общие принципы, влекущие за собой тенденциозный разбор дел, связанных с рассмотрением обвинений против негров. В 1879 году по делу «Виргиния против Райвз» суд заявил, что 14 поправка не была нарушена, если жюри присяжных целиком состояло из белых лиц, но не было доказано, что негры отстранялись от участия в суде и с к л ю ч и т е л ь н о из-за их расы или цвета⁷⁹). Правда, впоследствии суду пришлось пойти на известные уступки, и в 1941 году, например, он признал преднамеренным исключение негров из жюри на основании того факта, что на территории с большим негритянским населением ни один негр не входил в список большого жюри в течение 16 лет⁸⁰).

Однако суд решительно отвергал принцип пропорционального представительства и отказывался признать, что число негров в составе присяжных должно быть пропорционально его отношению к общему числу населения данной территории. В 1945 году суд подтвердил приговор негру, несмотря на то, что только один негр входил в состав большого жюри, что никак не отражало действительной пропорции в составе местных жителей: негров и белого населения⁸¹).

Кроме того, выступая в качестве высшей судебной инстанции страны, Верховный Суд неоднократно отказывался пересматривать конкретные дела, представляющие собой образцы пристрастного и противоправного судебного разбирательства, носящего характер расправы над неграми (дело семерых мартинсвилцев, 4-х негров из Северной Каролины и т. д.).

Негритянскому народу и всем прогрессивным силам США не раз приходилось организовывать по всей стране широкие политические кампании для того, чтобы добиваться от Верховного Суда пересмотра явно несправедливых, жестоких, построенных на фальшивых и подложных обвинениях приговоров над неграми.

Наконец, своими решениями Верховный Суд длительное время оказывал упорное сопротивление стремлению негритянского народа добиться реального осуществления их избирательных прав, закрепленных 15-й поправкой к конституции.

В 1935 году, например, суд заявил, что резолюция конвента демократической партии штата Техас, согласно которой только белые могут участвовать в первичных выборах (праймериз), не нарушает 15-й поправки к конституции США⁸²). И если в 1944 году Верховный Суд был вынужден в конце концов признать неконституционным лишение негров права участвовать на выборах в праймериз⁸³), то в июне 1951 года он поддержал другой, более замаскированный способ отстранения негров от голосования — избирательный налог⁸⁴).

**

Наличие в США института судебного контроля правовых актов, предназначенного якобы для охраны и защиты конституции, отнюдь не означает того, что Верховный Суд действительно осуществляет конституционный контроль и обеспечивает соблюдение конституционных положений. Сама деятельность суда по «проверке конституционности» в период

⁷⁹) См. Logan W. Rayford. *The Negro in American Life and Thought* N. Y., 1955 p. 104.

⁸⁰) Hill v. Texas. 316 U. S. 400.

⁸¹) Akins v. Texas. См. Swisher C. B., op. cit., p. 1051.

⁸²) Grovey v. Townsend 295 U. S. 45.

⁸³) Smith v. Allwright 321 U. S. 649.

⁸⁴) См. в кн. «Мы обвиняем в геноциде», М., 1952, стр. 272.

империализма свидетельствует о том, что суд руководствуется при этом не стремлением отстаивать конституционные принципы, а исходит из эгоистических интересов господствующего класса.

Коммунистическая партия и все прогрессивные силы США решительно требуют пересмотра и отмены неконституционных и игнорирующих волю большинства американского народа решений Верховного Суда, которыми сужается и ограничивается сфера действия важнейших демократических поправок к конституции США.

Вместе с тем, только прогрессивные силы США выступают с требованиями эффективной и последовательной реализации тех решений суда, в которых под давлением общественного мнения он был вынужден выступать с подтверждением отдельных конституционных положений.

Кафедра теории и истории государства и права
Томского государственного университета
имени В. В. Куйбышева

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	Стр. 3
Ким А. И. — Первая конституция СССР и советское всеобщее избирательное право для трудящихся	5
Артуров О. А. — Основы государственного права народного Китая	25
Мелёхин Б. И. — Роль народных масс в борьбе за международную закон- ность	41
Хаскельберг Б. Л. — Некоторые вопросы права общей собственности граждан (по материалам судебной практики)	59
Щеглов В. Н. — К вопросу о понятии доказывания в советском граждан- ском процессе	75
Петров В. Н. — Организация труда в колхозах (1930—1934 гг.).	81
Кисенишский М. М. — К вопросу о понятии состава преступления в со- ветском уголовном праве	91
Филимонов В. Д. — Судимость и ее погашение по советскому уголовному праву	99
Любавин А. А. — Понятие и виды подсудности в советском уголовном процессе	113
Ременсон А. Л. — К вопросу о происхождении реакционной буржуазной биокриминологии	129
Решение секции юридических наук	146
Жидков О. А. — Верховный Суд США в период империализма	147

Исправления и замеченные опечатки

СтрСтрр.	Строка	Напечатано	Следует читать
19 199	16 снизу	и его	к его
63 633	7 сверху	отведен	оформлен
77 777	20 сверху	стр. 118 ГПК	ст. 118 ГПК
83 833	11 сверху	каниталистов и тем самым	капиталистов,
84 844	25 снизу	обобщив	обобщая
118 183	17 снизу	борьбы. Советское	борьбы Советское
123 233	22 сверху	любого должностного	любого недолжностного
124 244	7 снизу	дела,	дела
131 31	5 снизу	перевод О. А.	перевод О. А. Чечотта
134 34	3 снизу	1866.	1866. цп. по статье Р. Менцлов. Особенности класса преступников. Юридический вестник. 1881 г., т. VIII, стр. 230.
134 34	21 снизу	главный психический	главный, психический
152 2	16 сверху	1787	1789
165 5	7 снизу	195	1954.
167 7	8 сверху	Некоторые вопросы права	Право

600

Цена 10 руб.